ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІ[И]

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18$^{65}_{66}$

КНИГА X.
ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи А. К. Киркора.

1866.

Дозволено Цензурою 31 Мая 1866 года Вильна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА:

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ"

ВЪ БУДУЩЕМЪ ЕГО $18\frac{66}{67}$ ГОДУ.

Вмѣсто всѣхъ прелюдій, нерѣдко самовосхваленій, которыми переполнены объявленія подобнаго рода и въ которыхъ мы нисколько не нуждаемся, — мы скажемъ кратко, что посильное служеніе наше дѣлу русской вѣры и народности продлится до тѣхъ поръ, пока Богу угодно будетъ поддерживать наши силы на этомъ поприщѣ, или пока обстоятельства, отъ насъ независящія, не поставятъ насъ въ печальной необходимости прекратить изданіе. Къ такимъ обстоятельствамъ мы относимъ, съ обычною намъ откровенностью, преимущественно возможность оскудѣнія матеріальныхъ средствъ; но мы вѣримъ, что люди русскіе не допустятъ насъ, или точнѣе — русское дѣло въ западной Россіи, до этой печальной возможности. Съ такою вѣрою и молитвою къ Богу, мы смѣло пу-

скаемся въ открытое предъ нами поприще новаго нашего года.

Вѣстникъ остается вѣренъ прежней своей программѣ:

Отдѣлъ I.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводомъ на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, — съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ, и съ прибавленіемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Очерки и разсказы изъ событій протекшаго быта и нравовъ, на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи западной Россіи, — ученыя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, — біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, — свѣденія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ, — опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества за границею, а не рѣд-

но и у насъ,—обличеніе ихъ во всемъ исполненіи фактовъ,—вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV.

Повѣсти, разсказы, очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіею,—свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,—о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ западной Россіи,—новыя государственныя постановленія и мѣстныя административныя распоряженія, исключительно касающіяся сихъ странъ,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти страны,—некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденція. Объявленія, и проч.

ВѢСТНИКЪ

Выходитъ съ іюля мѣсяца, ежемѣсячно, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ВИЛЬНѢ,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ г. *Сеньковскаго*.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,—у коммиссіонера „Вѣстника", книгопродавца *А. Θ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной.

ВЪ МОСКВѢ,—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца *А. Н. Θерапонтова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ Заиконоспас-

скаго монастыря; у книгопродавца г. *Черенина*, на Никольской улицѣ, и въ книжномъ магазинѣ г. *Базунова*.

ВЪ ВАРШАВѢ,— у книгопродавца г. *Кожанчикова*, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА" ЗА ГОДЪ:

для жителей *Вильны*, безъ доставки **6** р. **50** к., съ доставкою на домъ **7** руб. **50** коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи **8** руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала: „**Вѣстникъ западной Россіи**", *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю „Вѣстника" Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать „*Вѣстникъ*" за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за **18$^{62}/_{63}$** годъ, для жителей Вильны, по **5** руб., для иногородныхъ по **6** руб.; за **18$^{63}/_{64}$** годъ—для первыхъ по **6** руб., для послѣднихъ по **7** руб., за **18$^{64}/_{65}$** годъ для первыхъ по **7** руб., для послѣднихъ по **7** руб. **50** коп. Для выписывающихъ „Вѣстникъ" за *истекшіе* годы не менѣе 10-ти экземпляровъ дѣлается **5**% уступки въ цѣнѣ, не менѣе 25—**10**%,—50—**15**%—100—**20**%.

Редакторъ-Издатель **К. Говорскій**.

Редакторъ-Сотрудникъ **И. Эремичъ**.

Дозволено Цензурою 22 іюня 1866 года. Вильна.

Въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія.

I.

№ 15-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Выпись изъ книгъ земскихъ воеводства минскаго фундушевой записи, данной Анною изъ Огинскихъ Стеткевичевою православному Прилуцкому монастырю на разныя угодья, земли и имѣнія. 1636 г. (*)

Лѣта отъ нароженя Сына Божого тысяча шестьсотъ тридцать шестого месяца Генваря двадцать первого дня.

На рокахъ (срокахъ) теперешнихъ судовыхъ земскихъ потрехъ кроляхъ святе Римскомъ въ року выписаномъ припалыхъ и порадкомъ статутовымъ судовне въ Минску отправованыхъ передъ нами Мартиномъ Володковичомъ судею Самуелемъ Немстою Подсудкомъ а Кристофомъ дворяниномъ его королевское милости и писаромъ врадники судовыми земскими воеводства Минского постановившисе очевисто у суду ее милости пани Анна Огинска Вильгельмова (по другому списку Веніяминова — что и вѣроятнѣе) Стеткевичовая Подкомориная Браславская покла-

(*) Документъ свидѣтельствующій православіе и ревность къ нему предковъ, ополячившихся въ послѣдствіи западно-русскихъ дворянъ Огинскихъ, Стеткевичовъ и князей: Заславскихъ, Вишневецкихъ и Горскихъ.

дала и признала листъ свой добровольный водле права справленый фундушъ на речъ меновите въ томъ листе описанную и просила абы тотъ листъ ее милости до книгъ справъ вечистыхъ земскихъ воеводства Минского былъ вписанъ которого того листу фундушу мы судъ оглядавши и читаного выслухавши, казали есмо его до книгъ земскихъ вечистыхъ вписать, который вписуючисе въ книги слово отъ слова такъ се въ собе маетъ: я Анна Огинская Вильгельмовая (Веніяминова) Стеткевичовая Подкоморина Браславская чиню явно и сознаваю симъ моимъ добровольнымъ листомъ вечистымъ фундушомъ кому бы то ведати належало нынешнимъ и напотомъ будучимъ людемъ, ижъ я по небощику покойномъ его милости пану Вильгельму Стеткевичу Подкоморымъ Браславскимъ малжонку моемъ маючи доживотне на маетности Прилукахъ въ воеводстве Минскомъ лежачой, въ которой-той маетности съ давныхъ часовъ церковъ се найдовалажъ противко воротъ дворныхъ заложеня Святое-Тройцы: въ которой церкви тѣлъ зацныхъ (знатныхъ) барзо много, яко-то княжихъ Заславскихъ, Вишневецкихъ, Горскихъ и иншихъ звароду шляхецкого поховано, гдѣ тежъ и я милаго малжонка моего его милости пана Вильгельма (Венямина) Стеткевича Подкомораго Браславскаго и сына своего его милости пана Яна Стеткевича Хоружаго Оршанскаго поховала, тамъ же и я сама, хочу абы при миломъ малжонку и сыну моемъ тело мое по смерти было положоно, гдѣ тежъ замысляю, если ми Господь Богъ живота продолжитъ и мурованую (каменную) выставитъ. А же помененая Церковь жадное фундаціи немела, про то я хотечы, абы въ той церкви хвала Божая и молитва уставичная якъ за души змарлые, такъ тежъ и за здоровье живыхъ домовства нашого Окгинскаго и Стеткевичовскаго николи не уставала на што маючи собе даного отъ чесного Отца Өеофилакта Игумена Минского зъ Монастыря и Церкви светыхъ Апостолъ Петра и Павла чесного господина отца Іосифа Груковича на игуменство и побожныхъ иноковъ благословеніе ясне въ Бозе превелебнейшаго его милости отца Петра Могилы архіепископа митрополита Кіевскаго и Галицкаго и всес Руси Екзархы трону Константинопольскаго, архимандрита Печерскаго

стверженыхъ упатриламъ на выховане тыхъ иноковъ селко Сухочичье, въ которомъ-то селе мешкаючи теперь Кашинскій, а маючи доживоте на трехъ волокахъ трехъ тежъ подданыхъ держить въ певной границы одъ села Шпилекъ подданыхъ княжаты его милости Радивила на той границы концовъ чотыри, концемъ однымъ одъ села Тимошкевичъ, а другимъ концемъ отъ гостинца, што идетъ зъ Минска до Слуцка презъ Гайчино, тые три волоки што Кашинскій держить досталнее отъ княжати его милости Радивила ей милости пани маршалковой небощицы свекрови моей заменою. Также подъ Лепартомъ волока одна подданые-зась три, которые никому суть незаведеныи держать волокъ три Омелянъ, Семенъ, Иванъ Годиловичи, на три волоки тые сеножать надъ рекою Пчычомъ, прозываемае Серковка, зъ одное стороны съ сеножатьми села Лецковщизны; а зъ другое села Тимошкевичъ конецъ до реки Пчича (Птича), до четвертое волоки сеножати не машь. (нѣтъ) на высокомъ полю для пашни дворца Монастырскаго волокъ четыри, до тыхъ волокъ сеножать заразъ не подалеко того мейсца, гдѣ дворецъ маетъ быть монастырскій въ полъ зъ ее милостью панею Нарушевичевою, и другая сеножатъ Поповка противъ стодолы, которые то помененые волоки за всимъ на всимъ, якъ тые, што Кашинскій, Ленартъ и подданые держать зъ будованемъ строеніями и зо всими приналежностями, такъ-тежъ и што на дворную пашню отделены, на монастырь свой прилуцкій даю и записую, и гору, на которой колись была церковь Успеніи Пречистое Богородицы, названую германовскую съ двема огородами вколо тое горы; которая лежить почавши отъ дороги, што идетъ зъ Минска до Гритчина подъ самымъ дворомъ аж до реки Пчыча, зъ другое стороны дорога делить, которая идетъ до Лецновщизны, зъ трети стороны дѣлятъ сеножати села Подгая надъ рѣкою Пчычемъ, зъ четвертое стороны копцы усыпаны три, на монастырь, въ которомъ мешкати будутъ черицы дала есми зъ будованемъ; а на церковь прилуцкую монастырь и селко Слухочычи, въ которомъ волокъ двадцать зо всими приналежностями зъ свое власное

сумы маючи пять тысячей злотыхъ съ которыхъ одну тысячу на погребъ собе зоставивши, а чотыре тысячи на тое селко Слухочычи вношу, въ млине тежъ мерки и заплаты жадное, если на монастырскую потребу будутъ молоть, арендарь мой брать не маетъ николи, тое все якъ церковь, монастырь и село Сухочыцы заразъ въ моцъ и держане отцу Іосифу Игумену и братіи его, которыхъ маетъ быти пять, подаю. А же по смерти моей тая маетность моя Прилуцкая спадетъ на его милость папа Христофора Стеткевича сына моего, такътежъ и на внуки мои, а дети годное памети небощика его милости папа Яна Стеткевича хоружаго оршанского, теды якомъ сама устне упросила его милости папа Христофора Стеткевича сына моего абы тоей фундаціи моей не нарушалъ, который ми то не тылько самъ за себе але и за потомки свои прирекъ фундаціи моей не нарушать и уніи не вправажать, такътежъ, если бымъ взросту внучковъ моихъ, а детокъ небощика папа Яна Стеткевича сына моего недочекала; теды оныхъ отожъ тилько прошу. Еслибы тежъ, чего Боже уховай, который зъ нихъ такъ неуважнымъ знашолсе, на котораго часть съ подѣлу тотъ кгрунтъ, на которомъ тая Церковь стоитъ, такъ-тежъ и село сухочычи названое, а схотѣлъ бы тотъ фундушъ мой нарушить, теды таковый повиненъ будетъ четыри тысячи золотыхъ до рукъ отца Игумена минскаго церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла такъ-тежъ и Игумена моего Прилуцкаго и братіи его отдать, а самаго еднакъ таковаго предъ справедливого судью Милостиваго Бога позываю. Церковь еднакъ и монастырь, же зъ давнихъ часовъ на тыхъ кгрунтахъ бывали теды немаютъ быть жаднымъ способомъ порушены. А помененный отецъ Игуменъ Минскій и мой Прилуцкій за тые гроши повинны будутъ, упатривши собе кгрунтъ и фолваркъ, купить на выховане. Отецъ Игуменъ тежъ мой Прилуцкій, якъ теперъ, такъ и въ потомные часы маетъ быти подаваный каждый и дозираный зъ братіею своею и суженый отъ отца Игумена Минскаго, ведле листу на благословеніе данаго отъ его милости въ Бозе велебнаго отца Петра Могилы митрополита Кіевскаго

въ не уніи будучаго. А тая церковъ съ початку своего до сего часу, якъ не знала уніи съ костеломъ римскимъ, такъ и въ потомные часы вечне зоставати мастъ подъ послушенствомъ митрополиты Кіевскаго, который послушный будетъ патріархи Константинопольскаго, яко и теперешній. До которое то церкви и монастыра штомъ-колвекъ за живота моего справила и надала, а што еще надамъ, або отпишу теды то маетъ вечне зоставати при церкви водлугъ инвентару, который есть написаный отъ отца Игумена Минскаго, а въ тое вже а ни я сама, а ни панове сынове мои и внукове, а ни жаденъ (ни одинъ) съ кревныхъ и повинныхъ моихъ вступатисе не маетъ и мочи не будетъ вечными часы, еднакъ, абы тая фундація моя вечне трвать могла, теды по животе моемъ въ опеку и оборону тотъ монастырь мой Прилуцкій его милосли папу Богдану Стеткевичу подкоморому мстиславскому сыну моему милому якъ единовѣрному въ послушенстве всходнемъ найдуючемуся зо мною посполу злецаю (поручаю), а по животе его милости въ томъ дому пановъ Стеткевичовъ якъ-то: его милости папа Христофора Стеткевича подкомораго Браславскаго его милости папа Богдана подкомораго мстиславскаго и небощика его милости папа Яна Хоружаго Оршанскаго, сыновъ моихъ милыхъ если зъ ихъ потомства будутъ тогожъ вызнаня и послушенства, теды старшая леты и близшая до дедицтва маетъ быти една персона опекуномъ того монастыря Прилуцкого, а чого боже не дай, если бы въ тымъ дому стеткевичовскомъ тое веры и вызнаня не стало персоны теды тая опека спадати маетъ на братство Минское светыхъ апостолъ Петра и Павла вечными часы, которое не есть въ уніи. А для лепшое твердости того вечистаго фундушу моего печать свою притиснуть велевши рукою моего подписаламъ до которогомъ тежъ упросила людей зацныхъ обывателей воеводства минского, абы печати свои притиснувши руки свои подписали, которыхъ имена и прозвиска нижей руками ихъ милостей суть выражены: Деялосе въ Минску року отъ нароженя Сына Божого тысяча шестсотъ тридцать пятаго мѣсяца декабря двадцать осьмого дня. У того листу фундушу печатей при-

весистыхъ чотыре и подпись рукъ письмомъ польскимъ, тыми словы: Анна Окгинская Стеткевичова рукою властною. Яко упрошеный Христофъ Стеткевичъ подкоморой Браславской рукою властн. Яко упрошеный печатникъ Өедоръ Друцкій Горски войтъ Мински рукою властною. Илья Володковичъ рукою властною. Который тотъ листъ фундушъ на речь въ немъ въ середине описанную прозьбою ее милости папи подкомориное браславское до книгъ справъ вечистыхъ земскихъ воеводства Минскаго есть вписанъ и сесь выпись съ книгъ подъ печатьми нашимм врадовыми велебному отцу Іосифу Груковичу Игумену монастыря Прилуцкаго и по немъ настоятелемъ его есть выданъ писанъ у Минску.

Мартинъ Володковичъ судья земскій мѣнскій рукоювласною.

МП. МП.

Христофъ Володковичъ писарь.

Року тысяча шестсотъ шестдесятъ четвертаго мѣсяца маія двадцать шестого дня тотъ экстрактъ въ Бозе веленый его милость отецъ Германъ Высоцкій наместникъ монастыра Минскаго на враде кгродскомъ минскомъ до актъ покладалъ.

Александръ Такаевскій писаръ Кгродскій наместникъ воеводства Минскаго.

Сей документъ заимствованъ изъ архива Пинскаго Богоявленскаго монастыря.

№ 16-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УНІИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Квитъ возпаго виленскаго Яна Кильбора, которымъ объявлено митрополиту Упатію Поцѣю, что онъ зовется на судъ сейма вальнаго королевскаго, православнымъ братствомъ. 1605 года, октября 22 дня.

Я Янъ Венцславовичь Кельборъ возный господарскій воеводства виленскаго сознаваю тымъ моимъ квитомъ ижъ року теперь идучого тисяча шесть сотъ пятого мѣсяца октебра двадцать втораго дня, маючи я возный пры себѣ сторону двохъ шляхтичовъ землянъ господаръскихъ воеводства виленскаго пана Мартина Вонюша а пана Яна Павловича Восовскаго, позвы господаръскіе Виленьскіе, суду господаръскому его королевской милости на соймъ вальный зъ радою его королевской милости и всими станы сойму вальному судити належачіе, не скробаные (подскобленны), не мазаные, въ датѣ (числѣ), въ речи и во всѣхъ пунктахъ зголливые и передъ тою стороною шляхтою скорыкгованые (провеременные) и вычиненые положилъ есми въ мѣстѣ господаръскомъ столечномъ Виленъскомъ въ манастырь заложеня светое пречистое Божое Матеры въ дворѣ мешканью его милости въ Бозѣ велебного, въ Бозѣ достойного отца Ипатія Потѣя, митрополита Кіевъского Галицъкого, въ томъ монастырѣ заложеня светое Пречистое лежачомъ у ворота великіе уѣздные того монастыря двора мешканья его милости митропольего увоткнулъ и врадвику и челеди его милости будучой, которую ходячую на томъ дворѣ его милости видѣлъ, ока-

залъ, оповѣдалъ и обволалъ есми тое положене позву писаные тые позвы господаръскіе земскіе на сеймъ вальный по его милости отца Ипатія Потѣя, митрополита Кіевъского и Галицкого, въ жалобѣ старостъ брацства церковного, въ мѣстѣ господарьскомъ Виленьскомъ лежачого, пана Василя Харевскаго а пана Петра Илича, земянъ господарьскихъ у великомъ князствѣ Литовскомъ осѣдлыхъ, и именемъ иныхъ ихъ милостей князей, пановъ и всего стану рыцерскаго обоего народу и стану посполитого, почавши одъ высокого духовного и свѣтского человѣка въ томъ брацствѣ Виленскомъ реліи Греческое трону патрыархи Костантинопольскаго ажъ до на нижшого стану изъ мѣста господарьского Виленского въ томъ брацствѣ сполку будучого о нарушенье одъ отца Ипатія Потѣя реліи старожитное Греческое и о знесенье и звонтпленье декретовъ судовъ головныхъ трыбунальныхъ за прыпозваньемъ отъ его милости двѣма мандаты (указами) задворными. О чомъ ширей и подостатку вся речъ и жалоба ихъ, на тыхъ позвехъ господарьскихъ на соймъ належачихъ, по его милости отца митрополита положоныхъ, описана и доложона есть. За которыми тыми позвы господарскими и рокъ на сoймѣ вальномъ передъ его королевскою милостю и всими станы сойму належачими, который соймъ на першій по положеню тыхъ позвовъ зложенъ и отправованъ будетъ, становитисе обѣюмъ сторонамъ, поводовой и отпорной, симъ квитомъ моимъ складаю и ознаймую и для вѣдомости положеня позву, року певны, вѣдомы и пильни были; едінъ сесь квитъ мой подъ печатю моею и подъ печатьми стороны шляхты, при мнѣ на тотъ часъ будучое пры позвѣ въ томъ манастыру въ дворѣ мешканя его милости у воротахъ зоставилъ и у воткнулъ, а другій такій-же квитъ мой слово въ слово писанный пры позвѣ противномъ у старостъ брацства Виленского реліи стародавное Греческое подъ печатю моею и тоижъ стороны шляхты для доводженя позву и року зоставилъ есми. Писанъ у Вильни, року дня и мѣсяца верху на датѣ помененого.

На оборотѣ листа помѣты: Dovod na pierszy pozev odschismatykov. Pozev po Ie M. X. Pocieia metrop. . . . o

unia od bractva Wilenskiego y caley cyzmy. 1605, die 22 Oktobra.

Religio Wilno.

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ при свят. прав. синодѣ, подъ № 20 лит. А.— писанъ на $^1/_2$ лис. обыкновенной писчей бумаги, мелкою, неразборчивою скорописью. Въ концѣ подлинника приложены три перстневыя печати: вознаго и двухъ шляхтичей, имена которыхъ въ текстѣ рукописи, написаны другими чернилами, что доказываетъ, что имена ихъ были вписаны впослѣдствіи времени. Печати оттиснуты на красно восковой мастикѣ въ рядъ, подъ бумажкою.— Края листа сгнили и разорваны.

Сообщ. Н. *Григоровичъ.*

2.

Жалоба, записанная въ главныя книги минскаго трибунала, православныхъ монаховъ Павла и Пафнутія на унитскаго митрополита Ипатія Поцѣя, который преслѣдуетъ ихъ и наноситъ разнымъ лицамъ нестерпимыя обиды,— 1609 года, октября 29 дня.

Видымусь скнигъ головныхъ трибунальныхъ у Менску отъ православныхъ.

Лѣта отъ нароженя Сына Божаго тысеча шесть сотъ девятого месяца Октебра двадцать девятого дня.

Передъ нами судями головными на трибуналъ у великомъ княжестве литовскомъ зъ воеводствъ, земель и поветовъ на рокъ теперешній тисеча шесть сотъ девятый обраными, отъ правъвуючы намъ справы, суду головному належачые, у Минску, постановившисе очевисто у суду отцове духовные *Павелъ, Пафнотій* еромонахи, покладали жалобу свою на писмѣ на его милость отца Ипатея Потея въ тые слова писаную:

„Милостивые панове судовые! Оповедаемъ се вашмостямъ вамъ обтежливе тяжко жалуемъ, я Павелъ и я Пафнутій еромонахи, клирики патриярхи костантынопольскаго, сами отъ себе и именемъ ихъ милостей въ Бозѣ велебныхъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и всего духовенства, священническаго и клирошанскаго стану такъ въ коронѣ польской, яко и у великомъ князствѣ литовскомъ реліи старожытное греческое послушонства патрыархи костантынопольскаго на его милость отца Ипатея Потея, менуючаго се быть митрополита Кіевскаго и Галицького, владыку Володымерского и Берестейскаго послушенства костела Рымскаго, отомъ ижъ его милость перво сего, то есть въ семъ року тисеча шесть сотъ девятомъ месяца іюня петнадцатого дня оповедалъ и пофалку, (хвастливость) право и покой посполитый взрушаючы, въ месте *Новгородскомъ*, презъ посланца свего *Антонія Грековича* дьякона збѣга брацтва виленскаго учынилъ, грозечы тымъ всимъ, которые бы его за пастыра своего признавать и слухать не хотели, такъ духовнаго яко и свѣтскаго стану людей не только лапанемъ хватаніемъ, изловленіемъ визенемъ, арестомъ битемъ и мордованемъ (мученьемъ,) але и самимъ на горлѣ каранемъ (наказанемъ) и съ панства его королевское милости выволанемъ (изгнанемъ.) Которую то пофалку и прдесевзятье (предпріятіе) свое скуткомъ на самомъ дѣлѣ надъ нами выполняючы, впродъ (прежде) насъ духовныхъ которые подъ послушенствомъ его, яко намъ неналежнаго пастыра, не естесьмо, да его королевское милости, нашого милостиваго пана, за бунтовники и взрушители покою посполитаго вдалъ.— А потомъ за тымъ уданемъ (доносомъ), въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ девятомъ, месяца августа разныхъ дней нашодши на церкви, въ мѣстѣ Виленскомъ стоячые (находящіеся), зъ людомъ служебнымъ до войны належачимъ, презъ колько сотъ человѣка гайдуковъ, а меновите на церковъ светое Пречистое соборную, тамъ-же въ той церкви замки поодбивавши, скарбъ въ той церкви будучый и дворъ митрополій моцно кгвалтовне насильно въ моцъ свою взявши, отца *Василія Вербовецкаго*, протопопу го-

роденскаго, и отца Өедора дякона соборнаго, которые на тотъ часъ набоженство (богослуженіе) водлугъ порадку церкви Восточное, утруню у той церкви соборной отправовали, побравши, въ томъ-же дворѣ митрополемъ до везеня (тюрмы) осалити казалъ (велѣлъ): а потомъ, тогожъ дня,. кгды (когда) отецъ Пречистенскій свещеньникъ троецкій, посланый будучы отъ брати духовенства до того двора митрополего и церкви соборное, доведуючысе, хто бы таковый кгвалтъ насиліе чинилъ, зъ возныкъ прышолъ, то пакъ его милость отецъ Ипатей и того свещенька Троецкаго осадить росказалъ.— По которомъ взятьи церкви соборное и осаженю тыхъ духовныхъ, не досыть (довольно) на томъ маючы, тогожъ року и мѣсяца августа нашедшы съ тыми-жъ гайдуками на церковъ Перенесеня светого Николы, въ томъже местѣ Виленскомъ подле рынку стоячое, въ небытности на тотъ часъ отца Вареоломея Жежковскаго, протопопы Виленского у Вильни, дверы до двору и цвинтара (кладбища) церковнаго выбившы и ушодшы у цынтарь, замки поодбивавшы, а двери церковные штурмомъ военнымъ выбившы, вси скарбы въ той церкви будучые зобралъ, и протопопиную зъ дѣтьми малыми зъ дому выкидавшы и всю челядь выгналъ, а маетность всю, въ томъ дворе протопопиномъ будучую зобралъ; а взявшы церковъ и домъ, также и всю маетность, ишолъ съ тымъ-же людомъ служебнымъ до церкви Воскресеня Христова, на рынку стоячое, а пришодшы до церквы, впродъ дверы колодою до дому отца Леонтея Бобрыковскаго, свещенника Воскресеньскаго, выбилъ, а выбивши дверы до дому, тоюжъ колодою и дверы церковные выбившы, церковъ; и дворъ отца Воскресенскаго и всю маетность, скарбъ церковный и его власную забравшы, въ моць и въ держане свое презъ кгвалтъ взялъ.— А не досить еще на томъ маючы, ижъ такъ великіе а не слыханные кгвалты церквямъ божымъ и духовнымъ почынилъ, ещо надъ то (сверхъ того) важилсе, на взграду (униженіе) нашу и зельживость (оскорбленіе) всего духовенства руского реліи старожитное Греческое, того отца протопопу Городеньского чоловека старого, и отца Троць-

кого и отца Өедора дьякона соборного презъ ринокъ якъ одныхъ злочынцовъ (злодѣевъ) отъ светое Пречистое до светое Тройцы монастыра гайдукомъ до бою зготованымъ провадить и имъ се ругать, а потомъ пришедшы до светое Тройцы у турьму подъ звоницу, смродомъ исполненую, осадить росказалъ, мордуючы и везеньемъ неслыханнымъ ихъ трапечи, абы его пастыра надъ собою признавшы а записы на себе ему давшы, поприсегали, же ему послушни быти мають.— Якожъ въ томъ тяжкомъ везеню презъ недѣлъ тры ихъ державшы, а видечы, ижъ они ему поклону яко пастыру отдать и записатисе не хочуть, зъ везеня выпустившы, прочъ зъ монастыра ити росказалъ.— По которомъ выпущеню тыхъ духовныхъ зъ везеня, мстечисе надъ тымъ протопопою, баницыю (указъ объ изгнаніи) съ кан-целярыи его королевское милости надъ право и звычай хрестіанскій одержавшы, публиковати у Вилни и у иншихъ мѣстахъ далъ; чымъ самымъ оказалосе, ижъ онъ водле пофалки своее такое прыкрости (непріятности) и морды (истязаня)чынить; адотого не тыхъ духовныхъ, але и насъ такимъ-же зневоленемъ до послушенства своего приводить, Якожъ и теперъ, удавшы мене Пафнютея до его королевское милости за бунтозника якогось, за которымъ то уданьемъ и листъ съ канцеляреи его королевское милости року теперешнего шесть сотъ девятого, мѣсяца августа двадцать шестаго дня безъ суду и права жадного вынесшы, тутъ до мѣста Мѣнского прислалъ, абы мене въ мѣстѣ его королевское милости Мѣнскомъ жаденъ (никто) въ домехъ своихъ не державъ и со мною сполитованя (сообщенія) не мѣлъ подъ зарукою десетьма тисечъ золотыхъ полскихъ яко то шырей въ листѣ его королевское милости описуетъ.— За которымъ то уданемъ и вынесенемъ листу съ канцелярыи его королевское милости, я Пафнотей, яко чоловѣкъ невиный правомъ у жадного суда не переконаный отъ его милости отца Ипатея будучы въ станѣ поволаню моемъ духовномъ барзо уражоной то все часу своего прыстойне зъ себе знести и невинность свою показать не занехаю.— Ктому такъ я Павелъ еромонахъ яко первый тотъ часъ и теперъ оповедаю его королевское милости отца Ипатея—же его королев-

ское милости и мене удавшы (сдѣлавши доносъ) невинне неслушне и непристойне до его королевское милости пана нашого милостиваго яко бымъ я неякие бунты и седычыи вместе Новгородскомъ (заговоры) узрушеню покою носполитаго чинити и его королевское милости помазанцу Божью пану моемъ милостивомъ што непристойнего на казаню (въ проповѣди) мовити мѣль и инными разными способами на учстивой славѣ моей шарпаючы и станъ мой духовны и шляхетскій лжечы (клевещучи) и мажучи (марая).— За которымъ то уданемъ яко дошла меня вѣдомость ижъ его милость отецъ Ипатій, давшы вину чоловеку невинному, николи ни въ чомъ не подейзроному мещанину Новгородскому на име Тихону Беткелевичу, якобы онъ мнѣ Павлу тыхъ бунтовъ и седыцый допомагати мѣлъ, за которымъ то омыльнымъ (ошибочнымъ) и непрыстойнымъ уданемъ и декретъ отъ суду его королевское милости асесорского на горло вказаня того Тихона Баткелевича одержалъ, звасневшысе (разсердившисе) на его за то только само, же старожитое вѣры своеи благословенства звыклыхъ пастырей своихъ Восточныхъ патрыарховъ отступити и его, отца Ипатея за пастыра мѣти не хотѣлъ; за которымъ то декретомъ приѣхавшы до Новогородка року теперъ идучого тисеча шесть сотъ девятого, мѣсяца сетебра двадцать третего дня, до везеня мѣсткого до турьмы яко на горло вказаного осадити давъ; въ которомъ везеньи оный Тихонъ часъ немалый седечы такъ острый его поступокъ и декретъ презъ него отца Ипатія въ невинности его одержаный а не могучы далѣй такъ срокъгого везеня терпеть муселъ (долженствовалъ) ему отцу Ипатею мемрамъ (росписку) голый въ томъ везеньи строкгомъ на себе за пастыра его признаваючы, дать, покоторомъ даньи мамраму, его Баткелевича его милость отецъ Ипатей зъ везеня выпустить росказалъ.— А выѣзжаючы зъ мѣста Новгородского року теперешнего шесть сотъ девятого, месеца сентебра двадцать семого дня, отца Тихона Гутора, дякона Новгородскаго, который послушенство ему давно выповѣдилъ и до церкви соборное Борыса и Глѣба, которая подъ послушен-

ствомъ его есть, не ходилъ, то пакъ его милость отецъ Ипатій, просивши его до себе на розмову до дому митрополего, наулицы кгды ишолъ до него поймати росказалъ, и оковавши его, зъ собою зъ Новгородка, яко единого злочынцу, пры возѣ повелъ, прымушаючы его подъ послушенство костела Рымскаго. Якожъ еще не досить на томъ маючы такъ острыхъ а праве (почти) неслыханыхъ мусовъ, (принужденій) которыми всихъ насъ подъ послушенство свое прыневолить хочеты, вдаль огорожаючы себе и указуючи невинность свою, зъ насъ духовныхъ на учстивой славѣ мажучы, книжку до друкарни (типографіи) Левона Мямонича, мѣщанина и райцы Виленьскаго, на вырукованье змышленныхъ помовискъ (клеветъ) на насъ въ невинности нашой, межы которыми иньшыми змышлеными речмы и мене Павла іеромонаха ошкалевалъ (оклеветалъ) бунтовникомъ и избродемъ нѣякимсь безъименнымъ поменилъ напротивъ которому змышленому и зтвороному потвару (клевета) и книжцѣ той, которая безъ тытулу отъ кого и кому належитъ выдана, за часомъ своимъ я, або ли другіе брате наши которые пры благочестю стародавномъ, отмовить не занехаемъ (непреминемъ), а теперъ, впродь забѣгаючы небеспечности здоровья своего такъ тежъ и иншихъ духовныхъ, брати своее, которые отъ его милости отца Ипатея за пофалками и турбацыями (безпокойствіями) надъ прыстойность свою духовную небеспечни суть, терпечы великіе а неслыханные опресые (притѣсненія) и пренагабаня (наругательства) а взрушеніе покою всее Речы Посполитое покой въ реліи нашой старожитной Греческой варовать, абы отъ жадное особы — отъ тыхъ, которые унію съ костеломъ Рымскимъ прыняли, оппресый пренебрегания не поносили, упевнити рачылъ (изволилъ) нижли теперь и надъ тые констытуцыи намъ кгвалтъ и зневоленье се дѣеть.

Што все впредь забѣгаючы, протестуемосе передъ вашими милостями, своими милостивыми паны.

Если бы и который кольвекъ духовный, немогучы вытрывати (выдержать) такъ срокгого везеня и прес-

зядованя у вѣры своей презъ его милость отца Ипатія, любъ тежъ презъ отнятье маетностей и выгнане съ церкви якійкольвекъ поклонъ учынилъ и запись на себе яко прыневоленный и страпеный (измученный) его милости далъ, абы потомъ намъ и реліи нашой не шкодило (не вредило), о которые такъ теперъ учыненые ексцесы (проступки), яко и потомъ будучые гдѣ и въ которомъ колвекъ мѣстѣ или селѣ надъ духовными дѣючые будуть мовить и передъ его королевское милостю и всимъ сенатомъ, такъ тежъ и всю Речью Посполитою обоихъ народовъ короны Польское и великаго княжества Литовскаго, указуючы тые вси утиски, пренагабаня, кгвалтъ, мукъ и тяжкое зневолеия донезвычайныхъ намъ набоженствъ, вѣры вызнаня и послушенства самаго, которое ново утворено и намъ надъ каноны постановлено презъ его милость отца Патея являться освѣтьчити не занехаемъ, и просимъ вашихъ милостей, своихъ милостивыхъ пановъ, абы тая наша протестацыя до книгъ вашихъ милостей головныхъ трибунальныхъ принята была.

Которая до книгъ есть записана, съ которыхъ и сесь видымусь подъ печатью земскою воеводства Мѣнскаго его милости отцу Ипатею Потею митрополиту Кіевскому и Галицкому есть выданъ. *Писанъ у Минску.*

Петръ Грыбышекъ скорыкговалъ."

На оборотѣ листа помѣты „Schizmatycka protestatia Pavliszkava y Pachnoriszova na mit . . . N tribunalu.

Contra metropolitum.

Religio.

Kopia.

Protestatia Pavła y Pafnistego zakonnikov Syzmatykov na Pocieia oto że pogrozki czyni na syzme, udaie przed krolem, oto że cerkiev Vilenska Przeczystey odebrał y Bazylego Verbavieckiego protopope Grodzienskiego z Theodorem dyakonem osadził v turmie. kaplana Troieckiego od bractva cumexpostula przysłanego więził a potem ich przez rynok provadzil y przez trzy tygodnie pod dzvonnicą vieził, Bartlamieia Sasskarskiego protopope Vilenskiego u condemnate upravił Pafnutego do krola udał y zeby go u Minsku nie przyimovano list odpravił, oto ze Pavła za buntovnika przed krolem udał, ze na Tychona Batkelevicza mieszczanina Novgorodskiego dekret Assessoryey otrzymał na gardło v Novgrodku go złapał, poty vieził poki skryptu na vnią nie dał; Tychona Hutora dyakona złapał y okovavszy z soba poviozł y xiegi podrukovał

и Leona Mamonicza buntovnikami nazyvaiąc;v Minska die 29 Ubra Anno 1609.—Religio Vilna.

Копія хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. пр. сунодѣ, подъ № 40 лит. А; писана на двухъ листахъ обык. пис. бум. мелкою скорописью.

Сообщ. Н. *Григоровичемъ.*

3.

Выпись изъ кгродскихъ Влодимирскихъ книгъ жалобы дворянки Анны Колпытовской на владимирскаго уніятскаго епископа Іоанна Мороховскаго, выбросившаго изъ соборной церкви тѣла нѣкоторыхъ православныхъ дворянъ, въ томъ числѣ и ея мужа, умершихъ до уніи. 1618 года.

Лѣта Боже нарожепія тысеча шестсотъ осмнадцатого Месеца Септембра третого дне.

На враде Кгродскомъ в Замку Его Королевскои Милости володимерскомъ передомною Томашомъ Кгозимерскимъ Бурграбимъ и наместникомъ подстаростье Володимерсрого Ставши очевисто урожоная Ея Милость пани Анна Костюковичовна Хобултовского першаго малженства (супружества) Ивановая Сенютовая Ляховецкаго а теперешнего Константиновая Колпытовская обтяжливе и праве плачливе ускоржаючисе (жалуясь) оповедала и жаловаласе на велебнаго в бозе Отца Иоакима Мороховскаго Епископа Володимерского и Берестенского ижъ онъ в року не давно прошломъ 1616 не паметаючи на Станъ свой Духовный на котори поволанъ будучи мелъ и повиненъ былъ и есть повиненъ того остерегать розруценя гробовъ Хрестиянскихъ Шляхетскихъ не только в церкви Головнои Епископства Его але индей где в деоцезии (епархіи) Его не деялисе вины въ приве описаные мѣсто таковые повиности своее и перестерегання того чого повиненъ онъ самъ в церкви Головнои Володимерскои Заложеня Светои пречистое гробъ мал-

жонка (мужа) моего зошлого (покойного) пана Ивана Романовича Сенюты Ляховецкаго роскидалъ и склепъ того малжонка моего где тело лежало отъ 30 летъ отворивши остатки человиченства кости зешлого пана Ивана Сенюты не ведать где выкинулъ на которомто малжонку моемъ былъ ланцугъ (цѣпь) золоты за 100 червоных Золотых перстень Золоты з дыяментами за 100 золотых червоных шабля серебромъ злоцистая за 60 золотых а тамъ матку свою невесту (женщину) простую предмещанку лвовскуюкоторое имени ее и назвиска неведаю положилъ ошто помененая пани Колпытовская оферуючисе (вѣдаясь) З Велебнымъ отцемъ Якимомъ Мороховскимъ такъ и о тое розруценье гробу не видати где кости подевалъ яко и о вины правные в суде належномъ за тыи походячие праве чинити и тую протестацию внесли которую я протестацию принявши до книгъ Кгродскихъ Володимирскихъ записати казалъ и есть записана.

Сія выпись изъ актовыхъ владимирскихъ книгъ съ подлинникомъ вѣрна: владимирскій протоіерей Севастіанъ Коссовичъ.

II.

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ

ПОСЛѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ ОТЪ УНІЯТОВЪ, ВЪ ПЕРІОДЪ ЕГО ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ.

(Съ 1637 по 1652-й.)

(*Продолженіе*).

Вскорѣ, послѣ освобожденія Выдубицкаго монастыря отъ уніатовъ, войсковый мозырскій Обуховичъ, въ отвѣтномъ письмѣ на просьбу Петра Могилы, о доставленіи документовъ на права Выдубицкаго монастыря, между прочимъ писалъ, что, незадолго предъ тѣмъ, онъ объ этомъ говорилъ съ игуменомъ мозырскимъ, бывшимъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Выдубицкому монастырю, и этотъ послѣдній, будто бы, сказывалъ ему, что монастырь Выдубицкій тогда лежалъ впустѣ и не имѣлъ уже нужды ни въ какихъ правахъ. Несомнѣнно, что въ приведенномъ показаніи игумена мозырскаго о современномъ ему безнадежномъ положеніи Выдубицкаго монастыря проглядываетъ иперболa, сомнительнаго достоинства. Но несомнѣнно также и то, что на первыхъ порахъ пустота освобожденнаго отъ уніатовъ Выдубицкаго монастыря для современниковъ не могла не быть поразительною. Мы сказали выше, что изгоняемые изъ Выдубицкаго монастыря уніяты постарались опустошить его, какъ могли; по ихъ милости, монастырь былъ и опущенъ, и обобранъ, начиная отъ монастырской казны до послѣдняго клочка бумаги, который чѣмъ нибудь могъ бы послужить монастырю въ будущемъ, при его возстановленіи; разумѣемъ старинные документы на владѣнія Выдубицкаго монастыря и дѣловую переписку о спорныхъ его грунтахъ. Но какъ ни печально было положеніе Выдубицкаго монастыря, ему можно было

пророчить скорое и успѣшное возстановленіе; потому что онъ былъ взятъ подъ опеку, заинтересованнымъ его судьбою, великимъ патрономъ православія, ревностнымъ архипастыремъ Кіева, Петромъ Могилою, съумѣвшимъ найти для него и достойнаго игумена, каковымъ былъ Игнатій Оксеновичъ Старушичъ.

Въ виду близкой смерти болѣзненнаго Вельямина Руцкаго, Петръ Могила уже начиналъ приводить въ исполненіе планъ возстановленія Выдубицкаго монастыря; согласно опредѣленію главнаго варшавскаго сейма 1635 года, онъ упрѣплялъ его за собою и прочилъ сюда своего коадъютора, какого, впрочемъ, въ дѣйствительности, при немъ никогда и не было. Привѣтствуя пророчески въ близкомъ будущемъ возвращеніе Выдубицкаго монастыря православію, онъ, еще за два мѣсяца до смерти Руцкаго, подарилъ древней обители въ благословеніе потиръ и лжицу, (1) которые благоговѣйно хранятся и до нынѣ въ этомъ монастырѣ. Безъ сомнѣнія, этотъ благословенный даръ архипастыря былъ отданъ монастырю уже въ то время, когда онъ былъ совершенно очищенъ отъ уніятовъ. Какъ извѣстно, Петръ Могила, во все продолженіе своего архипастырскаго служенія Кіеву, съ извѣстными цѣлями, особенно заботился о возстановленіи древнихъ кіевскихъ православныхъ храмовъ; потому, лишь только Выдубицкій монастырь былъ окончательно переданъ въ руки православныхъ, Петръ Могила сейчасъ же приступилъ и къ возстановленію Выдубицкой монастырской церкви: стѣны ея немедленно были исправлены и росписаны. Недоставало еще Выдубицкому монастырю церковныхъ утварей и другихъ богослужебныхъ принадлежностей; Петръ Могила и въ этомъ вспомоществовалъ древнѣйшему Выдубицкому монастырю, какъ не отказывалъ въ подобныхъ жертвахъ и другимъ древнимъ храмамъ кіевскимъ. Памятни-

(1) На подножіи потира находится такая надпись: „Сей потиръ дарова монастырю Выдубицкому ко храму архистратига Михаила Петръ Могила архіепископъ митрополіи Кіевской Галицкій и всея Россіи въ молитву себе и родителемъ своимъ. Въ лѣто 1637, мѣсяца генваря, 13 дня.“ А на лжицѣ надпись такая: „Лжица дарована Выдубицкому монастырю Петромъ Могилою митрополитомъ кіевскимъ, въ лѣто 1737, генваря, 11 дня.“

ками подобной благотворительности Петра Могилы для Выдубицкаго монастыря и до сихъ поръ остаются тугъ, пожертвованные имъ въ 1642 году, напрестольное евангеліе, большой напрестольный крестъ (1) и бархатная тяжолая риза, вышитая золотомъ. Словомъ, благодаря заботамъ и жертвамъ Петра Могилы, Выдубицкая обитель мало по малу возстановлялась, число монашествующихъ въ ней увеличивалось. Нужно было еще позаботиться объ источникѣ содержанія монастыря, о вторичномъ закрѣпленіи за нимъ и объ устройствѣ его богатыхъ имѣній,—тѣмъ больше, что могущественный въ то время папизмъ усиливался всевозможными средствами отнимать отъ православныхъ монастырей ихъ имѣнія. Какъ оказалось въ послѣдствіи, документы Выдубицкаго монастыря на владѣніе разными имѣніями, унесенные изгнанными уніятами, были переданы разнымъ лицамъ, далеко неблагопріятствовавшимъ православной обители, а часть владѣній монастыря была оспариваема сосѣдними владѣльцами. Петръ Могила, съ первыхъ же дней возвращенія Выдубицкаго монастыря православнымъ, началъ хлопотать о правахъ монастыря на его прежнія владѣнія: онъ розыскивалъ его документы, и поэтому поводу велъ переписку съ тѣми лицами, у которыхъ предполагалъ найти ихъ; старался прекратить миролюбно давніе споры о грунтахъ съ сильними сосѣдними владѣльцами; употреблялъ зависѣвшія отъ него мѣры къ тому, чтобы никто не обижалъ Выдубицкаго монастыря въ его владѣніяхъ,—чтобы аренды были законны и доходны,—и лица, дававшія извѣстныя обязательства монастырю, исполняли бы ихъ ненарушимо и свято.

---

(1) На евангеліи, на нижней доскѣ, обложенной серебрянымъ рѣшетчатымъ бордюромъ, вокругъ рѣзнаго изображенія архангела Михаила находится такая надпись: „Сіе евангеліе оковано повеленіемъ пресвященнаго митрополита кіевскаго Петра Могилы и дано есть въ монастырь Выдубицкій въ лѣто 1642 мая 27 дня“. На крестѣ внизу, на подножіи, находится такая надпись: „Въ лѣто 1642, мѣсяца мая 27, сей крестъ сооруженъ бысть повеленіемъ преосвященнаго митрополита кіевскаго Петра Могилы и данный есть въ монастырь святаго архистратига Михаила Выдубицкаго кіевскаго во славу Христа распятого, и въ память его и родителей его.“

При выходѣ уніятовъ изъ Выдубицкаго монастыря, цѣлая связка правъ монастырскихъ кѣмъ то была занесена въ Мозырщину, и очутилась тамъ у войсковаго Мозырскаго пана Обуховича. Объ этомъ скоро узналъ Петръ Могила и, въ началѣ 1637 года, письменно просилъ Обуховича возвратить монастырю эти права. Но оказалось, что онѣ попали не въ такія руки, чтобы можно было такъ легко ихъ возвратить. Обуховичъ хитро отказывалъ митрополиту въ этой просьбѣ, сваливая вину неисполненія ея, какъ обыкновенно водится въ подобныхъ случаяхъ, на другаго. «Не отрекаюсь отъ того, что я имѣлъ значительную связку правъ Выдубицкаго монастыря, писалъ онъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ митрополиту, отъ 7 апрѣля 1637 года, и съ искреннимъ сочувствіемъ просилъ отца игумена монастыря вашего мозырскаго, чтобы онъ донесъ о нихъ вашей милости и увѣдомилъ бы меня, на случай эти права оказались бы вамъ нужными; но получилъ тогда отрицательный отвѣтъ; отецъ игуменъ мнѣ сказалъ, что этотъ монастырь давно лежитъ впустѣ, и ему нѣтъ нужды въ этихъ правахъ. Получивши такой категорическій отвѣтъ, и сомнѣваясь въ томъ, чтобы когда нибудь была нужда въ этихъ правахъ, я отдалъ ихъ одному своему пріятелю, по настойчивой его просьбѣ.» Такъ прятались концы въ воду. Далѣе слѣдуетъ въ письмѣ свиное оправданіе: «Теперъ не моя вина, писалъ Обуховичъ, что я не могу услужить вельможному пану, а скорѣе тѣхъ, которые, заботясь объ интересахъ церковныхъ и имѣя эти права въ рукахъ, признали ихъ ненужными.» (1) Безъ всякихъ коментаріевъ виденъ смыслъ этого письма и характеръ того, кѣмъ оно было писано. Изъ дѣлъ Выдубицкаго монастыря не видно, чтобы Петръ Могила продолжалъ больше переписку съ этимъ лицемъ о документахъ монастырскихъ; вѣроятно, архипастырь счелъ за лучшее, не терять понапрасну своихъ трудовъ и выжидать случая, когда эти права очутятся въ другихъ, болѣе доступныхъ, рукахъ. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего, кое какія права Выдубицкаго монастыря оказались у Александры Чайковской Марциновой—Корсаковой. Нѣсколько разъ писалъ и къ ней Петръ Могила о возвращеніи при-

(1) Выд. мон. кн. ак. 1, стр. 44.

надлежавшихъ Выдубицкому монастырю документовъ, и вынудилъ у нее запись на возвращеніе этихъ правъ; но, не смотря на то Чайковская—Корсакова таки не присылала правъ. Наконецъ Петръ Могила, въ 1644 году, послалъ къ ней въ Почаевъ нарочитаго отца Валендыковича. Корсакова уже на этотъ разъ была благосклоннѣе: она возвратила Выдубицкому монастырю кое какія права его на Кальный лугъ,— съ хитрымъ и вмѣстѣ деликатнымъ изворотомъ, какой виденъ въ ея письмѣ по этому случаю къ Петру Могилѣ. «Я давно возвратила бы Выдубицкому монастырю эти права, исполняя мое обязательство, данное вельможному пану (czyniąc dosć zapisowi memu, Vmm Panu dannemu),— писала она; но самъ вельможный панъ, пустивши дѣло на проволочку, не приказывалъ ихъ отобрать у меня. Теперь же, когда вельможный панъ изволилъ нарочно прислать ко мнѣ отца Валендыковича для отобранія этихъ правъ; то я, заискивая себѣ на дальше милости вельможнаго пана, непротивясь твоей волѣ, возвращаю всѣ права на владѣнія Выдубицкаго монастыря, то есть на Кальный лугъ, какія только имѣла у себя.... Чтоже касается до другихъ правъ, то я оныхъ не имѣю, потому что я должна была отдать ихъ, вслѣдствіе позва, митрополиту Селявѣ, отъ котораго имѣю и квитанцію. (1)» Итакъ, и на этотъ разъ Петръ Могила почти ничего не добился; опять были спрятаны концы въ воду. Какъ увидимъ впослѣдствіи, документы на владѣнія Выдубицкаго монастыря оказались—было въ уніятскомъ виленскомъ Троицкомъ монастырѣ; но вскорѣ опять канули въ бездну неизвѣстности. Вѣроятно, дальновидный архипастырь, послѣ такихъ неудачныхъ поисковъ, понялъ, что нужно навсегда разстатся съ мыслію о возвращеніи правъ Выдубицкаго монастыря отъ такихъ и подобныхъ пріятелей,—и рѣшился розыскивать ихъ въ разныхъ судахъ и въ преданіяхъ старины.

Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ давніе искатели сосѣднихъ Выдубицкихъ владѣній, князья Корецкіе, владѣльцы Рожновскіе и другіе подняли было голову, несмотря на то, что, незадолго предъ возвращеніемъ Выдубицкаго монастыря православнымъ, судъ рѣшалъ ихъ спо-

(1) Выд. мон. кн. ак. 1, стр. 44.

ры въ пользу монастыря, налагалъ на ихъ владѣнія баницію, (1) и прочее; они продолжали теперь вести споръ съ Выдубицкимъ монастыремъ и дѣлать нападенія на его владѣнія. После неудачныхъ попытокъ къ миролюбивому соглашенію, и Петръ Могила принужденъ былъ наконецъ взяться за то оружіе, какимъ противъ него сражались его противники,--формою суда. Въ 1639 году, декабря 30, чрезъ своего Выдубицкаго намѣстника отца Сильвестра, онъ протестовалъ на «урядѣ кгродскомъ замку кіевскаго напротивко вельможнаго пана Юрія Глѣбовича сына Марцибеллы княжны Корецкой и урядника Гоголевскаго, пана Николая Булгака, которые препомнивши права посполитаго, съ слугами з боярами и подданными гоголевскими и подданными рожновскими з оружіемъ войне нележачимъ моцно кгвалтомъ человѣка до 300 наслали на свиноедскіе кгрунты церковные монастыря Выдубицкаго прилеглые ко кгрунтамъ гоголевскимъ, забралъ ихъ и разные кривды чинилъ на сумму до 5000 злотыхъ польскихъ. (2)» Позывъ на пана Глебовича за свиноедскіе грунта былъ возобновленъ Петромъ Могилою и въ 1642 году;— Ероша (Юрій) Глебовича и Стефана Аксака судъ звалъ, чтобы они, въ назначенный срокъ, непремѣнно явились въ любелскій трибунальскій судъ. Но какое тамъ состоялось рѣшеніе суда— неизвѣстно; только чрезъ два года послѣ сего, панъ Стефанъ Аксакъ опять причинилъ немало обидъ свиноедскимъ подданнымъ Выдубицкаго монастыря.— Отъ 27 іюля 1644 года, Петръ Могила опять протестовалъ и противъ этихъ обидъ въ кіевскомъ городскомъ замкѣ (3); и наконецъ таки достигъ своей цѣли: въ 1645 году, 28 іюля, была заключена между паномъ Аксакомъ и Выдубицкимъ монастыремъ миролюбивая сдѣлка, (4) послѣ которой споры о грунтахъ свиноедскихъ уже не повторялись. Такимъ образомъ Петръ Могила окончилъ миромъ почти полувѣковой споръ между Выдубицкимъ монастыремъ и рожновскими владѣльцами.

Чуть чуть неудалось было Петру Могилѣ покончить тоже полувѣковой споръ Выдубицкаго монастыря и съ князьями

(1) Выд. мон. кн. ак. X. стр. 53.
(2) Выд. мон. кн. ак. 1, стр. 165.
(3) Выд. мон. кн. ак. 1, стр. 168.
(4) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 54.

Корецкими за грунта Гнилецкіе. Въ 1644 году іюня 15, игуменъ Выдубицкій Игнатій Оксеновичъ Старушичъ «съ притомностію ясне въ Бозѣ превелебнаго Его милости Петра Могилы, заключили на трибуналѣ съ княжаты Корецкими и паномъ Голубомъ роспись, по которой обѣ стороны предъ судомъ не припущаючи до розсудку правнаго назначили себѣ терминъ взаимной угоды и пріятельскаго померковавья». (1) Но видно пріятелькое померкованье неудалось,— и Петръ Могила долженъ былъ все—таки судебнымъ порядкомъ правоваться съ Корецкими за Гнилещину. По рѣшенію главнаго трибунальскаго суда, кіевскій городской судъ опредѣлилъ учинить разборъ дѣла на мѣстѣ, и приглашалъ сюда обѣ стороны для инквизиціи на 11-е августа 1646 года; но, къ сожалѣнію, и эта инквизиція не удалась: въ актѣ инквизиціи только записаны «контроверсіи» съ обѣихъ сторонъ и «покоры» свидѣтелей. Такимъ образомъ дѣло затягивалось—тѣмъ болѣе, что и главный трибунальскій судъ своимъ постановленіемъ, отъ 27 сентября 1647 года, откладывалъ справу о гнилецкихъ грунтахъ на другіе сроки. Спорный узелъ о гнилецкихъ грунтахъ, какъ увидимъ ниже, суждено было разрубить уже Богдану Хмѣльницкому.

Кромѣ сказанныхъ великихъ тяжбъ, Выдубицкому монастырю теперь приходилось вести еще и другіе тяжебные споры; но, благодаря участію Петра Могилы, они были не продолжительны и рѣшались всегда въ пользу Выдубицкаго монастыря. Такъ, противъ захвата игнатовскихъ выдубицкихъ земель трипольскими владѣльцами, кіевскій подкоморскій судъ, вслѣдствіе протеста отъ Выдубицкаго монастыря, учинилъ въ 1644 году (февраля 11) разграниченіе, послѣ котораго споры уже не возобновлялись. (2) — При Петрѣ Могилѣ Выдубицкій монастырь не имѣлъ никакихъ спорныхъ дѣлъ съ своею сильною сосѣдкою Кіево—печерскою Лаврою, что составляетъ рѣдкость въ жизни Выдубицкаго монастыря; безъ сомнѣнія и въ этомъ случаѣ Выдубицкій монастырь былъ обязанъ своему великому патрону—митрополиту—архимандриту Лавры.

Въ разсматриваемое нами время Петру Могилѣ при-

---

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 173.
(2) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 75.

ходилось не мало хлопотать и на счетъ мозырскихъ угодій Выдубицкаго монастыря, особенно на счетъ его здѣшнихъ медовыхъ даней. Правда, здѣсь дѣло не доходило до продолжительныхъ исковъ, но, тѣмъ не менѣе, стоило настойчивой переписки и не однократныхъ внушеній. Волосовичане и нестановичане вообще издавна неохотно платили дань Выдубицкому монастырю. Со временъ Выдубицкаго игумена Каликста до Антонія Грековича, они уже не доставляли въ монастырь, ни десятины збожья, ни медовыхъ даней. Около 1612 г., Антоній Грековичъ входилъ по этому случаю съ просьбой къ владѣтельницѣ Волосовичъ и Нестановичъ Софіи Сапежанкѣ-Пацовой, — и она, подъ угрозою денежнаго штрафа, требовала отъ своихъ подданныхъ непремѣнно давать дани по старинѣ,—требовала даже вознаградить монастырь за прежніе годы. Удалось ли Грековичу возстановить мозырскія дани, или нѣтъ, этого мы не знаемъ; знаемъ только, что со времени возвращенія Выдубицкаго монастыря православнымъ до 1640 годовъ, дани мозырскія не шли монастырю. Около 1642 года, Петръ Могила и на этотъ разъ вступился за интересы монастыря: онъ посылалъ нарочно своего намѣстника Выдубицкаго іеромонаха Панкратія Ступницкаго съ письмомъ къ бывшему въ то время владѣльцу Волосовичъ и Нестановичъ, пану Самуилу Казиміру Зѣнковичу, въ которомъ просилъ его не отказать въ содѣйствіи его намѣстнику для полученія дани. Помогъ ли чѣмъ нибудь панъ Зенковичъ намѣстнику Выдубицкому, или нѣтъ,— только его подданные нестановицкіе за прошедшій 1641 годъ заплатили медовую дань деньгами, а на будущее время дали письменное обязательство не отказывать и впредь въ дани Выдубицкому монастырю. „Мы мужеве нестановицкіе, N. N. N., писали они въ своемъ актѣ, чинимъ вѣдомо и вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ, ижъ мы честному господину отцу Панкратію Ступницкому намѣстнику выдубицкому монастыря сватаго Архистратига Михаила вмѣсто дани медовой до монастыря належачее отъ насъ, подалисьмо за единъ рокъ 1641 за едно ведро меду грошей готовыхъ золотыхъ десять, а за рокъ четыредесять вторый и третій повинни будемъ отдати двѣ ведрѣ меду, прѣснаго, у въ осень року четыредесять третяго, если самъ отецъ игуменъ пріеде, або мы посланцовъ своихъ пришлемъ подъ виною

на его милости пана нашего пана Самуеля Зенковича записанною копъ десяти, и на томъ даемо сей нашъ листъ». (1) Но и это обязательство, какъ оказалось впослѣдствіи, почему то не исполнено: въ 1643 году Выдубицкій монастырь не присылалъ за данью, а сами нестановичане, вопреки обязательству, тоже не думали выслать ее чрезъ своихъ посланцовъ. Потому, въ 1644 году, Петръ Могила опять посылалъ въ Мозырщину нарочитаго іеродіакона Онисима за полученіемъ дани, — а между тѣмъ отъ себя писалъ и письмо къ какому то честному господину отцу Іоанну Богушу, тоже съ просьбою о содѣйствіи посланному получить дань: «Велебный господинъ отецъ игуменъ, Выдубицкій, говорилось въ письмѣ къ Богушу, маючи отъ насъ порученный себѣ монастырь святаго Архистратига Михаила кіевскаго, посылаетъ на тотъ часъ по звычайную дань въ край мозырскій, которая жъ нѣякуюсь для давности часу маетъ препону, — теды постарайся, проше, велебность твоя, справу тую очистити, жебы земля монастырская не гинула и абыся дань сполняла, до чего лацно велебность твоя можетъ приступити, порадившися пановъ правныхъ тамошнихъ, въ которой справѣ, если бы и протестацію потреба было, теды велебности твоей пришлемо (2).» Іеродіаконъ Онисимъ имѣлъ теперь полный успѣхъ: жители Нестановичъ и Волосовичъ уплатили дань Выдубицкому монастырю, и дали опять письменное обязательство платить дань, пока будутъ пользоваться выдубицкимъ островомъ Сельцомъ. «Мы мужеве нестановскіе подданные его милости пана Самуеля Казиміра Зенкевича, N. N. N., чинимъ вѣдомо и вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ, писали первые, иже мы мужеве изъ села Нестановичъ господину отцу іеродіакону Онисиму Стефановичу, высланному отъ его милости въ Бозѣ велебнаго отца митрополите пана а пана и пастыря нашого Петра Могилы и отъ его милости пречестнаго господина отца Игнатія Оксеновича игумена выдубицкаго святаго архистратига Михаила, изъ есмо отдали дань зъ острова Селецкаго ведерецъ двѣ меду прѣснаго за рокъ 1643 и 1644..... а поки будемъ тотъ островъ Селецкій уживати, повинни завжды що рокъ

---

(1) Выд. мон. Кн. ак. IX. стр. 439.

(2) Выд. мон. кн ак. IX, стр. 441.

дань давати по единому ведру меду до святаго Архистратига Михаила выдубицкаго и почеть тымъ посланцамъ выражати (1)» Жители села Волосовичъ дали такое жъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ обязательство Выдубицкому монастырю (2). Такимъ образомъ, благодаря вліятельному участію Петра Могилы, и мозырскія дани теперь кое какъ доставлялись выдубицкому монастырю. Не то было, какъ увидимъ ниже, по смерти этого незабвеннаго патрона выдубицкаго.

Розыскивая, защищая и укрѣпляя права Выдубицкой обители на тѣ ея владѣнія, которыя подлежали спору, Петръ Могила экономически—благоразумно пользовался владѣніями монастыря безспорными. Не подлежали спору въ это время владѣнія осокорскія, звѣринскія и бажиновскія, Петръ Могила отдавалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ аренду и притомъ за значительныя суммы. Такъ, напр., въ 1641 г., онъ арендовалъ на три года владѣнія осокорскія-село Осокорки съ озерами, криницами, сѣножатями и шинками своему слугѣ Константію Браминскому, за что онъ «Браминскій аренды въ каждый рокъ на початку року по копъ десять до монастыря Выдубицкаго отдавать повиненъ былъ.» Въ началѣ этого арендоваго листа, вѣроятно, позднѣйшею рукою прибавлено, что «се Могила яко митрополитъ, а не яко архимандритъ арендовалъ.» Дѣйствительно, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и на этотъ разъ, вся арендная сумма за Осокорки должна была идти единственно на пользу Выдубицкаго монастыря. Для себя Петръ Могила удѣлялъ при этой арендѣ только «третью часть вины, состоявшую изъ трехъ копъ, которую должны были вносить Выдубицкому монастырю сегобочные жители Днѣпра, на случай, еслибы кто изъ нихъ вздумалъ покупать въ осокоркахъ горѣлку квартъ сто, або пятьдесятъ въ ущербокъ аренды печерской (3).»

Въ 1646 г. іюня 15, игуменъ выдубицкій Игнатій Оксеновичъ Старушичъ, не безъ воли своего владыки, «завелъ поданному выдубицкому мельнику и его дѣтямъ вѣчно въ продажу бываемой зъ лыбедской монастыря Выдубицкаго мельницы третьей части размѣру за сумму отъ него въ монастырь данную семдесятъ золотыхъ польскихъ (4).» Того же

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 442.
(2) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 443.
(3) Выд. мон. кн акт. 1, стр. 100.
(4) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 8.

года февраля 8, игуменъ выдубицкій тоже, не безъ воли Петра Могилы, арендовалъ жителю печерскому Прокопу Шевелю собственныя того Выдубицкаго монастыря озера Гнилецкіе Засну, Корнчу и пр. Бажиновщина же, съ прежняго еще времени, оставалась въ арендѣ у пана Хрушлинскаго, который, видно, спокойно пользовался этими угодьями и добросовѣстно выполнялъ свой долгъ въ отношеніи къ монастырю.

Къ концу 1646 года, многотрудная и много-полезная жизнь знаменитаго патрона выдубицкаго начала угасать; однако же и на смертномъ ложѣ великій святитель не забылъ Выдубицкаго монастыря. Избравши въ числѣ другихъ душеприказчиковъ и игумена выдубицкаго Игнатія Оксеновича Старушича, онъ, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, писанномъ 22 декабря, отдѣлилъ Выдубицкому монастырю изъ своего имущества 500 злотыхъ наличныхъ (1). 31 декабря 1646 года, великій первосвятитель нашъ передалъ душу свою Богу. Безъ сомнѣнія, грустно было ему разставаться съ тѣми широкими планами, которые онъ чертилъ и по возможности выполнялъ на различныхъ поприщахъ своей жизни,— но онъ могъ утѣшаться тѣмъ, что вездѣ оставлялъ по себѣ достойныхъ, испытанныхъ преемниковъ. Въ Выдубицкомъ монастырѣ онъ оставилъ по себѣ ближайшимъ патрономъ его игумена Игнатія Осксеновича Старушича,— мужа «богомудраго», хотя и «многоболѣзненнаго» (2). Онъ былъ переведенъ въ Выдубицкій монастырь на игументство изъ монастыря Братскаго, гдѣ былъ до 1642 года тоже игуменомъ и ректоромъ коллегіи. При Петрѣ Могилѣ, дѣятельность его на пользу Выдубицкаго монастыря была второстепенная и какъ будто незамѣтная; но, со смертію Петра Могилы, имя Игнатія Оксеновича Старушича заняло видное мѣсто въ исторіи Выдубицкаго монастыря. По смерти Петра Могилы, нѣкоторые недоброжелатели Выдубицкаго монастыря, его сосѣди по владѣніямъ, подняли было опять голову: въ окрестностяхъ Кіева противъ Выдубицкаго

(1) Оп. Кіев. Лавр. стр. 36 приб.

(2) Игнатій Старушичъ въ свое время славился даромъ проповѣдничества. Изъ проповѣдей его дошла до нашего времени только одна 1641 года, изъ того времени, когда онъ былъ ректоромъ коллегіи и вмѣстѣ игуменомъ братскаго монастыря, — это: „казанье погребовое надъ тѣломъ ясне освѣцонаго князя Ильи Святополка на четвертнѣ-Четвертенскаго, ротмистра войска Кварцянаго,—отправованное въ Тишиновче.„ Выд. мон. к. 1, стр. 337.

монастыря вызвалась съ своими интересами Кіево-Печерская лавра, а на Мозырщизнѣ портилъ дѣло извѣстный уже намъ панъ Зенкевичъ. Игнатій Старушичъ по возможности ратовалъ, и иногда не безъ успѣха, противъ той и другой стороны.

Въ самомъ началѣ 1647 года, въ актахъ разныхъ судовъ, умышленно, или неумышленно, стали называть добрами монастыря Печерскаго мельницу выдубицкаго монастыря, стоявшую на дорогѣ изъ Кіева къ Триполью, и нѣкоторыя гнилецкія угодья, лежавшія въ окресностяхъ Веты. Провѣдалъ это Старушичъ и, 17 августа того же года, занесъ было въ гродскія книги воеводства Кіевскаго протестъ на архимандрита лавры Іосифа Тризну. Протестъ имѣлъ свою силу: 28 сентября того же года, архимандритъ Тризна обращался съ письмомъ къ игумену выдубицкому, въ которомъ просилъ извиненія за неумышленную обиду,— и извинялся между прочимъ тѣмъ, что это дѣлалъ ихъ «пленѣпотентъ омылкою (2).» Въ 1650 году 4 февраля, Игнатій Оксеновичъ Старушичъ арендовалъ мѣщанину Кіевскому Андрею Ѳедоровичу Шкорунѣ на три года собственный Выдубицкаго монастыря лыбедской паромный перевозъ, съ двумя паромами и лыбедскою корчмою, за извѣстную сумму. Чрезъ нѣсколько дней, послѣ этого, Лавра объявила и свои претензіи на этотъ паромъ, и занесла въ гродскія книги протестъ, по которому, 25 апрѣля того же года, состоялся декретъ, въ силу котораго обѣ спорющія стороны въ продолженіи слѣдующихъ трехъ лѣтъ должны искать въ свою пользу „слушнѣйшихъ правъ", а въ это время Выдубицкій монастырь пользовался бы двумя частями доходовъ съ того перевоза, а Печерскій одною третьею. Очень не нравилось Старушичу такое постановленіе, бывшаго въ то время Кіевскаго воеводы, Адама Киселя, и онъ поспѣшилъ рѣшить дѣло грунтовне, испросилъ, при содѣйствіи митрополита Сильвестра Косова, у польскаго короля Яна Казиміра привилей на лыбедскій паромный перевозъ. Въ этой замѣчательной привиллегіи (отъ 4 октября 1650 года), Янъ Казиміръ, потверждая привиллегію Сигизмунда III, отъ 24 августа 1628 года, такъ писалъ: „Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ въ обецъ и каждо-

---

(2) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 175.

му зъ особна, кому тое вѣдати налѣжитъ, ижъ што предъ тымъ святои памяти король его милости Жигмондъ III панъ отецъ нашъ любезнѣйшій, особливымъ своимъ привиллеемъ русскаго писанья перевозъ паромовый на рѣцѣ Днѣпрѣ на Лыбедѣ за Кіевомъ.... на власномъ грунте выдубицкомъ митрополицкомъ до монастыря Выдубицкаго заложенья святаго Михаила Архангела отъ древнихъ часовъ фундованномъ, а превелебнымъ митрополитомъ кіевскимъ, яко право защитительства до тогожъ монастыря маючимъ, тутъ же и велебнымъ игуменомъ выдубицкимъ яко поссесоромъ нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ на оздобу и поправку того монастыря и на выживленье въ немъ обитающихъ слугъ церковныхъ, законниковъ, милостивно надати и фундовати изволилъ. Такожде и мы, ко усердному прошенію превелебнаго отца Сильвестра кіевскаго и галицкаго всея Россіи въ уніи небудучого митрополиты, намъ донесенному, охотне склонившися а найпаче во всемъ до богоугоднаго намѣренія и воли святобливаго родителя нашего стосуючися, ласкове на тое наданье перевозу паромоваго позволили и при спокойномъ держанью и уживанью оногожъ вышереченный монастырь, и его нынѣшнего поссесора велебнаго отца Игнатія Оксеновича игумена выдубицкаго до живота его, а по отшествіи изъ сего свѣта наслѣдниковъ его игуменовъ выдубицкихъ *неуніатовъ*, въ послушаніи превелебнаго митрополиты кіевскаго будучихъ, въ цѣле заховати умыслилисьмо яко же позволяемъ, зоставуемъ и заховуемъ симъ листомъ пашимъ, имѣетъ убо предреченный отецъ Игнатій Оксеновичъ и по немъ наступаючіе игуменове выдубицкіе перевозъ паромный на рѣцѣ Днѣпрѣ будучій..... держати всякихъ пожитковъ, доходовъ и прибышей зъ того перевозу приходячихъ кождого часу заживати и на свой пожитокъ оберегати, зъ которыхъ то пожитковъ и доходовъ такъ всякія дѣла до украшенья и направы монастыря выдубицкаго належачіе яко и до выживанья слушною братію тамошней законной и слугъ церковныхъ въ томъ же монастырю жительствующихъ выше реченный игуменъ выдубицкій и по немъ наступуючіе выдубиціе неуніяты тщательно радѣти и промышляти маютъ и должны будутъ: а отъ перевоженнья всякихъ вещей, товаровъ, коней, быдла, также отъ возовъ тяжкихъ наложистыхъ, такъ много взымати должно, яко на перевозахъ нашихъ Королевскихъ, т. е. вышегородскомъ, кіевскомъ и иныхъ по написанному

праву и обычаю древнему ведется, обѣщаючи за насъ самихъ и наяснѣйшихъ паслѣдниковъ нашихъ королей ихъ милостей польскихъ, што мы отъ спокойняго держанья и уживанья перевозу поромоваго нынѣшняго поссесора, и наслѣдниковъ его по немъ наступуючихъ игуменовъ выдубицкихъ неуніятовъ подъ правомъ и послушенствомъ митрополитовъ кіевскихъ неуніятовъ будучихъ никогда же не отдалимъ, и отдалити никому пе допустимъ; что и найяснѣйшіе наслѣдники наши сотворятъ, что до вѣдомости всѣхъ въ обецъ кому сіе вѣдати теперь и на потомъ будетъ належало, а особливо воеводамъ, подвоеводамъ, ихъ намѣстникомъ, также городовому и мѣскому кіевскимъ и инымъ прилеглѣйшимъ всякимъ урядомъ, яко же и всякаго сана людемъ доносячи, повелѣваемъ, абы въ уживанью того пароиоваго перевозу, и въ отбиранью вольномъ доходовъ, оттоль приходячихъ монастыреви выдубицкому и его поссесорови нынѣшнему вышепомененному и на потомъ будучимъ игуменомъ выдубицкимъ всякого часу жадной препяводы нетворили, и никому по должности урядовъ своихъ творити недопускали (1)». Однако же, какъ ни силенъ былъ этотъ документъ, онъ, кажется, мало урезонилъ братью печерскую. Чрезъ два года послѣ сего, какъ увидимъ ниже, нужно было перемнику Игнатія Старушича опять протестовать въ кіевскомъ гродскомъ судѣ противъ прежняго декрета воеводы Киселя.

По смерти Петра Могилы, и въ Мозырщинѣ дѣла Выдубицкаго монастыря начинали разстраиваться: жители Волосовичъ и Нестановичъ, подъ разными предлогами, стали отказывать въ дани монастырю. Оксеновичъ Старушичъ и тутъ старался поддержать интересы своего монастыря. Извѣстный панъ Зенькевичъ теперь явно сталъ удерживать мозырскую монастырскую дань; противъ его то Игнатій Старушичъ и ратовалъ теперь главнымъ образомъ: онъ неоднократно писалъ къ нему приватные упоминательные листы, а наконецъ принужденъ былъ дѣйствовать противъ него и формою суда. Въ началѣ іюля 1647 года, онъ выхлопоталъ противъ него упоминательный листъ Владислава IV. Отъ іюля, 1647 года, король польскій писалъ Зенькевичу: «донесено есть намъ чрезъ нѣкоторыхъ пановъ радъ и урядниковъ нашихъ именемъ велебного Игнатія Оксеновича игумена и всѣхъ закон-

(1) Выд. мон. кн. ак. VI, стр. 62.

никовъ монастыря Выдубицкаго, что вѣрность твоя изъ острова Селецъ названного до веси Выдубицкаго монастыря Нестановичъ и Волосовичъ належащаго въ повѣтѣ мозырскомъ лежачаго, дани медовой и десятины збожжа (хлѣба) подлугъ фундаціи и давного звычаю подданнымъ своимъ помененныхъ весей выдавати до монастыря Выдубицкаго заказуешь, (запрещаешь) зачимъ великую зазиму тыхъ провентовъ (продуктовъ) поносятъ шкоду (убытокъ). Хотячи мы теды абы провента здавна помененному монастыреви належащіе законникомъ (монахамъ) тамошнимъ цѣло доходили и побожне фундаторовъ намѣреніе ненарушени заставали, напоминаемъ дабы вѣрность твоя изъ помененныхъ добръ своихъ яко дань медовую, такъ десятину збожа подданнымъ своимъ повсягодно выдавати и потомъ въ видаванью оной волокиты и трудностей жадной чинити не казалъ; иначей твой милость съ повинности своей для ласки нашей не учинилъ" (1). Но этотъ королевскій упоминательный листъ не принесъ монастырю никакой пользы. Октября 5 тогоже года, выдубицкій повѣренный іеромонахъ Онисимъ Радкевичъ, отъ лица своего игумена и всѣхъ законниковъ своего монастыря, заявлялъ этотъ листъ въ мозырскомъ городскомъ судѣ,—а 11 октября представлялъ оный и самому Зенкевичу. Отвѣтомъ на это со стороны Зенкевича было то, что онъ приказалъ своимъ подданнымъ нестановицкимъ никакихъ даней Выдубицкому монастырю не давать и не обѣщать. 20 ноября, отецъ Онисимъ Радкевичъ опять упоминался предъ Зенкевичемъ о тотъ чиншъ, «жебы его милость позволилъ подданнымъ своимъ выдать дань за уживанье (пользованіе) острова монастырского»,представлялъ ему опять и упоминательный листъ королевскій и реляційный листъ суда мозырскаго; но и «теды его милость панъ Зенкевичъ не тылько жебы позволилъ давать, але еще... отповедь и похвалку на отца игумена монастыря Выдубицкаго кіевскаго и на всѣхъ законниковъ того монастыря въ немъ мешкаючихъ учинилъ, а наветь (даже) отцу Онисиму Радкевичу огледать того острова похвалки и отповеди чиничи не позволилъ и заборонилъ,» (2) Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, отецъ Онисимъ Радкевичъ, съ генераломъ (возныиъ) мозырскимъ Криштофомъ Соколовымъ и двумя другими шляхтичами, обращался къ самимъ

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 447.
(2) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 445.

подданнымъ волосовичскимъ и нестановицкимъ съ просьбою о дани, за пользованье выдубицкимъ островомъ Сельцомъ. Волосовичане оказались болѣе уступчивыми, чѣмъ нестановичане. «Урядникъ владѣльца Чайка повѣдилъ на представленный ему приватный (частный) листъ отъ отца Игнацего Оксеновича Старушича и всей братіи и капитулы (собора) выдубицкаго монастыря, что онъ невозбраняетъ подданнымъ своего пана давать до монастыря дань, которую они прежде давали съ того острова; а сами волосовичане зобравшися поведили,» Боже заховай, бысь мы мѣли церковнаго таить, яко предкове нами по чему давали съ того острова и теперь мы готовы давать. «За что о. Онисиму Радкевичу оставалось только поблагодарить ихъ. Не то сказали нестановичане; на ласковую просьбу отца Радкевича о дани, войтъ отъ лица нестановичанъ сказалъ, что, они имѣютъ такое розсказаніе отъ милостей пановъ своихъ пана Зенкевича и пани Зенькевичевой, ижъ въ монастырь не тилько збожжа и десятины, але и меду ведра не дадутъ». (1) Послѣ этого отцу Радкевичу оставалось только протестовать противъ пана Зенкевича; и въ самомъ дѣлѣ, 2 декабря, отецъ Онисимъ Радкевичъ внесъ въ гродской мозырскій урядъ пространную протестацію противъ пановъ Зенькевичей. Вѣроятно, дѣло о мозырской дани, особенно о дани подданныхъ пана Зенкевича, окончилось бы ничѣмъ, при всемъ стараніи выдубицкаго игумена, если бы въ этомъ дѣлѣ не принималъ живаго участія коммисаръ повѣту мозырскаго панъ Миткевичъ и митрополитъ кіевскій, патронъ Выдубицкаго монастыря Сильвестръ Коссовъ. Благодаря ходатайству преосвященнаго Сильвестра и содѣйствію пана Миткевича, при всѣхъ недоброжелательствахъ пановъ р. католиковъ противъ Выдубицкаго монастыря, этотъ полугодовой процессъ окончился въ пользу Выдубицкаго монастыря. Въ своемъ отвѣтѣ на письмо митрополита Сильвестра, панъ Миткевичъ, отъ 7 декабря 1647 года, писалъ ему чрезъ отца Радкевича: «Не едино написаніе точію и на всякія разсказанія Вашей милости моего милостиваго пана въ услугахъ моихъ неодмовныхъ слугою зостаючи, зѣло радъ былъ и до конца служилъ и допомогалъ посланному законикови отъ его милости отца игумена святаго Михаила Выдубицкаго, точію же въ сему краи

(1) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 448.

нашемъ столица римска взяла гору, зачимъ яко духовнымъ такъ и свѣцкимъ нашой старой Русѣ зѣло соутѣсненіемъ, которыхъ подъ такимъ числомъ нахожуся; обаче поручивши себе Господу Богу и Его святому призрѣрію хотя бы и умирати при отчизнѣ каждому сынови учтивому дѣло есть удобное; на тотъ часъ, что не все за потребою, точію какъ быти мусѣло сдѣлалось, что временемъ неизбѣжитъ». (1) Какъ бы то ни было, но Игнатій Старушичъ успѣлъ таки сослужить службу своей обители и въ Мозырщинѣ. Памятникомъ его усердія въ Выдубицкому монастырю и до сихъ поръ служитъ наданный имъ сюда, въ 1648 году, сребровызолоченный потиръ (вѣсомъ около двухъ фунтовъ.).

Игнатій Старушичъ былъ игуменомъ Выдубиккаго монастыря съ 1641 по 1650 годъ, въ этомъ же послѣднемъ году онъ былъ посвященъ въ санъ епископа; но по причинѣ болѣзни, онъ все таки не выѣзжалъ въ свою епархію изъ Выдубицкаго монастыря, гдѣ и скончался въ 1651 году, 30 октября и погребенъ при Всеволожей Михайловской церкви. (2) Достойнымъ преемникомъ Игнатія Оксеновича Старушича по игуменству выдубицкому былъ родственникъ его по плоти и

---

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 450.

(2) На мѣстѣ его погребенія, на одной изъ боковыхъ стѣнъ Михайловской церкви, была ему такая эпитафія.

Живъ свый созда сѣбѣ гробъ, дабы мое тѣло,
Отдавши духа Богу, покой въ немъ имѣло.
Ты же не хощи мене мертва обидѣти
Необыкша живуща кого оскорбити
Хочеши ли знати, кто былъ живый въ мірѣ
Игнатій монахъ священъ, православный въ вѣрѣ
Славы Божія въ цѣрквѣ, бѣхъ азъ проповѣдникъ
И на судахъ духовныхъ судьямъ соcѣдникъ
Ректоръ бѣхъ братства, иже въ кіевѣ градѣ
Тежъ въ выдубицкой, игуменъ оградѣ
Идѣ же безплотныхъ силъ церковь воеводы
Погружающа въ камень при архиппѣ воды
На его же душею крилѣ возложихся
А тѣломъ въ семъ Его храмѣ положился
Се уже о мнѣ, всякъ знати возможе
Бѣхъ иногда еже бѣхъ, нынѣ же ничтоже
Но азъ тя знать не могу, обаче молися
Моли о мнѣ, да правый на судѣ явлюся.

Арх. Выд. мон. дѣл № 33.

по духу Климентъ Оксеновичъ Старушичъ. Его имя для Выдубицкаго монастыря тѣмъ особенно памятно, что при немъ и при его содѣйствіи Выдубицкій монастырь сталъ самостоятельнымъ, вышелъ изъ подъ патронатства кіевскихъ митрополитовъ, хотя это патронатство въ послѣднее время ни въ какомъ отношеніи не было для него тягостнымъ. Честь великодушнаго отреченія отъ своихъ правъ на Выдубицкій монастырь принадлежитъ преемнику великаго патрона и возстановителя Выдубицкаго монастыря Петра Могилы, митрополиту Сильвестру Коссову. Подобно своему предшественнику, и просвященный Сильвестръ въ матеріальномъ отношеніи нисколько не пользовался отъ Выдубицкаго монастыря, а напротивъ, какъ мы видѣли изъ спорнаго дѣла о мозырскихъ даняхъ, еще и благодѣтельствовалъ ему своимъ участіемъ. При немъ оставалась только едва замѣтная тѣнь зависимости Выдубицкаго монастыря отъ кіевской митрополіи, а онъ наконецъ отказался и отъ этого, не отказавшись впрочемъ отъ права благодѣльствовать монастырю, чѣмъ только могъ. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1652 года, митрополитъ Сильвестръ далъ Выдубицкому игумену съ печатью и за подписомъ своей руки листъ, въ которомъ писалъ, что «самы монастырь Выдубицкій и церковь заложенья святаго архистратига Михаила, также всѣ добра и кгрунты того монастыря Выдубицкаго, такъ здавна, яко и теперь належачіе подданные тяглые и нетяглые и ихъ повинность: пущи добры, лѣса, дубрави, пасеки, нивы, поля ораніе и неораніе, сеножати, ставы, озера, млины, реки, речки, перевозъ лыбедскій на рѣчи Днѣпри изъ ловы вольными доходами вшелякими до того монастыря належачими, въ спокойную и доживотную поссесію подаетъ и интромитуетъ». Это право судебнымъ порядкомъ было немедленно заявлено возному генералу воеводства кіевскаго Мелетію Бобницу, который, свѣрившись объ этомъ на мѣстѣ съ людьми вѣры годными шляхетными (Өеодоромъ Предриширскимъ и паномъ Степаномъ Духаничемъ) 15 апрѣля того же года, занесъ этотъ актъ въ кіевскія городскія книги; между прочимъ онъ писалъ, что при его разслѣдываніи, «никто противно тое интромиссіи не контродиковалъ изъ жаднымъ правомъ не отзывалъ, але заразъ подданіе вси тамъ на тотъ часъ будучіе и до того монастыря принадлежачіе яко пану своему отцу игумену монастыря Выдубицкаго и церкви святаго Михаила, вшелякое по-

служенство, повинности и подданства отдали и отдавать субмитовались». (1) Правда, митрополитъ Сильвестръ, какъ видно изъ его акта, отдавалъ теперь Выдубицкій монастырь въ поссесію только игумену Климентію Старушичу въ пожизненное его владѣніе; но этимъ самымъ онъ давалъ нѣкоторымъ образомъ обязательство на независимость Выдубицкаго монастыря и за своихъ премниковъ, покрайней мѣрѣ эта пожизненная поссесія Выдубицкаго монастыря почему то переходила отъ Климента Старушича къ дальнѣйшимъ его преемникамъ, игуменамъ выдубицкимъ незамѣтно, сама собою, безъ всякихъ протестовъ съ чьей бы то нибыло стороны. Такою самостоятельною жизнью, съ нѣкоторыми перерывами и оттѣнками, Выдубуцкій монастырь продолжаетъ жить и до нашего времени.

ВРЕМЯ САМОСТОЯТЕЛЬНАГО СУЩЕСТВОВАНІЯ ВЫДУБИЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

(Съ 1659 года до нашего времени (2)).

Этотъ длинный, болѣе чѣмъ 200 лѣтній, періодъ самостоятельнаго существованія Выдубицкаго монастыря самъ со-

---

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 36.

(2) Называя этотъ періодъ періодомъ самостоятельности Выдубицкаго монастыря, или его независимости отъ кіевской митрополіи, мы разумѣемъ здѣсь независимость только патронатскую, а не іерархическую. Въ іерархической зависимости отъ кіевской митрополіи Выдубицкій монастырь, подобно другимъ (неставропигіальнымъ) монастырямъ кіевскимъ, былъ всегда какъ прежде, такъ и теперь; особенно же это право было утверждено за кіевскими митрополитами со времени подчиненія ихъ московскимъ патріархамъ. Въ настольной грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, данной на имя преосвященнаго Гедеона Четвертынскаго, въ 1686 г. декабря 15, между прочимъ такъ говорилось: „Впредь.... судамъ митрополита кіевскаго въ своей епархіи быти и отправлятися по прежнимъ обычаямъ. Также всѣмъ высокимъ и низкимъ духовнымъ особамъ.... игуменомъ нынѣшнимъ и по нимъ впредь будучимъ.... епископіямъ, архимандріямъ, игуменствамъ, братствамъ, монастырямъ, церквамъ, которые издавна належали къ оной митрополіи, непремѣнно и нынѣ повиноватися и послушаніе отдавать ему богомольцу нашему преосвященному Гедеону митрополиту и по немъ будучимъ кіевскимъ митрополитамъ“... Опис. кіев.-соф. соб. приб. стр. 92—93.

бою распадается на два большіе отдѣлы эпохою отобранія всѣхъ южно-русскихъ монастырскихъ имѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣній Выдубицкаго монастыря въ 1786 году. И такъ, мы представимъ исторію самостоятельной жизни Выдубицкаго монастыря: А) до отобранія его имѣній и Б) послѣ этого времени.

А.

Время самостоятельности Выдубицкаго монастыря до отобранія его имѣній, (съ 1652 по 1786 годъ).

Въ этотъ болѣе чѣмъ столѣтній промежутокъ времени, который мы назвали временемъ самостоятельности Выдубицкаго монастыря до отобранія его имѣній, былъ однакоже краткій 15-лѣтній періодъ, въ продолженіи котораго Выдубицкій монастырь опять былъ подчиненъ кіевской митрополіи, впрочемъ болѣе номинально, чѣмъ на дѣлѣ; это было съ 1690 по 1706 годъ. Потому мы представимъ судьбу Выдубицкаго монастыря 1) до времени его вторичнаго, такъ сказать, случайнаго подчиненія кіевской митрополіи (съ 1652—1690 г.) 2) во время подчиненія (съ 1690—1706 г.) и наконецъ 3) послѣ подчиненія (съ 1706—1786 г.).

1) Время самостоятельнаго существованія Выдубицкаго монастыря съ 1652 по 1690 годъ.

Съ 1652 по 1690 годъ въ Выдубицкомъ монастырѣ начальствовали два знаменитые игумены Климентъ Оксеновичъ Старушичъ и Ѳеодосій Углицкій. Каждый изъ нихъ усердно послужилъ своей обители.

Климентъ Старушичъ, заботясь о прочности правъ Выдубицкаго монастыря на его владѣнія, старался также, какъ и Петръ Могила, розыскивать старинныя его документы на эти владѣнія. Онъ провѣдалъ было отъ какого то законника (монаха), что связка правъ Выдубицкаго монастыря какимъ то образомъ очутилась у перемышльскаго епископа Прокопа Хмѣлевскаго.— Климентъ Старушичъ немедленно обратился къ этому епископу съ письменною просьбою о возвращеніи правъ по принадлежности; но хитрый епископъ отнѣкивался: по іезуитской поли-

тикѣ онъ отсылалъ просителя къ другому, который, вѣроятно, также отослалъ бы его еще къ третьему; словомъ, перемышльскій епископъ, подобно извѣстнымъ уже намъ пану Обуховичу и пани Корсаковой, также, какъ говорится, пряталъ концы въ воду. «Не можетъ навѣрное сказать законникъ вашей милости того, писалъ онъ отъ 22 марта 1662 года Клименту Старушичу, что тѣ права онъ видѣлъ у меня. Если бы онѣ были у меня, я не хотѣлъ бы безъ нужды такъ долго скрывать ихъ къ униженію занимаемаго мною мѣста. Правда, давно я видѣлъ ихъ въ монастырѣ, кажется, виленскомъ Свято-Троицкомъ (уніятскомъ); но гдѣ онѣ теперь находятся, не знаю. Совѣтую однакоже, чтобы ваша милость написала объ этомъ къ его милости епископу Хелмскому, который теперь считается прото-архимандритомъ этого монастыря; я думаю, что онъ вашей милости о всемъ этомъ разскажетъ. А за то, что я не могъ услужить вашей милости по вашей просьбѣ, прошу извиненія; послужить вашей милости въ другомъ случаѣ я готовъ буду, на сколько это будетъ возможно» (1). Послѣ такого отвѣта, выдубицкіе игумены, кажется, навсегда отказались отъ розыскиванія оригинальныхъ документовъ на владѣнія Выдубицкаго монастыря, а между тѣмъ спѣшили хлопотать у современныхъ имъ верховныхъ властей гетмановъ малороссійскихъ и государей русскихъ подтвержденій на давнія владѣнія монастыря. И Климентъ Старушичъ успѣлъ получить одну царскую подтвердительную грамоту на всѣ владѣнія Выдубицкаго монастыря и нѣсколько подтвердительныхъ грамотъ гетманскихъ на нѣкоторыя его владѣнія въ отдѣльности. Нужно замѣтить при этомъ, что какъ теперь, такъ и въ будущія времена, Выдубицкій монастырь вообще пользовался самымъ сочувственнымъ покровительствомъ со стороны и государей московскихъ, и гетмановъ малороссійскихъ.

Вскорѣ, послѣ совершенія присяги малороссійскаго народа на подданство московскому государю, (это было въ Переяславлѣ, 8 генваря 1654 года, и въ Кіево — печерской лаврѣ, 14 генваря того же года) и выдубицкій игуменъ, подобно другимъ настоятелямъ кіевскихъ монастырей, обращался съ всеподданнѣйшею просьбою къ великому государю московскому о пожалованіи грамоты въ подтвержденіе старинныхъ правъ

(1) Выд. мон. кн. акт. 1 стр. 45, на польск. языкѣ.

Выдубицкаго монастыря. Въ непродолжительномъ времени такая грамота и была пожалована монастырю. Отъ 11 августа 1654 года, Алексѣй Михайловичъ такъ писалъ въ этой грамотѣ: «Пожаловали есмя нашего царскаго величества богомольца кіевскаго, Архангельскаго Выдубицкаго монастыря игумена, Клементія Старушича съ братіею, что въ нынѣшнемъ въ 7162 году билъ челомъ намъ великому государю, нашему Царскому Величеству, онъ игуменъ Клементій съ братіею, чтобъ намъ Великому государю, нашему Царскому Величеству пожаловати его Клементія прежные привилия строенія, которые отъ великихъ князей русскихъ и королей польскихъ имѣютъ, велѣти подтвердити нашими Царскаго Величества жалованными грамотами. И мы Великій Государь Царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя Россіи самодержецъ пожаловали его игумена Клементія съ братіею велѣли на ихъ маетности, которыя имъ даны отъ великихъ князей русскихъ и королей польскихъ по привилиямъ. И нынѣ онъ Клементій зъ братіею тѣми маетностями владѣютъ, дати бъ нашу царскаго Величества жалованиую грамоту, что имъ игумену Клементію зъ братіею нашей государской милости тѣми маетностями владѣть и доходы всякіе, которые съ тѣхъ маетностей збирываны и нынѣ збираютъ имати по прежнему. Дана ся наша царскаго Величества жалованная грамота въ мѣсце, на нынѣшнемъ царскаго Величества стану подъ Смоленскомъ» (1).

Находясь подъ сильнымъ покровительствомъ государей московскихъ и гетмановъ малороссійскихъ, Выдубицкій монастырь теперь самъ собою и безъ участія кіевскихъ митрополитовъ большею частью успѣшно отстаивалъ свою собственность. Одно изъ богатыхъ угодій Выдубицкаго монастыря теперь былъ — лыбедскій перевозъ черезъ Днѣпръ, съ окрестными мѣстами и строеніями; аренда этого перевоза теперь давала Выдубицкому монастырю ежегодно дохода отъ 1400 до 1600 злотыхъ польскихъ, что составляло по тогдашнему счету очень значительную сумму. Между тѣмъ теперь, какъ и прежде, этотъ перевозъ оспаривала Кіево-печерская Лавра. Мы уже знаемъ, что по этому дѣлу кіевскій воевода Кисель постановилъ было, до рѣшенія дѣла, Выдубицкому монастырю пользоваться изъ доходовъ отъ этого перевоза двумя частями,

(1) Выд. мон. кн. акт. 1 стр. 89.

а Лаврѣ третьею. Но Климентъ Старушичъ, радѣя о пользѣ своего монастыря, не соглашался на это: съ самаго начала своего игуменства онъ арендовалъ лыбедскій перевозъ отъ имени только своего монастыря и для своего монастыря, а между тѣмъ въ 1652 г. іюля 5, занесъ въ кіевскія гродскія книги протестъ противъ декрета воеводы пана Киселя. Когда въ одно время Лавра допустила насиліе противъ Выдубицкаго монастыря, учинила «гвалтовное» нападеніе на подданныхъ монастырскихъ при лыбедской пристани «съ многолюдствомъ и ружейною пальбою»; Климентъ Старушичъ, запротестовавши противъ этого въ городскихъ книгахъ (іюля 7 1653 года), рѣшился обратиться съ просьбою о скорѣйшемъ и правильнѣйшемъ рѣшеніи дѣла къ гетману Богдану Хмѣльницкому. Хмѣльницкій принялъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе и высылалъ на самое мѣсто спора своихъ повѣренныхъ генеральнаго судью Антона Ждановича и Ѳеодора Виговскаго, которые, отъ 17 ноября 1656 года, постановили такой декретъ, что они нашли по документамъ «близшую къ посессіи того лыбедскаго поромнаго перевоза сторону кіево-выдубицкаго монастыря, въ подкрѣпленіе чего кіево-выдубицкаго монастыря игуменъ Климентъ Старушичъ съ двомя монашествующими учинилъ и присягу». Впрочемъ, по просьбѣ, будто бы, обѣихъ тяжущихся сторонъ, окончательное рѣшеніе спора отсрочивалось на шесть лѣтъ, въ продолженіи которыхъ обѣ стороны должны были пользоваться доходами отъ перевоза по поламъ «безъ жадной перешкоды одинъ другому, подъ утраченьемъ перевозу» (1). Каково было окончательное рѣшеніе суда о лыбедскомъ перевозѣ чрезъ 6 лѣтъ, неизвѣстно; знаемъ только, что еще незадолго предъ тѣмъ, какъ повѣренные Хмѣльницкаго разслѣдывали это дѣло на мѣстѣ, митрополитъ Сильвестръ (4 октября 1656 г.), въ предупрежденіе дальнѣйшихъ споровъ между двумя монастырями, предлагалъ Выдубицкому монастырю уступить Лаврѣ половину доходовъ отъ лыбедскаго перевоза, а въ замѣнъ того получить отъ Лавры три рыбныхъ озера подъ Вышельками (2). Пользовался ли потомъ Выдубицкій монастырь этими тремя озерами, или нѣтъ, а доходами отъ перевоза долженъ былъ дѣлиться съ Лаврою;

(1) Выд. мон. кн. ак. I стр. 29.
(2) Выд. мон. кн. ак. IX стр. 44.

уже въ 1657 г. этотъ перевозъ арендовали вмѣстѣ Климентъ Старушичъ и архимандритъ Лавры Иннокентій Гизель (3). Однако же и при такой уступчивости для Лавры со стороны Выдубицкаго монастыря, согласіе между этими монстырями на счетъ лыбедскихъ грунтовъ не долго продолжалось: въ 1661 году Климентъ старушичь жаловался архимандриту Лавры на законника (монаха) печерскаго Ананію, который, неизвѣстно по какимъ причинамъ,засыпалъ было колодецъ одного выдубицкаго подданнаго Терешкова и вырубилъ на неводничахъ верды Выдубицкаго монастыря (2). Заведенное объ этомъ Климентомъ Старушичемъ спорное дѣло продолжалось нѣсколько лѣтъ еще и послѣ его смерти.

Кажется, Климентъ Старушичъ былъ счастливѣе въ охраненіи правъ Выдубицкаго монастыря на владѣнія гнилецкія, тоже подвергавшіяся въ его время нападеніямъ съ разныхъ сторонъ. При Климентѣ Старушичѣ дѣло съ князьями Корецкими о гнилецкихъ грунтахъ было навсегда покончено, но не судебнымъ порядкомъ, а военнымъ правомъ. Съ возстаніемъ Хмѣльницкаго противъ р.-католическаго панства, многіе вельможные паны, владѣльцы Украйны, слабо охраняемые польскимъ оружіемъ, должны были бѣжать изъ своихъ владѣній, оставляя все свое на произволъ судьбы, или лучше, въ руки своихъ враговъ. Тоже было и съ князьями Корецкими, владѣльцами Лѣсникъ. Несправедливо владѣя вотчиною лаврскою и дѣлая частыя нападенія на владѣнія Выдубицкаго монастыря, князья Корецкіе успѣли вызвать противъ себя сильную антипатію въ православномъ населеніи, и не могли оставаться ни минуты въ своей вотчинѣ, во время возстанія козаковъ за правду и святую вѣру. Вотчина же Корецкихъ теперь перешла въ распоряженіе гетмана-освободителя Богдана Хмѣльницкаго; тутъ, какъ и въ другихъ вотчинахъ бѣжавшихъ пановъ, были поставлены гетманскіе урядники, судьи и др. Такъ не предвидѣнно Выдубицкій монастырь освободился отъ давнихъ коварныхъ своихъ сосѣдей грабителей, съ которыми болѣе полстолѣтія велъ тяжбу, и, при всей своей справедливости, терявшій надежду на выигрышъ процесса. При новыхъ порядкахъ вещей, Вы-

(1) Выд. мон. кн. ак. I, стр. 105.
(2) Выдуб. мон. кн. ак. X, стр. 11.

дубицкій монастырь былъ совершенно спокоенъ на счетъ своихъ гнилецкихъ владѣній. Правда, и теперь иногда находились такія лица, которыя, по старой памяти, порывались было своевольничать на счетъ монастыря; но они были немедленно останавливаемы козацкою старшиною и самыми гетманами. Такъ, по случаю кое какихъ обидъ, чинимыхъ Выдубицкому монастырю въ Гнилетчинѣ со стороны жителей лѣсницкихъ, именно по случаю лова ими рыбы, въ озерахъ выдубицкихъ, безъ вѣдома выдубицкаго монастыря, въ концѣ 1653 года, сюда, по жалобѣ монастыря, немедленно, почти въ одно и тоже время, писали къ уряднику лѣсницкому Шевелю съ строгимъ приказаніемъ остановить своеволіе и наказный кіевскій и дворецкій,— первый отъ 10 октября, а второй отъ 15, а потомъ чрезъ нѣсколько времени и самъ гетманъ писалъ строгій наказъ полковнику кіевскому, чтобы онъ не допускалъ обидъ Выдубицкому монастырю. «Пане полковнику кіевскій, писалъ ему Богданъ Хмѣльницкій, отъ 25 мая 1654 года,дошла намъ скарга (жалоба) отъ велебного въ Бозѣ господина отца Клементія Старушича, игумена монастыря Выдубицкаго, на атамана лѣсницкаго и ходосовскаго и всѣхъ обывателей тамошнихъ, же тамъ въ Калиновщинѣ, Кальномъ лугу, Гнилещинѣ и въ озерѣ Глушцу отъ давнихъ часовъ до монастыря Выдубицкаго належачихъ своволенствомъ взбужены, никого се необъявляючи, великія шкоды чинятъ, и оные чиначи церквѣ Божой кгвалтъ (насиліе) частымъ ловленьемъ рыбъ въ нѣвечъ (въ ничто) оборочаютъ. Пильно теды вашей милости жадаемъ исурово напоминаемъ, абысте того пильне стерегали и ничимъ неуводячися своволниковъ тыхъ сурово безъ фолги (безпощадно) карали, якобы найменшая крывда и перешкода такъ въ маетностяхъ, яко и въ озерахъ до монастыря Выдубицкаго належачихъ не дѣлалосе,иначей не чиначи такъ якобы намъ болшъ о томъ скарга не доходила, бо вѣдай певне, (вѣрно) ежели бысь таковымъ своволникомъ фольговалъ самъ зъ ними, посполу карання нашего не уйдешъ (1)». Но, при тогдашней вольности козацкой, и послѣ того иногда бывали случаи воровской ловли рыбы въ гнилецкихъ озерахъ Выдубицкаго монастыря; потому и гетманъ Виговскій давалъ подобный прежнему строгій наказъ старшинѣ и черни козацкой о не-

(1) Отдѣл. свя. арх. В. мон № 7.

чиненія малѣйшой кривды монастырю. Отъ 4 апрѣля 1658 года онъ писалъ въ своемъ универсалѣ: «Ознаймуемъ симъ писаніемъ нашимъ старшинѣ и черни войска его царскаго величества запорожскаго, всякого стану и кондиціи людемъ и кому оно колвекъ сее наше показано будетъ писаніе, ижъ магочи мы особливый взглядъ на отцовъ монастыря выдубицкаго святаго архистратига Михаила позволилисьмо онымъ Глушецъ озеро зо всими до того озера прииалежностями, такъ яко и передъ тымъ заживати въ спокойне держане и уживане, на што и права даннии маютъ. За чимъ пильно напоминаючи приказуемъ, абы жаденъ (никто) з козаковъ такъ з старшины, яко и черни найменшое кривды помененнымъ отцамъ монастыря выдубицкого въ держаню и въ живаню того озера чинить не важился: бо хто бы колвекъ мѣлъ тамъ што надъ заказъ нашъ починити, таковый за найменшою скаргою срогого войскового одъ насъ не уйдетъ караня (наказанія)». (1) Такого же содержанія универсалъ данъ былъ старшинѣ козацкой и Юріемъ Хмѣльницкимъ въ 1660 году, 3 мая (2).

Климентъ Старушичъ, благодаря содѣйствію свѣтскихъ и духовныхъ властей, съумѣлъ удержать за Выдубицкимъ монастыремъ и мозырскія дани. Отправляя сюда въ 1656 году «законника» своего монастыря о. Даніила Сапоцкаго по «звычайную дань», игуменъ выдубицкій, для большей прочности дѣла, просилъ и митрополита Сильвестра съ своей стороны сдѣлать «притверженіе» кому слѣдовало о дани. Митрополитъ, хотя и отказался прежде отъ патронатства надъ монастыремъ, не отказалъ теперь въ просьбѣ игумену; отъ 19 сентября 1656 года, онъ писалъ атаманамъ волосовицкому и нестановицкому и всей громадѣ: «Вѣдомо вамъ чинимъ, ижъ за благословеніемъ нашимъ велебный отецъ игуменъ выдубицкій посылаетъ брата законного до васъ отца Даніила Сапоцкаго по звычайную дань медовую и по десятину зъ власного ихъ острова, которую абысте безъ вшелякой звлоки оному до рукъ отдали и его тамъ вшелякими достатками ведлугъ давного звычаю подняли и тую дань зе збожемъ ведлугъ повинности своей до Кіева припроводили...; а гды десятины тому высланному брату сполно не отдасте,

(1) Выд. мон. кн. акт. IX, стр. 200—201.
(2) Выд. мон. кн. акт. IX, стр. 199.

вѣдайте о томъ, же за всѣ тіе лѣта на своей маетности шкодовати не задолго мусите; то вамъ предложивши и ознаймивши напоминаю, абысте иначей нечинили, гдижъ васъ никто не оборонитъ». (1) Посылая сюда за данью въ слѣдующемъ 1657 году законника своего Савву, игуменъ выдубицкій и отъ себя снабжалъ его такимъ же строгимъ листомъ, какой писалъ и митрополитъ Сильвестръ, только еще прибавлялъ, что если они откажутъ посланному въ дани, то онъ самъ будетъ у нихъ зимою «и тые поля зъ островомъ иншимъ якимъ людемъ зичливымъ церкви Божой отдастъ» (2); между тѣмъ на этотъ же случай онъ испросилъ было и у гетмана Богдана Хмѣльницкаго универсалъ, которымъ послѣдній приказывалъ *залозѣ* мозырскому содѣйтвовать «выбираню дани». «Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, писалъ гетманъ, старшини и черни войска его царского величества запорозского, а особливо залозе нашому мозырскому также мещаномъ и всему посполитству въ Волосовичахъ и Нестановичахъ зостаючимъ, и каждому, кому только показано будетъ, ижъ якось то перше позволили въ Богу велебному отцу игуменови и всей братіи монастыря святого архистратига Михаила Выдубицкого, такъ и теперь позволяемъ, абы они данъ медовую для расходу выбрали; прето сурово приказуемъ, абы жаденъ зъ старшини и черни найменшою перешкодою отцу игумену албо отъ его высланному о выбираню дани медовое въ селахъ Волосовичахъ и Нестановичахъ не былъ, и о тое все невтручалъ подъ срогимъ каранемъ войсковымъ иначей не чинячи». (3) Бывшій въ то время залога мозырскій, Матвѣй Гавриловичъ, получивши такой наказъ отъ гетмана, и съ своей стороны писалъ въ такомъ же духѣ войтамъ волосовицкому и нестановицкому и всѣмъ жителямъ поимснованныхъ селъ: «Доношу вамъ, писалъ онъ, ижъ тамъ до васъ едетъ законникъ монастыря святого архистратига Михаила Выдубицкого съ посланія старшого своего и всее братіи того монастыря для выбераня дани медовое, яко тежъ и зъ пашни зъ поль тому монастырю зъ давныхъ часовъ належачое, такъ зъ универсаломъ, изъ особливымъ писанемъ въ Бозѣ велебного его милости отца игумена того мо-

(1) Тамъ же стр. 450.
(2) Выд. мон. кн. акт. IX, стр. 451.
(3) Тамъ же.

пастыря собе данним, за чимъ и я тогожъ универсалу войскового зъ владзе мое врадовое за залове въ мозыру будучи, пилно повишъ того потребую и грозно росказую, абысте ни въ чомъ тому вышереченному законникови единому отцу Сави не были противными, але яко новинность ваша давная по васъ вытягала, барзей теперь тую винность свою, безъ жадного затрудненія и найменшее проволоки конечно подъ сргимъ каранемъ, ведлугъ унѣверсалу войскового нечиничи иначей (1)». Безъсомнѣнія, посланецъ выдубицкій, снабженный такими приказами, имѣлъ полный успѣхъ. То, что мы сказали о дѣлахъ Выдубицкаго монастыря въ Мозырщинѣ въ продолженіи двухъ лѣтъ, 1656 и 1657,— то же самое, съ вѣроятностію, можемъ сказать и объ остальномъ времени игуменства Климента Старушича въ Выдубицкомъ монастырѣ, -- именно, мы можемъ сказать, что теперь мозырскія дани шли въ Выдубицкій монастырь безостановочно, хоть и не безъ особыхъ напоминаній и внушеній со стороны монастыря и его покровителей. Такое внушеніе дѣлалъ Волосовичамъ и Нестановичамъ въ свое время, къ концу времени игуменства Климента Старушича, и Юрій Хмѣльницкій. Отъ 3 мая 1660 года, онъ писалъ своей старшинѣ: «Ознаймуемъ симъ писанемъ нашимъ паномъ полковникомъ, асауломъ, сотникомъ, атаманамъ и всему старшому и меншому войска Его Царскаго Величества запорозского товаришству, меновите пану полковникову кіевскому и залогамъ отъ его на Погѣсю будучимъ, ижъ видилисмо листъ еще короля четвертого Владислава польского, зъ которого выразумели, же зъ острова Селецъ назваиого и зъ села Волосовичъ и Нестановичъ въ повете мозырскомъ лежачихъ святой обители Выдубицкой кіевской ишла дань медовая и десятина збожа, що и мы не иначей хотячи мѣти пилно и сурово всѣмъ обывателемъ въ помененныхъ селахъ мешкаючимъ приказуемъ, абы заразъ ведлугъ давного звычаю належную дань медовую и десятину збожа святой обители Выдубицкой за лѣтъ двѣ, поневажъ за розными не брано заверухами (смятеніями), отдавали и на потомъ пущовалися (?). Чому старшое и меншое войска Его царского Величества запорозского товариство ани самъ панъ полковникъ кіевскій ни залоги его перешкодою быти не маютъ ани

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 452.

наименшою трудностю. Кто засъ будетъ противній воли нашой и сему писаню, таковый безъ жадного бачення срокгого не уйдетъ караня» (1).

Послѣ продолжительнаго спора съ владѣльцами рожновскими, князьями Корецкими и ихъ наслѣдниками, панами Глѣбовичемъ и Аксакомъ, Выдубицкій монастырь съ 1650 года наконецъ успокоился на счетъ своихъ свиноедскихъ владѣній. Во время козацкаго возстанія и наслѣдники Корецкихъ рожновскихъ такъ же точно бѣжали изъ своихъ владѣній, какъ и наслѣдники Корецкихъ лѣсницкихъ. Рожны тогда перешли во владѣніе малороссійскихъ гетмановъ, которые, какъ мы уже знаемъ, не позволяли своимъ подданнымъ своевольничать въ сосѣднихъ монастырскихъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ, наживши себѣ добрыхъ сосѣдей, Выдубицкій монастырь, повторяемъ, спокойно пользовался своими свиноедскими владѣніями до 1660 года. Въ этомъ же году судьбѣ угодно было неожиданно вознаградить Выдубицкій монастырь сугубо и за тѣ его прежнія потери, которыя онъ несъ въ продолженіи больше полстолѣтія отъ вельможныхъ пановъ рожновскихъ р.-католиковъ. Гетманъ Виговскій, которому, наконецъ, по преемству достались Рожны, около этого времени, оказался измѣнникомъ русскому правительству и лишенъ былъ своихъ правъ и владѣній. Сосѣднія выдубицкимъ свиноедскимъ владѣніямъ села Рожны и Лѣски не имѣли владѣльца. Выдубицкій монастырь удачно воспользовался этимъ случаемъ: не теряя времени, выдубицкій игуменъ съ братіею поспѣшно обратился съ просьбою къ великому государю московскому о пожалованіи Выдубицкому монастырю сосѣднихъ его владѣніямъ деревень, прежде бывшихъ гетманскихъ, Рожновъ и Лѣсокъ. Алексѣй Михайловичъ склонился на ихъ просьбу, и отдалъ имъ эти владѣнія. Въ своей дарственной царской грамотѣ, данной Выдубицкому монастырю отъ 31 декабря 1660 г., онъ писалъ: «Пожаловали есмя архангельскаго Выдубицкаго монастыря игумена Клементія Старушича зъ братіею, что въ нынѣшнемъ во 7168 г., били челомъ намъ Великому Государю пожаловать ихъ велѣть имъ на прокормленіе и на монастырское строеніе дать двѣ деревни Ражны да Олешковичи, а тѣ деревни смежны къ ихъ монастырскому селу Свиноедову, а напередъ сего тѣ-

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 470.

ми дердвнями владѣлъ измѣнникъ нашъ Виговскій, и на тѣ деревни дать имъ нашу Великаго Государя жалованную грамоту. И мы Великій Государь Царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ Архангельскаго Выдубицкаго монастыря игумена Клементія зъ братіею пожаловали тѣми деревнями Рожнами да Олешковичами со всѣми доходы буде они нынѣ впустѣ и нихто ими не владѣетъ, и челобитья и спору впредъ отъ козаковъ не будетъ, владѣть имъ велѣли. И по нашой царской милости Архангельскаго Выдубицкаго монастыря игумену Клементію зъ братіею и кто по немъ въ томъ монастырѣ иные игумены и братья впредъ будутъ тѣми деревнями владѣть и доходи всякіе збирать по прежнему, какъ имано напередъ сего (1)». Такъ, повторяемъ, Выдубицкая обитель за свои прежнія обиды была сугубо вознаграждена отъ щедротъ православнаго государя. Пріобрѣтеніе для Выдубицкаго монастыря было большое: рожновскія и лѣсковскія владѣнія отличались богатствомъ природы также, если не больше, какъ и осокорскія, гнилецкія и свиноедскія. Стоитъ только припомнить, сколько тутъ было рыбныхъ озеръ... напр., въ селѣ Рожнахъ и его окрестностяхъ были слѣдующія озера: Спаское, Пуркино, Езпвиця, Панское, Плоская долина, (?) озеро Гоголево, Жерево Песоцкихъ, озеро Дудкино, Подтополя, криница Котовская, Парня, Плоское и Роговицкое; а въ селѣ Лѣсковичахъ: Подомирка, рѣчка Глушица, Волуецъ, Старая Деспа, Колодоватая Долина, Нехлебенковъ перекопъ, Долина гончаровка (?), Долина Росоховатая, Долина Подорли на добовой грядѣ, Боклинское, Вубчое, Тихое жерло, Крутое жерло, Мочалища Брингина, Закота, Тетерино озеро, Довгая Сахнова, Карачовка, плоская Долина, Резоваха подъ грядою, Гусинецъ, Рубцувская великая, Рубцувская малая, Засна, Пиружная, Васкова Долина Гусинецъ, Романовыхъ Долина Гусинецъ Деснище, Вершина Деснище Восковы домины вершина Получервяковскихъ, ставокъ Лозянскій, болото Чаплища (1).

(1) Выд. мон. кн. акт. I, стр. 118.

(1) Выд. мон. кн. акт. I, стр. 106. Чтобы представить богатство природы в другихъ владѣній Выдубицкаго монастыря, припоминаю тутъ кстати и ихъ рѣки и озера. Въ селѣ, напр., Осокоркахъ были слѣдующія озера и прѣки: Придушная,

Честь и хвала Клименту Старушичу, который, во время своего игуменства въ Выдубицкомъ монастырѣ и выхлопоталъ для своей обители самостоятельность, и сберегъ въ цѣлости ея прежнія владѣнія и еще успѣлъ пріобрѣсть для нея новыя вотчины. Покончилъ ли Климентъ Старушичъ свое игуменство въ Выдубицкомъ монастырѣ вмѣстѣ съ жизнію, или онъ еще гдѣ нибудь трудился въ такомъ же, или въ высшемъ санѣ, что нерѣдко бывало съ его предшественниками и преемниками, когда онъ окончилъ жизнь свою и гдѣ погребенъ, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно; знаемъ только, что съ 1662 года его имени уже не встрѣчается въ дѣловыхъ бумагахъ Выдубицкаго монастыря. Въ Выдубицкомъ монастырѣ до нашего времени не сохранилось никакихъ особенныхъ пожертвованій Климента Старушича; изъ его же времени тутъ хранится только напрестольное евангеліе, пожертвованное полковникомъ миргородскимъ Григоріемъ Лѣсницкимъ (2).

Криница телячая, рѣчка Позняковская, Грузная, Гачища, Плоское, Вубчое, Подбурная, Сепятинъ, Клешня, другая Подбурная, криница Думна, Речище осокорекое, Вирища, Речище Сухое, Татарка малая, Порубежье, Калита, Татарка великая, Миколаевъ. Подъ хуторомъ багриновскимъ: Лукарецъ; подлѣ Лыбѣди—Запѣсочъ, другая Запѣсочъ противъ Жуковки, Святища, Стадное. Въ Кальномъ Лугѣ озера и рѣки: Подвять, Шиатково, Резоватая, Подбурная, Кривое пролусное, Бѣловудь, Корица рѣка, Гутаево, Глушецъ, Быстрицъ, Потяжъ, Засиа, Плосвое, Кривуша, Турцъ, Порубежное; у Вышенькахъ: Гачища, Бервица, Калнухи; въ селѣ Свиноедахъ: Деснище, Бычакъ, Асыльскій Перекопъ, Довбенское, Ревучое, Осокоръ, Хранее, Черная Лоза, Довгая, Отверница, Сухая кобылка, Половица Вубчого, Вирокъ, Остивая, Перевалъ, Подсѣнное, половица Бѣлаго озера, половица Кривого Рогу, часть Скудного, Старая Десна Пещаница и озеро Ивана.

(2) На немъ, въ кругѣ нижней серебрянной доски, находится такая рѣзная надпись: „Въ лѣто отъ созданія міра 7168, отъ спасительнаго же воплощенія Господа нашего Іисуса Христа 1660, мѣсяца декемврія 6 дня, соорудися сіе пречестное евангеліе напрестольное, иждивеніемъ благочестиваго раба божія Григорія Лѣсницкаго, полковника миргородскаго въ храмъ, св. архистратига Михаила чуда еже его, въ Кіевѣхъ обители Выдубицкой во вѣчную его память. Тщаніемъ во іеромонасѣхъ смиренного Климентія Старушича, игумена тоя же обители“. Опись Выд. мон. стр. 22.

Достойнымъ преемникомъ Климента Старушича по игуменству выдубицкому былъ одинъ изъ знаменитыхъ воспитанниковъ кіевской коллегіи, впослѣдствіи архіепископъ черниговскій Ѳеодосій Углицкій, «иже бысть мужъ разуменъ и благотворящъ кіевскому братскому монастырю», по замѣчанію современниковъ. Ѳеодосій Углицкій былъ игуменомъ Выдубицкаго монастыря едва ли не долѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Если допустить, что его предшественникъ Климентъ Старушичъ окончилъ свою службу Выдубицкому монастырю въ 1661 году, а его ближайшій преемникъ Пахомій Подлузскій принялъ игуменство выдубицкое въ 1690 г., то окажется, что Ѳеодосій Углицкій служилъ Выдубицкому монастырю въ званіи его игумена, около 28 лѣтъ. Въ его время, какъ и во время его предшественника, Выдубицкій монастырь былъ совершенно независимъ отъ кіевскихъ митрополитовъ; но, странно, Ѳеодосій Углицкій, не извѣстно по какимъ причинамъ (не по скромности ли?) часто титуловалъ себя намѣстникомъ кіевскаго митрополита, хотя и управлялъ монастыремъ безъ всякаго участія со стороны кіевскихъ митрополитовъ, совершенно самостоятельно. Первые годы служенія Ѳеодосія Углицкаго Выдубицкому монастырю ничѣмъ особеннымъ не отмечены въ его исторіи; даже не отыскивается теперь въ монастырѣ ни какихъ памятниковъ его управленія до 1667 года. Съ этого же времени (по документамъ монастырскимъ) онъ становится извѣстнымъ, подобно своему предшественнику, и какъ умный распорадитель имѣній своего монастыря, и какъ ревностный защитникъ его правъ, и какъ сильный ходатай на счетъ его интересовъ, и какъ благотворитель стороннимъ монастырямъ.

Отъ времени Ѳеодосія Углицкаго сохранилось до нашего времени въ Выдубицкомъ монастырѣ нѣсколько документовъ на счетъ того, какъ онъ (Ѳеодосій Углицкій) арендовалъ разныя выдубицкія владѣнія на пользу монастырскую. Говоря объ его распорядительности, касательно монастырскаго имущества, стоитъ упомянуть особенно о томъ, что по его распоряженію, построены были какимъ то паномъ Максимомъ Васильковскимъ двѣ монастырскія мельницы, одна на рѣчкѣ Ветѣ при впаденіи ея въ Корнчу, а другая тоже на Ветѣ въ лѣсницкихъ владѣніяхъ, на очень выгодныхъ для монастыря условіяхъ.

Осокорскія и багриновскія владѣнія Выдубицкаго монастыря граничили между прочимъ и съ владѣніями кіевопечерскаго Троицкаго больничнаго монастыря. Въ этихъ владѣніяхъ, до временъ Ѳеодосія Углицкаго, не было прежде никакихъ столкновеній между обоими монастырями, а теперь, къ сожалѣнію, онѣ начались. Такъ опять возникъ споръ Выдубицкаго монстыря съ Лаврою, который, во время патронатства кіевскихъ митрополитовъ надъ Выдубицкимъ монастыремъ, нѣсколько было пріутихъ. Споръ былъ начатъ со стороны Троицкаго больничнаго монастыря на Осокорскомъ островѣ: «игуменъ троицкій презъ такъ веле лѣтъ въ близкомъ суседствѣ мешкаючи, любо вѣдалъ о кгрунтахъ здавна монастыреви Выдубицкому належачихъ, однакоже подобно зъ ранкору якогось, въ року 1668 ноембра 27 дня, запесочъ въ острове осокорскомъ законникомъ своимъ и подданымъ троицкимъ зловити росказалъ. Посланные пріѣхавши човнами, зловили тутъ неводомъ рыбъ свѣжихъ великихъ 7 возъ. Игуменъ выдубицкій подалъ скаргу архимандриту лавры на троицкаго игумена. Въ началѣ декабря, на мѣсто спора высланы были съ обѣихъ сторонъ значныя особы и свѣдки для розезнанья и пріятельского померкованья.» Монахи троицкіе были уличены въ своемъ самоправствѣ самымъ яснымъ образомъ; но вмѣсто того, чтобы покориться правдѣ, (1) они заставили выдубицкаго свидѣтеля поскорѣе убираться изъ того острова. Послѣ такого насильственнаго поступка, игумену выдубицкому оставалось только занести протестацію въ урадовыя гродскія книги. Протестація немедленно была занесена и при ней было приложено показаніе «вѣрогодныхъ свѣдковъ» (2), Послѣ такой протестаціи, троицкіе законники, кажется, было одумались и прекратили свои несправедливыя притязанія на Осокорской островъ; по крайней мѣрѣ продолженія этой тяжбы не видно по документамъ монастырскимъ. Только чрезъ три года опять возникли «контроверсіи» между этими монастырями за сосѣднія осокорскія границы. 13 мая 1672 года опять высланы были на мѣсто спора свидѣтели съ той и другой стороны «для пріятельскаго померкованія;»

---

(1) Выд. мон. кн. ак. VI. стр. 89. 90.
(2) также стр. 91. 92.

тутъ присутствовали въ качествѣ третейскихъ судей игуменъ Николаевскаго Пустыннаго монастыря Германъ Кердановскій и отъ каѳедры Панкратій Филимоновичъ. Здѣсь Ѳеодосій Углицкій, между прочимъ, «вылвчалъ опрессіи (пересчитывалъ обиды) свои отъ велебныхъ отцовъ троицкихъ и отъ отцовъ печерскихъ не поедноврότь починенныхъ розными часы». За тѣмъ, свидѣтели съ той и другой стороны «стали определять границы; но отцы троицкіе, видячи тое, иже не ведлугъ ихъ мысли граница указана, упоромъ, гдѣ хотѣли, тамъ копцѣ посыпали» (1). И теперь дѣло покончилось тѣмъ, что Ѳеодосій Углицкій, 19 іюля того же года, занесъ въ гродскія книги показанія «вѣрогодныхъ свидѣтелей подъ присягою и подъ сумненемъ (совѣстью) добрымъ о певныхъ границахъ Осокорского борку» (2). Между тѣмъ троицкіе и печерскіе законники старались насильно удержать за собою свои границы въ Осокоркахъ. Насиліе съ ихъ стороны вызвало насиліе и со стороны Выдубицкаго монастыря. 23 іюня 1672 года, игуменъ троицкій Іосифъ Кононовичъ опять протестовалъ на Ѳеодосія Углицкаго, что «онъ своевольствомъ своимъ привлащалъ троицкія озера, осокорскія сѣножати, поля, луги.» Отъ 3 декабря 1673 года въ кіевской ратушѣ протестовалъ на Ѳеодосія Углицкаго съ братьею самъ архимандритъ печерскій Иннокентій Гизель за то, что Выдубицкій монастырь, будто бы, несправедливо завладѣлъ хуторомъ Черкасчиною, что игуменъ выдубицкій, по смерти слуги печерскаго Ивана Черкаса, взъѣхавши на его грунтъ съ бртіею и людьми своими, «учинилъ признаки на дубахъ, имя свое рисуючи и копцы сыпалъ, дороги старые засыпалъ и старые границы попортилъ, и дѣлалъ свои вновь границы и до грунтовъ печерскихъ голосѣевскихъ приближился, и тамъ на тѣхъ же грунтахъ голосѣевскихъ черезъ дорогу багриновскую поля чрезъ подданныхъ своихъ позасевалъ и нивы старожитные у ѳеодосевскаго попа отнялъ. Въ показаніяхъ печерскихъ монаховъ на Ѳеодосія Углицкаго не обошлось и безъ чудесностей. Такъ, они писали въ томъ же документѣ, что, когда игуменъ Выдубицкій выѣхалъ однажды съ своею дворнею къ

(1) Выд. мон. кн. ак. 1, стр. 110. 111.
(2) Выд. мон. кн. ак. VI, стр. 93.

спорнымъ багриновскимъ грунтамъ и тутъ самовольствомъ на одномъ дубѣ учинилъ границы, а по учиненіи той границы только отъ дуба назадъ отъѣхалъ, подъ тотъ часъ ударилъ громъ, и тотъ дубъ разбилъ.» (1) Неизвѣстно, чѣмъ покончили теперь обѣ спорившія стороны свои контроверсіи; только уже съ 1674 года не встрѣчается въ выдубицкомъ архивѣ документовъ о продолженіи спора; онъ былъ возобновленъ, какъ увидимъ ниже, чрезъ 20 лѣтъ послѣ того.

Вѣроятно, и при Ѳеодосіи Углицкомъ случались иногда, какъ и прежде, своевольныя нападенія на гнилецкія владѣнія Выдубицкаго монастыря со стороны „товариства козацкаго и посполъства"; потому что и гетманъ Дорошенко, подобно своимъ предшественникамъ, предостерегалъ всѣхъ и каждаго чинить обиды Выдубицкому монастырю. „Ознаймуемъ симъ писанемъ нашимъ всей старшинѣ и чернѣ войска запорозскаго и каждому, кому о томъ вѣдати належитъ, писалъ Дорошенко въ своемъ универсалѣ, отъ 19 декабря 1670 года, ижъ стосуючися до универсаловъ антецесоровъ нашихъ гетмановъ запорозскихъ кгрунта Калиновщизну, Кальный лугъ, Гнилецчизну и островъ Глушецъ зо всѣми по нихъ найдуючимися угодьями (яко здавна до монастыря святого архистратига Михаила Выдубицкаго кіевского слушнымъ правомъ належные) превелебному господину отцу Ѳеодосію Углицкому игумену Выдубицкому и при всей его братіи цале заховуемъ. А жебы въ тыхъ кгрунтахъ превелебному отцу игумену и всей братіи монастыря Выдубицкого не было найменшое перешкоды и найменшого ни отъ кого утисненя, яко симъ универсаломъ нашимъ пильно варуемъ. Такъ, кгдыбы они отцове законники выдубицкіе игуменъ и вся братія въ тыхъ кгрунтахъ своихъ вышей реченыхъ одеймованемъ или посѣданемъ поля, кошенемъ сѣножатей, рубанемъ пущи, зловленемъ озѣръ и иншимъ яковымъ способомъ найменшую отъ кого узнали кривду вложитеся за ихъ кривду повагою нашею и кождого сподручныхъ нашихъ карати сроюго декляруемъ (2)"; послѣ этого, не было уже никакихъ оффиціальныхъ жалобъ со стороны Выдубицкаго монастыря на притѣсненія въ гнилецкихъ грунтахъ.

(1) Выд. мон. кн. ак. VII, стр. 61.
(2) Выд. мон. кн. акт. IX, стр. 200.

И въ новопріобрѣтенныхъ грунтахъ лѣсковецкихъ при Θеодосіи Углицкомъ, съ самаго начала его игуменства, не обходилось безъ притѣсненій со стороны окрестныхъ жителей и ратныхъ государственныхъ людей. Заботливый игуменъ, при такихъ обстоятельствахъ, просилъ разновременно гетмана и кіевскаго воеводу о защитѣ интересовъ монастырскихъ. Вслѣдствіе такой просьбы, гетманъ Демянъ Игнатовичъ (Многогрѣшный), отъ 25-го марта 1670 года, давалъ универсалъ, въ которомъ разныхъ чиновъ людямъ, а особенно лѣтковскому атаману съ товариствомъ строго притвержалъ, «дабы тому выдубицкому игумену и впредь по немъ быть имѣющимъ игуменамъ и братіи въ спокойномъ мѣстомъ Лѣсковичами съ припринадлежностями владѣніи нималѣйшихъ перешкодъ не чинили“; (1) а воевода кіевскій Петръ Васильевичъ Шереметьевъ, отъ 19 мая 1681 года, тоже посылалъ отъ себя кому слѣдовало листъ о томъ, „чтобы ратніе государственніе люде въ маетности того Кіево-Выдубицкого монастыря въ мѣстечку Лѣсковичахъ никаковымъ добрамъ, яко то борямъ, лѣсамъ, озерамъ, хлѣбу и сѣнокосу и прочимъ опустошеній подъ тяжкимъ наказаніемъ не дѣлали.“ (2).

Θеодосій Углицкій старался поддержать интересы своего монастыря и въ Мозырщинѣ, откуда по разнымъ обстоятельствамъ, монастырь Выдубицкій не получалъ дани въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ 1676 году, онъ высылалъ туда своихъ повѣренныхъ „велебнаго отца“ Геннадія Пержхала и нѣкоего отца Антонія; но эти посланцы не имѣли никакого успѣха: подстароста мозырскій наотрѣзъ отказалъ имъ въ дани и къ самому игумену отнесся съ колкимъ и уклончивымъ письмомъ. „Удивительно мнѣ имѣетъ быть, писалъ подстароста Григорій Волкъ Θеодосію Углицкому, что Ваша милость, мой милостивый панъ, припомня подобно баталіи козацкіе, московскіе и татарскіе, венгерскіе и иныхъ, которіе по сіе времена находилисі, не могучи не тылько отбирати надлежащую собѣ квоту (часть) и десятину,но и пересылати не могучи отъ нахожденія непріятельского, теперича упоминатися соизволяемъ за такъ много лѣтъ зъ острова Селецкого, зъ которого давнихъ временъ когда была въ покою речь-посполитая доброволне мужички на хвалу Божію соизволяли да-

(1) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 41.
(2) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 41.

вати по ведру меду до года,—чего и теперь я незащищаю, хотя десятая часть тихъ людей сумнительно чтобъ зосталась, якъ было предъ тимъ, —а за прошліи лѣта соизволь Ваша милость въ Москви и у козаковъ упоминатись, которіе все забрали и до щенту (до тла) зруйновали.“ (1) Чрезъ годъ, послѣ того, Ѳеодосій Углицкій опять посылалъ въ Мозырщину законника своего монастыря отца Іова Опалинскаго; но и этотъ посланецъ также не имѣлъ успѣха, какъ и прежніе, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ тогда же, послѣ отказа, занесъ въ судовыя мозырскія книги права Выдубицкаго монастыря на разныя мозырскія угодья. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1679 году, Ѳеодосій Углицкій опять посылалъ въ Мозырщину того же монаха съ письмомъ къ войтамъ волосовицкому и нестановицкому и тамошнимъ громадамъ, въ которомъ уже съ пригрозою требовалъ дани. „Маючи я на васъ взглядъ, писалъ онъ, предъ лѣтъ килькападцать належности отъ васъ монастыреви нашому звѣчной неупоминаемся, лечъ (но) слушного ожидалемъ часу, а дождавшись якого такого той рокъ одозвалемся до васъ и упоминалемся належитой данѣ, вы зась немаючи готовой просили о пождане до прошлой осени, я и на тое позволивши былемъ терпѣливый. Теперь теды зъ умыслу посылаю до васъ брата монастыря нашого честного іеромонаха Іова Опалинского и приказую вамъ, абысте ничимъ неотмовляючися дань сегорочную медовую, и той рочную и позатойрочные дани и десятины зъ поль отдали сему посланному нашому, и ему вшелякую честь и пошановане выражали и подводъ незабороняли, а если бысте иначей учинили будетъ тое васъ за пріиздомъ дастъ Богъ въ тые краи моимъ большей коштовати и пеменшой узнаете турбаціи“... (2). Какъ подѣйствовало это письмо Ѳеодосія Углицкаго на кого слѣдуетъ, не извѣстно.

При Ѳеодосіи Углицкомъ, благодаря его заботливости, владѣнія Выдубицкаго монастыря не только сохранились въ цѣлости, но и увеличились прибавленіемъ нѣкоторыхъ угодій и другихъ доходныхъ статей. Мы видѣли, что Выдубицкій монастырь за свои продолжительныя потери въ свиноедскихъ грунтахъ отъ владѣльцевъ рожновскихъ и лѣсковскихъ, былъ вознагражденъ, благодаря какому то разумному стеченію обсто-

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр 450.
(2) Тамъ же стр. 458.

ятельствъ, наданьемъ ему самыхъ Рожновъ и Лесковичей. Тоже случилось, хотя нѣсколько и позже, въ грунтахъ івницкихъ. Долгое время Выдубицкій монастырь здѣсь терпѣлъ потери отъ сосѣднихъ владѣльцевъ лѣсницкихъ-князей Корецкихъ; но наконецъ, какъ бы въ вознагражденіе за свои давнія потери, онъ получилъ во владѣніе и самые Лѣсники. Ихъ надалъ монастырью, безъ сомнѣнія, не безъ просьбы Феодосія Углицкаго, гетманъ Петръ Дорошенко, которому, по преемству отъ прежнихъ гетмановъ, достались всѣ владѣнія бѣжавшихъ пановъ р. католиковъ. Отъ 19 декабря 1670 года, гетманъ между прочимъ такъ писалъ въ своемъ универсалѣ,данномъ Выдубицкому монастырю: «Респектуючи на знищене святого мѣсца монастыря Выдубицкого конфирмуемъ тамошнимъ отцомъ игуменови и всей братіи село або нѣкгдысь бывшое мѣстечко Лесники зо всѣми прилежностями. Позволяючи имъ отцомъ и людей тамъ збирати, насаживати, и всякіе оттоль отбирати повинности и пожитки, зачимъ срокго приказуемъ, абы жаденъ зъ старшины и черни войсковое имъ отцомъ законникомъ выдубицкимъ такъ владѣню Лесникъ яко и въ отбираню зъ нихъ всякихъ пожитковъ найменшое не чинили перешкоды, людямъ засъ въ лесникахъ будучимъ и быти хотячимъ пригрожаемъ, абы всякое отцу игуменови выдубицкому и всей его братіи отдавали послушенство" (1). Въ подтвержденіе правъ Выдубицкаго монастыря на Лѣсники, и въ предупрежденіе здѣсь какихъ нибудь обидъ, чрезъ 18 лѣтъ послѣ того, и гетманъ Мазепа снабдилъ Выдубицкій монастырь своимъ универсаломъ. „Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ каждому, кому о томъ вѣдати належитъ всей старшинѣ и чернѣ войска ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества запорозского, писалъ гетманъ, ижъ не нарушаючи мы универсаловъ антецессоровъ нашихъ превелебному въ Богу его милости отцу Феодосію Углицкому игуменови монастыря Выдубицкаго и братіи его на село Лесники выданныхъ, заховуемъ тое село съ принадлежностями при немъ превелебному господину отцу игуменови и при братіи того монастыря позволяючи имъ надъ тамошними посполитыми людми вѣдѣти и всякое отъ нихъ послушенство и повинности на вспартье (поддержку) монастыра отбирати,за чимъ мѣти хочемъ и приказуемъ, абы имъ пререченымъ отцомъ игумену и братіи его въ владѣніи того

---

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 200.

села и въ отбиранію зъ него пожитковъ чинить перешкоды нихто неважился (1)". Кромѣ Лѣсниковъ, Θеодосій Углицкій выхлопоталъ въ пользу монастыря отъ гетмана Юрія Хмѣльницкаго, „скудости ради монастыря", двѣ мельницы на Деснѣ, вблизи Свиноедовъ и Рожновъ (2) и пріобрѣлъ, неизвѣстно какимъ образомъ, въ самомъ Кіевѣ на Подолѣ, въ спаскомъ приходѣ „плацъ зъ будынкомъ нѣкоей пани Пелагіи Войничевой (3)". Кромѣ этихъ пріобрѣтеній, Θеодосію Углицкому удалось испросить у государей московскихъ еще особенную милость для своего монастыря: по его челобитью, отъ имени великихъ государей московскихъ, Іоанна и Петра Алексѣевичей, дана была Выдубицкому монастырю, отъ 11 февраля 1685 года, жалованная грамота, которою дозволялось „игумену выдубицкому Θеодосію Углицкому и впредь по нему имѣющимъ быть игуменомъ и братіи" чрезъ каждыя пять лѣтъ присылать въ Москву трехъ или четырехъ человѣкъ для подачи челобитья о милостыни. Въ этомъ же году, въ начатокъ такихъ царскихъ жертвъ, выслана была въ Выдубицкій монастырь чрезъ іеромонаха выдубицкаго Веніамина щедрая царская милостыня (4). Таково было служеніе Θеодосія Углицкаго пользамъ Выдубицкаго монастыря.

Но, заботясь о пользахъ своего монастыря для славы Божіей, Θеодосій Углицкій не отказывался пособлять по возможности и другимъ сосѣднимъ монастырямъ. Въ архивѣ выдубицкомъ сохранилось нѣсколько писемъ отъ намѣстника Лавры іеромонаха Антонія Радзивиловскаго къ Θеодосію Углицкому, въ которыхъ первый просилъ позволенія вырубить въ дачахъ Выдубицкаго монастыря то такого, то другаго лѣса, (5) и мы не имѣемъ никакого основанія думать, чтобы Θеодосій Углицкій отказывалъ печерскому монастырю въ такихъ и подобныхъ просьбахъ. Не чему другому, какъ только особенной любви Θеодосія Углицкаго къ монастырской жизни и особенной ревности его къ славѣ Божіей мы должны приписать то, что онъ основалъ въ Мозырщинѣ, на выдубицкомъ Михайловскомъ островѣ „монастырецъ или монашескій скитъ". Вотъ обстоятельный

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 200.
(2) Выд. мон. кн. ак. X. стр. 41.
(3) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 495.
(4) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 1. кн. IX, стр. 23, 24.
(5) Тамъ же стр. 35.

документъ этого учрежденія. „Усмотривши мы въ иночествѣ искуснаго и обителѣ нашой привязного, въ речахъ зась врученыхъ тщаливого брата нашего честного іеромонаха Іова Опалинскаго, писалъ игуменъ, отъ 1 марта, 1680 года, поручилисмо ему звѣчный грунтъ монастыря нашего правомъ досконалымъ обварованный и никому незаведеный въ повѣтѣ мозырскомъ лежачій, названный островъ Михайловщина.... а поневажъ положене того острова на скитокъ и монастырецъ барзо згодное, прето злецилисмо (поручали) вышменованному честному Іову Опалинскому, абы скитокъ любъ и монастырокъ зъ помочи горливыхъ (ревностныхъ) и побожныхъ церкви святи и сыновъ фундовалъ, въ которомъ маетъ и будетъ зостанати до конца живата своего на мѣстцу нашомъ намѣстникомъ, братіи зась сколко можная держати ему волно будетъ, а жебы такъ ему самому яко и при немъ будучимъ слушное выживенне было, даемо въ моце и завѣдоване поблизь другой островъ Селецъ зъ полями и сеножатями, зъ лѣсомъ и боромъ, зъ отчинами и всѣми приналежностями такъ же вольно будетъ для помочи собѣ и посуги подданныхъ килка осадити, такъ тежъ и вшелякіе промыслы мѣти, т. е. орати, сѣяти, рыбъ ловити, млины будовати, котлы горѣлчаные для своеѣ потребѣ держати.... Прилучасмо до тихъ же острововъ и въ заживане даемо іеремонаху Іову и иншіе приналежности и пожитки монастырю нашему служачіе.... Яко то зъ Водовичъ каменей три меду, зъ села Матвы каменей также три меду, зъ села Михновичъ, а зъ остарова Котошискаго, кадь меду широкая, гдѣ есь землѣ зъ зарослями на мѣрокъ шестнадцатъ, тамъ же и островъ Солонѣзскій и озеро прозывается Печерское, по близу которого и село Ивашковичи на грунтѣ монастыря нашего осажено; тые грунта вышменованный намѣстникъ нашъ въ пилномъ дозорѣ своемъ мѣти будетъ и вшелякихъ пожитковъ безъ жаднеѣ одъ насъ перешкоды презъ лѣтъ десять поживаты маеть, а по выстю десять лѣтъ если кто осядетъ на отчинѣ и поле будетъ пахати, повиненъ будетъ давати двѣ ведерки меду, а хто горѣлку будетъ робыти, отъ казана по таляру и тысячу грибовъ поседѣлщины маетъ давати, що тежъ вышѣменованій повиненъ будетъ увшелякого права и суду ставати и порученыхъ себѣ грунтовъ боронити, а если того потреба укажетъ, и мы обецуемъ коштомъ и старанемъ нашимъ его въ процесахъ правнихъ вспомогати; долженъ тежъ есть до конца живота своего такъ онъ самъ, яко и по немъ наступа-

ючыѣ на тыхъ грунтахъ наместники честь и послушенство монастырю святаго архангеля Михаила на Выдубичахъ кіевскому и въ немъ зостаючому предстателю отдавати подъ его юрисдицкіею быти и до него во всѣмъ рефероватися (относиться) грунтовъ никому незаводити авѣцессій кому чинити а нѣ сукцессора посебѣ безъ воли и вѣдомости его становити (1)". Такъ Выдубицкій монастырь навсегда порѣшилъ съ своими старинными мозырскими вотчинами, которыя, находясь вдали отъ монастыря, всегда стоили ему не мало безпокойствъ. Такой славный памятникъ своей ревности „къ помноженью славы Божіей" оставилъ по себѣ Өеодосій Углицкій изъ времени своего долговременнаго начальствованія надъ Выдубицкимъ монастыремъ.

Өеодосій Углицкій былъ игуменомъ выдубицкимъ, какъ мы и прежде замѣтили, вѣроятно, до 1690 года, хотя его имени и не встрѣчается въ дѣловыхъ монастырскихъ бумагахъ 80-хъ годовъ XVII вѣка (2). Изъ Выдубицкаго монастыря онъ былъ переведенъ въ черниговскій Елецкій монастырь, гдѣ, въ званіи архимандрита, былъ его настоятелемъ до 1693 г.; а потомъ былъ хиротонисованъ въ Черниговскаго архіепископа, въ какомъ санѣ онъ и скончался 7 генваря 1696 г. (3).

Свящ. *П. Троцкій.*

(Окончаніе впредь).

---

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 465—468.

(2) Изъ временъ игумена Өеодосія Углицкаго въ Выдубицкомъ монастырѣ до нашего времени сохранилась эпитрахиль плотнаго малиноваго бархата съ шитыми на ней золотомъ и серебромъ изображеніями Божіей Матери, трехъ серафимовъ, архангела Гавріила и др. На ней также вышито: „1674 г. 23 февраля". И еще серебренная кружка, вѣсомъ въ 1 фунтъ и 36 золотниковъ, и двѣ столовыя серебренныя ложки самаго Өеодосія Углицкаго. На кружкѣ надписано въ одномъ мѣстѣ: „Өеодосій Углицкій", а въ другомъ: "sine iniosra"; а на ложкахъ надписано: „Өео. Угл."

(3) Здѣсь онъ и погребенъ. Мощи его остаются нетлѣнными до нашего времени.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

до и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—63 г.

(Продолженіе).

ГЛАВА 13-я.

Ламберовъ отель и общество польской молодежи—Хлопоты старой эмиграціи ввязаться въ дѣло—Временная коммиссія—Временный комитетъ—Маркизъ Велепольскій—Комитетъ соединенія—Разладъ между Мѣрославскимъ и ренегатами.

По теоріи заговоровъ, послѣ достаточной пропаганды, усиленная дѣятельность всѣхъ пригодныхъ органовъ, возбуждая къ уличнымъ демонстраціямъ и манифестаціямъ, должна поставить населеніе въ явную и открытую оппозицію правительству и торопливо доводя распаленіе страстей и настроеніе толпы къ буйствамъ до наивозможно—большей степени азарта, перейдти окончательно къ открытому мятежу; но эта наука, названная *Лелевелемъ* наукою *заговора массъ*, не доставляла полякамъ вполнѣ желаемыхъ результатовъ.

Два года почти длился такъ называемй манифестаціонный періодъ, пока коноводы рѣшились перейдти *Рубиконъ*. Они чувствовали, что для дипломатическихъ сношеній имъ было необходимо представить залоги въ легкости побѣды и въ силѣ мѣстной краиолы; городское населеніе было подготовлено; но собственно масса народа, поселяне далеко не изъявляли той же готовности; оставалось дѣйствовать на него страхомъ, терроромъ т. е. руководствоваться правиломъ польскихъ эмигрантовъ, принятымъ для производства мятежей: *„съ народомъ должно обращяться суровѣе, нежели обращаются правительственныя власти“*.

Существенная же причина замедленія была та, что на сцену дѣйствія предстояло выдти первыми, самимъ творцамъ проектовъ огамечтаем конфедеративнаго *славяно-польскаго* или *общс-славянскаго* государства, съ новымъ устройствомъ гражданскихъ обществъ, основаннымъ на „взаимныхъ симпатіяхъ, уваженіи, согласіи, довѣ-

ренности, братствѣ, и самоотверженіи". Но столбы *великаго будованья*—изгнанники и туземцы, ни поляки, ни къ нимъ прикнувшіе *ренегаты съ того берега*, никакъ не могли сговориться по этому предмету.

Отъ Парижа до Петербурга, отъ Лондона до Генуи, предтечею мятежа была возникшая самая ожесточенная борьба между партіями, которая, конечно, подземно длится и понынѣ. Когда *власть* показалась близкою добычею, то на эту добычу, съ дружнымъ озлобленіемъ, накинулись всѣ соперники-сотрудники польской справы. Эта междоусобица стоитъ на первомъ планѣ въ бывшемъ мятежѣ, она была источникомъ всѣхъ *совершившихся фактовъ*, вліявшихъ на весь его ходъ. Описаніе этой борьбы принадлежитъ къ изображенію послѣднихъ польскихъ событій; мы приведемъ только нѣсколько свѣдѣній, дабы ознакомить съ этимъ періодомъ дѣятельности *польской эмиграціи* и довести ее до предположеннаго нами времени.

Польская эмиграція, послѣ утратъ въ ея рядахъ, сдѣланныхъ амнистіею, представляла множество разныхъ кружковъ, мало вліятельныхъ и физически мало способныхъ къ веденію мятежа. Вся сила сосредоточилась въ монархическомъ *Ламберовомъ отелѣ*, и въ диктаторѣ *Мѣрославскомъ*. *Ламберовъ отель* былъ могучъ средствами землевладѣльцевъ-туземцевъ, содѣйствіемъ клерикальныхъ партій и своими ультрамонтанскими связями; *Мѣрославскій* располагалъ руками для дѣйствія, и общество *товарищества польской молодежи* пріобрѣло все прежнее значеніе общества *демократическаго товарищества*. Диктаторъ *Мѣрославскій*, кинувъ своихъ старыхъ товарищей *централыциковъ*, ко всѣмъ ударамъ, понесеннымъ *централизаціею*, прибавилъ еще свой. Вербуя новыхъ сторонниковъ, онъ изъ нея сдѣлалъ пугало; онъ изобличалъ *централизацію* въ томъ, что она источникъ всѣхъ безобразныхъ принциповъ, предъ тѣми, которыхъ не устроивало ученіе коммунизма, но которыхъ онъ хотѣлъ оттянуть отъ Ламберова отеля. *Мѣрославскій*, предъ послѣднимъ мятежемъ, дѣйствовалъ по той же тактикѣ, по которой дѣйствовали эмиссары централизаціи въ Галиціи, предъ мятежемъ 1846 года. Онъ, то пародировалъ Прудона, то изъ подтишка выставлялъ своего пріятеля *Высоцкаго*, человѣка нрава нерѣшительнаго и робкаго, тѣмъ ярымъ коммунистомъ, который не иначе какъ воровствомъ считаетъ чужую собственность; на дѣлѣ *Мѣро-*

славскій, признавая себя человѣкомъ политическимъ, постоянно держался своего изрѣченія, что *правда въ политикѣ—успѣхъ* (*).

Въ то время какъ, по постановленіямъ Ламберова отеля и *Мѣрославскаго*, разыгрывались польскія манифестаціи въ Польшѣ и Западной Россіи, остальная эмиграція, ожидая близкій мятежъ и считая верховное руководство мятежемъ ей принадлежащимъ по праву, начала готовиться въ этомъ смыслѣ. Раздавались рѣчи, писались статьи о необходимости соединенія партій и согласіи въ дѣйствіяхъ; но къ большому удивленію польской эмиграціи, никто къ ней не обращался ни за начальствующими, ни за руководителями, ни за совѣтниками; не только она не получала донесеній, но кромѣ газетныхъ, получала одни только скудныя свѣдѣнія изъ края; мѣстныя секціи демократическаго товарищества туземцевъ обратились въ самостоятельные кружки, которые, на скорую руку, умножали свои силы новыми заговорщиками и готовили ихъ въ дѣятелей; тремъ послѣднимъ централыцикамъ: Людвигу *Булевскому*, Антонію *Жабицкому* и Михаилу *Домагальскому*, нечѣмъ было наполнять свои протоколы; имъ оставалось на засѣданіяхъ только, въ дружеской бесѣдѣ, передавать о слышанныхъ ими новостахъ. Централизація. въ сороковыхъ годахъ гремѣвшая именами *Мѣрославскаго*, *Ворцеля*, *Дараша*, *Гельтмана*, *Звѣрковскаго*, *Высоцкаго*, шумливая соперница молчаливаго Ламберова отеля, въ началѣ 1862 года исчезла; все общество *товарищества демократическаго* было уже въ разбродѣ, или, по выраженію поляковъ, *„развязалось“* (розвіонзалосе).

Польская эмиграція, въ теченіи тридцати лѣтъ достигла полнаго убѣжденія, что она цвѣтъ и представительница польской націи. Не зная всей громадности подземныхъ новыхъ работъ ею рожденныхъ дѣятелей, эти *отцы* не догадывались, что ихъ *дѣти*, идя по ихъ стопамъ, въ своихъ замыслахъ и ихъ, старыхъ эмигрантовъ, причислили къ своимъ противникамъ, какъ поколѣніе отжившее, ни къ чему уже не способное, и только своимъ вмѣшательствомъ задерживающее дѣло. Старые эмигранты убаюкивали себя пріятными надеждами что время настаетъ имъ принять кормило власти; изъ разныхъ партій вызвались представители для начертанія согласныхъ дѣйствій и обсужденія предстоящихъ и, въ концѣ 1861 года, образовалась *временная коммиссія*, изъ 7 чле-

---

(*) Mensonge!—Mais savez vous se que c'est que la vérité en politique?— C'est tout bonnement la victoire. Débat pg. 38.

ковъ, подъ предсѣдательствомъ Леона *Чеховскаго*, съ секретаремъ Леономъ *Мазуркевичемъ*. (*) Подобная иниціятива отъ личностей, игравшихъ второстепенныя роли, подстрекнула другихъ, считавшихъ себя столбами эмиграціи и, 12 Января 1862 года, явилось новое учрежденіе для соглашенія дѣйствій старой эмиграціи, подъ именемъ *временнаго комитета*, тоже въ составѣ семи человѣкъ, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго самодура Графа Яна *Ледуховскаго*; членами были: такъ называемый патріархъ демократической партіи Янъ Непомуценъ *Яновскій*, служащій при кабинетѣ принца Наполеона Эдмундъ *Хоецкій*, Адольфъ *Кристовскій*, Янъ *Чинскій*, Эдмундъ *Карабьевичъ;* секретаремъ былъ Леонъ *Зенковичъ*. *Яновскій*, *Крестовскій* и *Зенковичъ* были прежде *централыщиками*.

Члены *временнаго комитета*, собравшіеся для согласованія мнѣній и проектовъ, съ трудомъ могли сговориться, а еще большаго труда стоило имъ сговориться съ временною коммиссіею; даже панегиристъ эмигрантовъ, авторъ брошюры *Эмиграція Польска*, и тотъ подтверждаетъ слова подсудимыхъ: „*Временный комитетъ*, пишетъ онъ, достигъ *дѣла соединенія*, не безъ упорной и продолжительной борьбы (nè безъ упорчивей и длугей вальки) съ *временною коммиссіею*„.

Старые эмигранты, пребывающіе на западѣ, соединились, въ числѣ около 1400 человѣкъ, признали *временный комитетъ;* но не могли соединиться съ истинными, настоящими дѣятелями, которые, своими подземными путями, вели дѣло мятежа. Добыча казалась близкою и подзадоривала къ усиленной работѣ, но тѣ, у кого въ рукахъ была заговорная власть и сила, тѣ вовсе не желали къ дѣлежу допустить еще другихъ, однажды уже подсѣченныхъ *столбовъ великаго будованія*.

Принципы фамильной программы, правила систематически выработанныя вѣковою тактикою *Чарторыйскихъ*, руководили Ламберовымъ отелемъ; хотя многолѣтній строитель воздушныхъ замковъ, do maximum, усовершенствовавшій искусство интриги, князь *Адамъ* сошелъ въ могилу, но вмѣстѣ съ фамильными традиціями, завѣщанныя имъ наставленія могли еще быть съ полнымъ успѣхомъ прямо, слѣпо примѣняемы, пока новые удары не сбили съ колеи

(*) Остальные члены были: Руфинъ *Піотровскій*, Юліянъ *Михайловскій*, Александръ *Вампурскій*, Игнатій *Богдановичъ* и Валентинъ *Левандовскій*.

преемника псевдо-королевской власти, его сына *Владислава* и приставленнаго къ нему менторомъ графа Владислава *Замойскаго.*

Ламберовъ отель, держа бразды крамольныхъ работъ бѣлыхъ и направляя ихъ къ мятежу, вмѣстѣ съ тѣмъ отрекался отъ всякаго участія. Князь *Владиславъ* отзывался на всякія приглашенія, что онъ не хочетъ повторить опромѣтчивыйшагъ, (le pas de clere), своего отца въ 1846 году, и, по своимъ традиціямъ и по значенію своей партіи, желая сохранить полную независимость дѣйствій, до крайности довелъ озлобленіе противниковъ открытымъ провозглашеніемъ, что онъ не признаетъ существованія ни положительнаго приготовленія къ возстанію, ни положительнаго, революціоннаго ржондоваго (правительственнаго) комитета. Подобно тому и диктаторъ *Мѣрославскій* отрицалъ возможность существованія какой либо заговорной силы, внѣ своего *товарищества польской молодежи.*

Наконецъ, во время предшествующее мятежу, явился третій— уже мѣстный источникъ польской дѣятельсости—маркизъ *Велепольскій*, прежній сторонникъ *Чарторыйскихъ*, но который, казалось, подымалъ проекты, забракованные Ламберовымъ отелемъ. Ламберовъ отель озлобился въ свою очередь, полагая что маркизъ *Велепольскій* силится образовать между туземцами русскую партію и пошелъ по давнимъ стопамъ *Чарторыйскихъ*, но вовсе не на пользу Ламберова отеля. Соперникъ становился со дня на день страшнѣе, и степень, до которой достигла наконецъ тревога въ Ламберовомъ отелѣ выясняется тѣмъ, что въ критическое для мятежа время недоумѣній о послѣдствіяхъ иноземнаго вмѣшательства, Ламберовъ отель сдѣлалъ отважный шагъ: на свѣтъ вылетѣли первыя строки изъ завѣтныхъ рукописей князя *Адама Чарторыйскаго.* Ламберовъ отель поручилъ самому искусному своему перу, статьею, напечатанною въ Маѣ 1863 года: „*Опытъ русскаго либерализма*“ (*), предостеречь туземцевъ отъ всякихъ полюбовныхъ соглашеній съ Россіею.

(*) Essai d'un libéralisme russe въ Revue de deux mondes, mai 1863 première livraison. Шарль де Мазадъ, черпая изъ рукописныхъ твореній князя *Адама*, доказываетъ изъ событій первой четверти нынѣшняго столѣтія, что въ Россіи постоянно существуетъ *старая русская партія*, съ которою, для возстановленія Польши, ничего подѣлать нельзя. Ламберову отелю, для силы аргументовъ, было необходимо выставить Императора Александра Павловича совершенно преданнымъ какъ полякамъ, такъ и ихъ интересамъ.

Три лица собственно стали представителями польской справы, въ новомъ для нея наступающемъ фазисѣ *Чарторыйскій*, *Мѣрославскій* и *Велепольскій*, „три злые генія Польши,“ восклицаетъ Владиславъ *Мицкевичъ*, (*) и за тѣмъ продолжаетъ: „*Чарторыйскій* ненавидитъ *Мѣрославскаго*, а *Мѣрославскій* ненавидитъ *Чарторыйскаго;* оба они питаютъ непримиримую злобу къ *Велепольскому*, который обоимъ имъ платитъ тою же ненавистью.“

Но пока эти три дѣятеля, названные *Мицкевичемъ* злыми польскими геніями, раставляли по крайнему своему разумѣнью, паруса на томъ кораблѣ, который несъ судьбы Польши съ ея вѣковыми соперничествомъ, ненавистью и озлобленіемъ къ Россіи, что дѣлали другіе геніи, пребывающіе за границею? Видя, что дѣятели ихъ оттираютъ отъ дѣла, они наступали тѣмъ съ большимъ рвеніемъ, совѣщались, обнародывали ими принимаемыя основанія, всякими тонкими ухищреніями заманивали молодежь, бѣгали за иноземнымъ милосердіемъ, выпрашивая складчины, сочиняли эксцентрическія статьи и закупая наводняли ими иностранную журналистику. Они раздували, для назиданія тузенцевъ, свои заслуги, провозглашали объ огромныхъ, ими собранныхъ капиталахъ на возстаніе такъ, что и самый Варшавскій ржондъ поставили въ недоумѣнье, провосглашали о животрепещущей симпатіи, вливаемой статьями и X. и Y. и Z. въ европейскую публику и таинственно сообщали о громадномъ пріобрѣтаемомъ ими дипломатическомъ вліяніи. Парижская секція, такъ называемой *Батиньольской школы*, особенно надрывалась, чтобы высказать все свое значеніе и свое патріотическое усердіе. Покровительство, которое принцъ Наполеонъ оказывалъ польской школѣ, служило конькомъ, на которомъ выѣзжала *Батиньольская школа*. Къ этому кружку принадлежали докторъ *Галензовскій*, директоръ школы, возвратившійся съ огромнымъ состояніемъ изъ Америки, а по темнымъ слухамъ, ходившимъ въ эмиграціи, присвоившій себѣ часть казны, вывезенной въ 1831 году изъ Варшавы,—*Ордега*, прежній централыцикъ, вхожій въ Пале-рояль, и котораго жена, на бывшемъ тамъ балѣ, по польскимъ извѣстіямъ, удостоилась пройдти

(*) *В. Мицкевичъ*, хотѣлъ познакомить публику послѣдовательно съ дѣяніями всѣхъ этихъ трехъ личностей сочиненіемъ: «Czartoryski, Mieroslawski et Wielopolski.» Доселѣ вышла только первая часть, еще въ 1863 году, о *Чарторыйскихъ*. *Мѣрославскій*, откупился отъ продолженія, говорятъ за 30,000 франковъ.

кругъ польскаго съ Императоромъ Наполеономъ, *Хоецкій*, служащій при Принцѣ Наполеонѣ, *Эльзановскій*, редакторъ польской газеты „*Пршеглiондъ ржечи польскъй.*“ Было время, но быстролетное, въ которое, казалось, партіи соединились, эмигранты и туземцы, за исключеніемъ развѣ по имени самаго Ламберова отеля; тогда составился новый *комитетъ соединенія* изъ 9 членовъ: въ него поступили секретарь временной коммиссіи *Мазуркевичъ*, изъ временнаго комитета графъ *Ледуховскій*, *Яновскій*, *Кристовскій*, *Карабьевичъ*, изъ батиньольскій секціи, вѣрный товарищъ *Герцена*, журналисть *Эльзановскій*, отъ польской молодежи воспитанникъ генуезской школы Стефанъ *Бобровскій* и еще были приглашены Іосифъ *Высоцкій*, начальствовавшій въ 1849 г. легіономъ въ Венгріи, и Антоній *Жабицкій*, одинъ изъ трехъ послѣднихъ централыщиковъ. Комитетъ 12 Августа 1862 года издалъ выводъ своихъ соображеній: „Возстаніе собственными силами, это пробный камень и точка исхода нашей новой жизни. Современное настроеніе Польши и событія заявляютъ себя развитіемъ внутреннихъ силъ для добытія политической независимости, сознаніемъ этой обязанности всѣми частями нашей раздробленной ойчизны, обывательскимъ управленіемъ всѣхъ сословій и исповѣданій, вмѣстѣ съ надѣломъ крестьянъ землею.

„Демократичныя начала, во всей ихъ полнотѣ, были уже объявлены угнетенному народу. Подъ столь видимымъ штандартомъ мы обязаны всѣ соединиться и дѣйствовать; онъ указываетъ безошибочный путь къ возстановленію нашей независимости.

„Возстаніе собственными силами, такова главнѣйшая и святѣйшая обязанность народа. Собраніе и въ данный моментъ соотвѣтствующее употребленіе этихъ силъ могутъ быть достигнуты только внутреннею работою; потому краю, которому были разъяснены основанія къ его спасенію и все могущее ихъ осуществить, принадлежитъ начать и направлять приготовленія къ возстанію.

„Мы представимъ это на видъ народамъ Европы, представимъ всю святость нашей народной справы, ея требованія и значеніе, дабы пріобрѣсть ихъ сочувствіе и дѣятельную помощъ. Имѣя въ виду эту цѣль, должно дѣйствовать на общественное мнѣніе, освѣщая его журналистикою, и на сколько возможно стараться завязать сношенія съ правительствами свободныхъ народовъ; но прежде всего намъ не нужно забывать угнетенный людъ (русскихъ); мы обязаны ему давать постоянныя доказательства непоколебимой нашей вѣры въ народную солидарность.“

Эльзановскій, для послѣдней фразы, воспользовался первою возможностью, чтобы въ первомъ декретѣ новаго подземнаго офиціальнаго польскаго міра, заявить *Герцену* свою благодарность за помѣщеніе въ декретѣ „Колокола", отъ 15 февраля 1862 года, столь утѣшительныхъ и польской справѣ столь много обѣщавшихъ словъ: „*старый императорскій міръ валится, съ нимъ вмѣстѣ валится и вся казенная Россія, дворянство, чиновничество, казенная армія, кабакъ, острогъ и казенная церковь.*" За этимъ приговоромъ, ренегаты съ того берега далѣе постановили: „*прежде всего подать руку оскорбленнымъ братьямъ полякамъ.*" Комитетъ заканчиваетъ свой декретъ отъ 12 августа словами:

„Комитетъ не удовлетворитъ своему назначенію, если онъ не будетъ имѣть довѣрія своихъ товарищей по изгнанію и довѣрія всѣхъ тѣхъ мужей, которые въ угнетенномъ отечествѣ, среди тысячей препонъ и опасностей, работаютъ къ приближенію времени избавленія ойчизны. Соотчичи и вы, товарищи по изгнанію, отъ вашего нравственнаго содѣйствія и отъ матеріальной помощи, которую вы намъ дадите, зависитъ успѣхъ всѣхъ нашихъ усилій."

Въ этой кукольной комедіи, разыгриваемой польскими эмигрантами и ренегатами съ того берега, декретъ повторялъ тоже, что въ теченіи тридцати лѣтъ объявляла эмиграція; соотчичи могли узнать новаго только то, что они должны позаботиться въ польскомъ смыслѣ и о русскихъ, и что за границею образовался комитетъ, который всѣхъ ихъ принимаетъ подъ свою ближайшую опеку.

Но поляки не несли своихъ средствъ къ подножью *комитета*, а его члены не догадывались, что у нихъ, представителей партій, за собою партій уже не было; партіи были уже всѣ разобраны людьми въ интригѣ болѣе ловкими; члены не догадывались, что и самъ ихъ комитетъ былъ созданъ только для того, чтобы истиннымъ двигателямъ помѣрять свои силы; то былъ приступъ къ обходу одинъ другаго.

Комитетъ, пока его занимали китайскими фонарями, недоумѣвалъ, отчего власть и значеніе, какъ тѣнь, ускользали у него изъ рукъ и не только донесеній, но онъ не могъ добиться даже и какихъ нибудь положительныхъ свѣдѣній; всѣ члены полскихъ секцій, въ русской администраціи, обратились въ корреспондентовъ *Колокола*. Не по днямъ, а по часамъ, среди польской эмиграціи, росло значеніе *Герцена*, даже *Цверцякевичъ*, по кончинѣ централизаціи,

главный работникъ эмиграціи въ Лондонѣ, и тотъ обращался за свѣдѣніями въ редакцію *Колокола*.

Ламберовъ отель одержалъ рѣшительную побѣду въ Италіи и у себя въ Парижѣ, поведя далекими путями свои подступы. Съ возвращенія *Огрызки* изъ Познани, весною 1862 года, началась та колосальная интрига, которая выказала все превосходство *петербургской* секціи передъ *батиньольскою*; она оттерла *Мѣрославскаго* и выказала все искусство на этомъ поприщѣ *Чарторыйскихъ*. Ближайшія подробности этого *дѣла мастера* принадлежатъ самому мятежу, здѣсь скажемъ только то, что Ламберовъ отель ловко создалъ такой сумбуръ, такіе сапоги въ смятку, что, за изъятіемъ одного *Мѣрославскаго*, всѣ дружно принялись на него работать, не исключая и *ренагатовъ съ того берега*. Повидимому, согласно заявленію *Колокола*, они были одни, которые при своихъ связахъ, были посвящены въ эту громадную подземную мистификацію.

Герценъ, начавъ сношенія съ европейскими геростратскими знаменитостями, какъ то: съ *Мадзини*, *Кошутомъ*, *Мѣрославскимъ*, *Ледрю-Роленомъ*, *Прудономъ*, *Луи Бланомъ*, хотѣлъ примазаться къ варшавскимъ удальцамъ. *Потебня*, стоя во главѣ тамошнихъ *герценистовъ*, набираемыхъ подъ знамя *„Земля и Воля“*, примкнулъ къ *Хмѣленскому*. *Хмѣленскій*, промотавшійся панъ, ярый ультракрасный, трибунъ трактирный, искалъ своего значенія и опирался на имя *Мѣрославскаго*, догадываясь, по событіямъ предшествовавшимъ, что у диктатора не хватитъ отваги пріѣхать въ Варшаву, ссаживать его съ предводительства разгульной, имъ набираемой ватаги. Плоды работъ *Хмѣленскаго* были покушенія на жизнь сперва генерала Лидерса, потомъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича и наконецъ графа Берга.

Пока *Потебня* усердствовалъ передъ *Хмѣленскимъ*, ренегаты съ того берега, ревнуя участвовать въ конспиративныхъ польскихъ работахъ, обратились къ *Мѣрославскому*. *Герценъ* поручилъ дѣло *Бакунину* и, вѣроятно, предлагалъ заключить договоръ, какъ равный съ равнымъ. Но *Мѣрославскій* едва ли не лучше самого *Герцена* зналъ суть герценизма въ Россіи; великій столбъ петербургской секціи *Сѣраковскій*, перебѣжавшій въ лагерь противниковъ, незадолго еще предъ тѣмъ былъ изъ самыхъ пламенныхъ поклонниковъ диктатора, потому его оморочить силою герценизма было трудно. *Мѣрославскій* былъ слишкомъ опытенъ въ дѣлѣ мятежей и безъ

всякихъ увлеченій называлъ вещи по имени: работниковъ для мятежей, подзадоренныхъ философовъ-мыслителей, настроенныхъ для благоденствія человѣчества идти на баррикадные подвиги, онъ просто называлъ „*глиняными героями, которыхъ должно, не теряя времени, обжечь пороховымъ огнемъ*, а герценистовъ онъ называлъ не болѣе какъ *молодыми людьми, совращенными польскими интриганами*.“ Произвести единовременно мятежъ въ Россіи и Польшѣ было предметомъ постоянныхъ мечтаній поляковъ, но диктаторъ вовсе не располагалъ себѣ набирать сотоварищей, а ему нужны были исполнители. *Герцену* съ компаніей было давно очень желательно покорчить изъ себя тоже людей, озабоченныхъ высшими революціонными заботами и работами, не терпящими отлагательства; теперь эта возможность для нихъ наступала, а какъ *Мѣрославскій* зналъ, что чадъ, напущенный *Герценомъ*, поляки въ Россіи съумѣютъ раздувать далѣе и безъ него, то онъ не много и церемонился съ *Бакунинымъ*. Тутъ дѣло шло на чистоту, а не о симпатіяхъ. *Бакунинъ* не почелъ себя вправѣ подчиниться условіямъ, требуемымъ *Мѣрославскимъ*, и они разошлись. *Герценовская* компанія за то отомстила и напакостила *диктатору* въ самое щекотливое для него время. Она напечатала въ Courier de l'Europe, когда была ведена горячая интрига противъ *Мѣрославскаго*, что онъ въ разговорѣ съ *Бакунинымъ*, выразился что „только съ нимъ можно заключить договоръ отъ имени революціонной Россіи, а ни съ кѣмъ изъ поляковъ эмиграціи и даже туземцевъ; потому что внѣ его и его нѣсколькихъ друзей, ничего серіознаго нѣтъ, даже и въ Польшѣ.“ Для большей убѣдительности, было приложено и письмо *Мѣрославскаго* къ нимъ—ренегатамъ, въ которомъ сказано: въ краѣ учрежденъ высшій совѣтъ, за его границами извѣстный только мнѣ одному, котораго я единственный представитель и отвѣтственный уполномоченный.“

Послѣ подобныхъ сношеній между проектерами федеративныхъ славянскихъ земель, трудно было разсчитывать на дальнѣйшую взаимную симпатію, довѣренность и братскую любовь. *Герценовская* компанія примкнула къ комитету соединенія и преимущественно къ членамъ батиньольской секціи, уже дѣйствовавшихъ самостоятельно.

III.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

къ уроженцамъ и жителямъ юго-западной и сѣверо-западной Россіи, называющихъ себя поляками.

Любезные братья!

Самое горькое лѣкарство, если только оно спасительно, больной непремѣнно долженъ принять, если хочетъ быть здоровымъ. Въ противномъ случаѣ, отвращеніе больнаго отъ такого лѣкарства будетъ похоже на самоубійство, непрощаемое ни въ сей, ни въ будущей жизни. А потому, любезные братья, какъ бы ни горьки были для васъ эти *нѣсколько словъ*, предлагаемыхъ вамъ отъ доброжелательнаго сердца для вашей сугубой пользы,— вы примите ихъ, какъ цѣлебный пластырь къ вашимъ сердцамъ, больнымъ ненавистью къ Россіи.— Не притворяйтесь здоровыми: мы знаемъ, что вы не любите насъ, русскихъ, какъ-бы вы ни притихли въ вашей злобѣ, и какія горячія лобзанія ни расточали бы намъ. Только *физическая невозможность продолжать революцію* прекратила вашу усобицу; но ваши сердца затаили въ себѣ старинную ненависть къ намъ. Мы даже не сердимся на васъ за это, потому что мы вашу ненависть къ намъ считаемъ *болѣзнью*,— а на больныхъ можно ли сердиться за то, что они больны?— Мы искренно сожалѣемъ объ васъ и, по чувству человѣколюбія, предлагаемъ вамъ лѣкарство отъ этой нравственно-политической проказы, разъѣвшей все ваше существо. Грѣхъ самоубійства падетъ на вашу душу, если вы не примете этого лѣкарства и не постараетесь очиститься отъ вашего прокаженія.

Допустивши даже ту непростительную историческую ошибку, будто настоящіе, *родовитые* поляки имѣютъ какую-нибудь причину ненавидѣть Россію, мы предъ лицемъ неба

и земли возвѣщаемъ вамъ, уроженцамъ Западной Россіи, что *вы вовсе не поляки, и слѣдовательно вы не имѣете никакой причины ненавидѣть насъ.* ВЫ НЕ ПОЛЯКИ!— Читайте исторію Польши, разсмотрите генеалогическіе списки вашихъ родовъ, разсмотрите метрики вашихъ предковъ, соберите ваши собственныя воспоминанія, и вы самымъ очевиднымъ образомъ убѣдитесь, что вы, по своему происхожденію, и по своему родоначалію, и по мѣсту рожденія, принадлежите къ чистому русскому племени. Вы— коренные русскіе и должны искренно обижаться, если бы кто-нибудь, по своему невѣжеству, называлъ васъ поляками.— Страна, гдѣ вы родились и живете, во всѣхъ польскихъ (замѣтьте: не только въ русскихъ, но *и во всѣхъ польскихъ*) хроникахъ всегда называлась «*Русью,*» «*Бѣлою Русью,*» «*Червоною Русью,*» и «*Литвою.*» Спору нѣтъ, что эта искони-русская страна, по причинѣ нѣкоторыхъ историческихъ превратностей, находилась нѣсколько времени подъ игомъ изчезнувшей польской Рѣчи Посполитой; но и подъ этимъ игомъ сама Польша постоянно называла ее «*Русью,*» или «*русскими провинціями.*» И *весь народъ* этой русской страны никогда не переставалъ быть русскимъ и — посмотрите сами, до сего времени остается русскимъ!— Поляки несправедливо называютъ теперь эту страну «*забранымъ краемъ*»: это край, возвратившійся къ Россіи, *возвращенный*, а *не забранный!*— Теперь остается только неразрѣшенный вопросъ: по какой причинѣ вы, коренные жители, аборигены этого русскаго края, называете себя поляками? Кто заклеймилъ васъ этимъ именемъ? Кто и когда наложилъ на васъ постыдное польское *тавро?*..

Можетъ быть, вы скажете, что вы— переселенцы изъ бывшей Рѣчи Посполитой, поселившіеся въ этихъ „русскихъ провинціяхъ,“ что вы не аборигены здѣсь, но колонисты, зашедшіе сюда изъ *крулевства* польскаго, а потому, принадлежа по своему происхожденію къ польскому племени, вы не видите никакой разумной причины отрекаться отъ польскаго происхожденія и отъ имени поляковъ?— Исторія допускаетъ такихъ польскихъ переселенцевъ и колонистовъ въ нашихъ «*русскихъ провинціяхъ,*» равно какъ переселенцевъ— нѣмцевъ, французовъ и даже татаръ; но всѣ эти переселенцы не составляютъ, и въ общей сложности, въ

этихъ провинціяхъ даже такого контингента, какой составляютъ евреи, живущіе тамъ,— не говоря уже о сплошномъ русскомъ народонаселеніи, съ которымъ польскіе переселенцы, по своей малочисленности, не могутъ идти ни въ какое сравненіе, и — слѣдовательно — по своему ничтожному числу, должны сидѣть смирно, и не мечтать *о сочиненіи польскаго государства въ русскомъ краѣ.* Повторяемъ: родовитыхъ поляковъ, поселившихся въ русскомъ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краю, очень мало,— и мы не ихъ спрашиваемъ, но васъ, почтеннѣйшее большинство господъ, *называющихъ себя поляками* въ этомъ краѣ русскомъ: по какому праву или заблужденію, и изъ какихъ видовъ, *вы —старинные и коренные русскіе жители этого русскаго края называете и считаете себя поляками?!?*— Всѣ ваши княжескія фамиліи (1) происходятъ, по прямой линіи, или отъ равноапостольнаго русскаго князя Владиміра и другихъ древнихъ русскихъ князей, или отъ православныхъ русско-литовскихъ князей Ольгерда и Витовта. Всѣ древнѣйшія ваши дворянскія фамиліи (2) такъ же искони были русскія. Какимъ же образомъ могло случиться такое диво, что русскіе превратились въ поляковъ? Развѣ яблонь можетъ превратиться въ грушу, или дубъ можетъ превратиться въ березу?? Наконецъ— пора же когда нибудь избавиться вамъ отъ этой, привитой къ вамъ, противоестественной уродливости вашего племеннаго быта. Человѣкъ русской крови, русскій отъ пятъ до макушки, вдругъ ни съ того ни съ сего, называетъ себя полякомъ, и... даже страшно подумать... не любитъ,— мало того,— даже ненавидитъ свою отчизну, свою мать— Русь святую!... Воля ваша, а тутъ произошло что-то

---

(1) Князья Радзивиллы, Вишневецкіе, Полубенскіе, Четвертынскіе, Яблоновскіе, Любецкіе, Воронецкіе, Чарторыйскіе, Сапѣги, Огинскіе, Збаражскіе, Массальскіе, *и всѣ другіе.*

(2) Барановичи, Кржевицкіе, Оскѣрки, Горваты, Тышкевичи, Островскіе, Мочульскіе, Мѣдзвѣцкіе, Малиновскіе, Богуславскіе, Бѣлькевичи, Вишневскіе, Волловичи, Поцѣи, Вѣржбицкіе, Гловацкіе, Волчанскіе, Щумлянскіе, Смогоржевскіе, Тулькевичи, Држевинскіе, Желиборскіе, Залѣскіе, Заремба, Калиновскіе, Терлецкіе, Казачинскіе, Круковскіе, Чарнецкіе, Чайковскіе, Комарскіе, Корсаки, Красинскіе, Рагозы, Саковичи, Солтаны, Ходкевичи, Массальскіе, Топальскіе, и *безчисленные другіе.* См. Вѣстникъ Запад. Россіи 1864. кн. 3, и 4. Отд. II. Алфавитн. спис.

необъяснимое, противоестественное, зловредное. Вы, напримѣръ, отецъ семейства или мать семейства, имѣете дѣтей; вдругъ—вы замѣчаете, что ваши дѣти не уважаютъ васъ, потомъ вы еще болѣе удостовѣряетесь, что ваши дѣти не только не любятъ и не уважаютъ, но даже ненавидятъ васъ, и притомъ самою злою ненавистью— даже до посягательства на вашу жизнь.... Пожалѣемъ о горькомъ состояніи родителей, которые имѣютъ такихъ дѣтей, но... какое жъ чувство ужаса и отвращенія всякій честный человѣкъ, со стороны, долженъ имѣть къ такимъ извергамъ— дѣтямъ, дышущимъ смертельною злобой противъ своихъ родителей?!! Найдется ли на языкѣ человѣческомъ довольно проклятій, чтобы заклеймить имя такихъ дѣтей —матереубійцъ?!! Не продолжаемъ сравненія, очень грустнаго, но очень похожаго на нѣкоторыя современныя событія. Въ вашей самовольной отверженности отъ вашего древняго русскаго отечества и отъ вашей природной русской національности, а равно и въ вашей *«заклятой»* (тоже что *проклятой,* —вы сами выдумали это слово!..) ненависти къ нимъ, кромѣ преступленія матереубійства, обнаруживается и нѣчто самоубійственное,— и это очень естественно, потому что, послѣ посягательства на жизнь матери, нельзя уже ожидать ничего другаго. Будучи русскимъ, добровольно отрекаться отъ имени русскаго и отъ русской національности—это одно и тоже, что отрекаться самого себя, отъ своего *я,* терять разумное самосознаніе, т. е. быть въ состояніи какого-то опьянѣнія, или нравственно убивать самого себя... Нѣтъ, любезные жители западной Россіи, *вы— не поляки, вы— русскіе!* Мы искренно любимъ и уважаемъ въ васъ ваше русское происхожденіе и позволяемъ себѣ надѣяться на силу вашей природы русской, что вы, наконецъ, прозрите сквозь этотъ напущенный на васъ туманъ невѣжества и злобы и убѣдитесь всѣми очевидными доказательствами, генеалогическими, историческими и логическими, что вы не поляки, но коренные русскіе въ этомъ издревле-русскомъ краѣ сѣверо-западной и юго-западной Россіи.

Если бы —не дай Богъ— вы не убѣдились въ этой спасительной для васъ истинѣ и, вмѣсто нынѣшней вашей ненависти къ намъ, если бы вы съ искреннимъ раскаяніемъ и любовью не бросились въ отверстыя для васъ объятія вашей

матери — Россіи, то съ великою болѣзнью родственнаго вамъ сердца мы должны будемъ сказать, что вы... погибшіе люди. Больно намъ говорить это; но для васъ еще болѣзненнѣе и пагубнѣе будетъ ваше злорадство, съ которымъ вы отречетесь отъ вашего русскаго отечества и отъ вашей природной русской національности... Подумайте объ этомъ, любезные братья: дѣло идетъ объ исторической справедливости и вмѣстѣ о счастіи вашемъ и вашихъ дѣтей. Попирать исторію въ грязь, не вѣрить ей и плевать на нее, а потомъ возненавидѣть свое русское отечество и свой русскій родъ... это — самое жалкое, самое постыдное безуміе, самая отвратительная нравственная болѣзнь, отъ которой да исцѣлитъ васъ Богъ и истина.

Можетъ быть, вы потому *называете себя поляками*, что ваши предки, сами совратившись и за собою увлекши свое потомство изъ православной христіанской вѣры въ папскую вѣру, послѣ такого преступленія уже совѣстились и не смѣли называться русскими, но *изъ укрывательства отъ укоризнъ своей совѣсти за отступничество отъ православія начали называться поляками*, и вамъ передали это имя? — Дѣйствительно, слова: *русскій и р.-католикъ*, или *русскій папистъ*, суть слова несоединяемыя между собою, равно какъ и *„желѣзное дерево,“ „огненный ледъ,“* или *„добрѣйшій злодѣй.“ Русскій и православный:* это синонимы. Тому не пригоже украшаться именемъ русскаго, кто *измѣнилъ православію;* а потому, понимая стыдъ своей измѣны, ваши предки совратившись въ папизмъ, перестали называться и русскими. Но — *зачѣмъ же они назвались поляками*, и вамъ передали это прозвище? Неужели *полякъ и папистъ* такіе же синонимы, какъ русскій и православный? Ничуть не бывало! Въ Россіи есть католики — нѣмцы, католики — французы, которые, исповѣдуя папскую вѣру, не видятъ никакой необходимости, по этой причинѣ, переименовываться въ поляковъ. Тутъ что-то да не такъ. — Папскіе миссіонеры, отторгнувши вашихъ дѣдовъ отъ православія въ папскую вѣру, вмѣстѣ съ тѣмъ постарались отторгнуть и отъ природной русской національности, т. е. совершили надъ ними двойное убійство. Польша, вѣрившая въ папу и преданная ему всей душею, была слабымъ и малолюднымъ государствомъ, которому угрожало ничтожество. Надобно было

выдумать средство усилить ее людьми: вотъ и начали польскіе ксендзы совращать русскихъ людей въ папскую вѣру, и вмѣстѣ съ такимъ совращеніемъ клали на нихъ польское клеймо. Такимъ образомъ, начиная отъ перваго совращеннаго ксендзами отступника, в.князя литов. Ягеллы, и начались въ Польшѣ безчисленныя другія совращенія, такъ что вся церковная исторія Польши можетъ сокращенно быть изображена въ трехъ словахъ: *„исторія совращеній въ папизмъ.“* Кто не знаетъ теперь этого? Кто не читалъ этихъ кровавыхъ страницъ объ отнятіи у православнаго народа всѣхъ гражданскихъ, и даже человѣческихъ правъ, объ этихъ пыткахъ, убійствахъ, грабежахъ, насиліяхъ, объ этомъ глумленіи польскихъ папистовъ надъ православною вѣрою,— обо всемъ томъ, чему было бы приличнѣе всего называться *разбоемъ и душегубствомъ,* но для чего польскіе ксендзы богохульно и святотатственно придумали имя *„святой уніи“?*... Вотъ какими путями дошло до васъ, любезные братья, и вотъ какими средствами навязано вамъ имя *поляковъ!*— Не можетъ быть, чтобъ папская вѣра такъ же запрещала вамъ читать исторію Польши, какъ, для укрывательства своихъ вымысловъ, запрещаетъ вамъ читать святое Евангеліе. А потому мы совѣтуемъ вамъ и просимъ васъ: читайте польскія хроники и польскую исторію. Какъ бы ни пристрастно было перо польскаго историка, какою бы злобою ни дышалъ онъ противъ Россіи; но всякій изъ нихъ (говоримъ рѣшительно: *всякій,* не указывая на добросовѣстнѣйшихъ), при всей своей изворотливости и при всемъ іезуитскомъ криводушіи, невольно проговаривается, что православная вѣра была страшно гонима въ *»русскихъ провинціяхъ,»* бывшихъ подъ игомъ Польши, и что— слѣдовательно— ваши предки были насильно олатинены и ополячены.

Изучивши исторію Польши, вы сами убѣдитесь, что весь этотъ, *возвращенный* къ Россіи, а не *«забраный,»* край есть коренная *Русь,* со сплошнымъ русскимъ народонаселеніемъ, къ которому и вы принадлежите, а потому *вы вовсе не поляки, но родовитые, коренные русскіе.*

Все такъ, можетъ быть, вы скажете, но мы все-таки римскіе католики и не можемъ перестать быть ими.— Кто же васъ заставляетъ отрекаться отъ р.-католичества? Не клевещите, будто русское правительство принуждаетъ васъ

къ этому. Такой религіозной терпимости, какъ въ Россіи, нѣтъ нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ, даже во Франціи. Насъ, русскихъ, скорѣе можно обвинить въ излишнемъ религіозномъ индифферентизмѣ, нежели въ нетерпимости. Никто не насилуетъ вашу совѣсть; оставайтесь себѣ хоть и р.-католиками; но, для собственнаго вашего спасенія, старайтесь быть, сколько возможно, *истинными христіанами*, т. е. вѣруйте больше въ Господа нашего Іисуса Христа, нежели въ римскаго папу, о которомъ ничего не сказано даже въ вашемъ символѣ вѣры (Skład Wiary), и считать котораго непогрѣшимымъ, значитъ богохульствовать. Римскаго папу считайте архіепископомъ римскимъ, а не намѣстникомъ Христовымъ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ не имѣетъ нужды въ намѣстникѣ для себя; ибо *намѣстникъ поставляется обыкновенно тамъ, гдѣ самъ господинъ находится въ отсутствіи*, или, по многосложности занятій, не можетъ съ ними самъ управиться, а Господь Іисусъ Христосъ Самъ сказалъ намъ такъ: *се Я съ вами есть до скончанія вѣка; гдѣ двое, или трое соберутся во имя Мое и Я посреди ихъ.* (1) Онъ, всемогущій и всемилосердый, никогда не отлучается отъ своей церкви и постоянно присутствуетъ въ ней не только своею благодатію, но и тѣлесно въ божественномъ таинствѣ Евхаристіи. Онъ Единъ Глава Своей церкви, которую стяжалъ безцѣнною кровію Своею; а выдумывать для Христовой церкви другаго главу въ Римѣ, или гдѣ нибудь,— противно евангелію. Отъ такого противоевангельскаго *двоеглавія* произошло вотъ какое, достойное слезъ, зло: *Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ повелѣлъ вамъ читать священное писаніе, а римскій папа запрещаетъ читать!!!* Спаситель говоритъ: изслѣдуйте писанія, ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную и онѣ свидѣтельствуютъ о Мнѣ; ученики Спасителя, святые апостолы говорятъ, что св. писаніе новаго завѣта написано ими для того, дабы мы вѣровали, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и дабы вѣруя, имѣли жизнь во имя Его, дабы мы научились отъ нихъ не умствовать больше того, что написано ими, и не превозносились другъ предъ другомъ, потому что все писаніе боговдохновенно и полезно для наученія, для обли-

---

(*) Матѳ. XXVII. 20. Матѳ. XVIII. 20.

ченія, для исправленія, для наставленія въ праведности (1). А римскій папа запрещаетъ вамъ читать священное писаніе и позволяетъ читать только ксендзамъ!.. Почему такъ? Какое онъ имѣетъ право запрещать вамъ читать то, что св. апостолы и евангелисты написали *именно для васъ?*.. Вотъ такимъ же точно образомъ, вскорѣ послѣ сошествія Святаго Духа на апостоловъ въ Іерусалимѣ, іудейскіе первосвященники, книжники и саддукеи запрещали апостоламъ проповѣдывать слово Божіе; но апостолы отвѣчали имъ такъ: судите сами, справедливо ли предъ Богомъ— васъ слушать болѣе, нежели Бога? Надобно больше повиноваться Богу, нежели людямъ (2). Отвѣчайте и вы такъ всякому (хотя бы даже самому папѣ), кто осмѣлится запрещать вамъ чтеніе евангелія, дѣяній и посланій апостольскихъ?— Здѣсь не мѣсто и не время разсказывать подробно, *для чего* папа запрещаетъ вамъ это, равнымъ образомъ и *для чего* онъ узаконилъ служить божественную литургію (*миссу*, или *мшу*) на непонятномъ для васъ латинскомъ языкѣ. Мы только повторяемъ вамъ слова св. Апостоловъ Петра и Іоанна, примѣнительно къ папѣ: „справедливо ли папу слушать болѣе, нежели Бога? Надобно больше повиноваться Богу, нежели людямъ,— въ томъ числѣ и папѣ.“ И на основаніи этихъ апостольскихъ словъ, мы просимъ васъ, любезные братья, и совѣтуемъ вамъ читать святое евангеліе, дѣянія св. апостоловъ и посланія апостольскія. Изъ этого святаго чтенія вы узнаете и убѣдитесь, что Богъ есть любовь, и что пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, а ненависть къ людямъ и фанатизмъ, съ которымъ иногда ваши наставники проповѣдуютъ и внушаютъ вамъ преступную ненависть, напримѣръ, къ русскому правительству и къ русскому вѣроисповѣданію, совершенно противны духу Христову. А кто не имѣетъ духа Христова, тотъ уже не Христовъ, т. е. не христіанинъ. Изъ чтенія евангелія вы узнаете, что христіанинъ долженъ любить *и враговъ своихъ*,— а вамъ нерѣдко (можетъ быть, правильнѣе сказать: *всегда*) внушаютъ ненависть къ единокровнымъ вашимъ братьямъ— къ русскимъ. Вы узнаете, что подданные должны повиноваться правитель-

(1) Іоан V. 39. XX. 31. 1. Кор. IV. 6. 2. Тим. III. 16.
(2) Дѣян. IV. 19. V. 29.

ству даже и невѣрному, — а вы пріучены не повиноваться единовѣрному съ вами, т. е. христіанскому русскому правительству. Вы узнаете изъ евангелія, что наша божественная, христіанская вѣра и церковь получила свое начало въ Іерусалимѣ, а не въ Римѣ, и что ежели Римъ поставляетъ себѣ въ великую заслугу и привиллегію то обстоятельство, что въ его стѣнахъ (впрочемъ не извѣстно, *гдѣ именно?*) находятся гробы святыхъ апостоловъ Петра и Павла, то въ Іерусалимѣ находится святыня, драгоцѣннѣйшая всѣхъ святынь—гробъ Господа нашего Іисуса Христа: слѣдовательно говорить, будто кромѣ римской церкви нѣтъ нигдѣ спасенія— не сообразно ни съ духомъ евангелія, ни съ исторіей христіанской церкви. Читайте, опять скажу, слово Божіе, и вѣруйте Богу болѣе, нежели папѣ. Святый апостолъ Павелъ не о папѣ, но даже объ ангелахъ, говоритъ вотъ что: *хотя бы ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы* (т. е. апостолы) *вамъ благовѣствовали, да будетъ анаѳема* (*).

Богъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ всѣмъ Своимъ апостоламъ, а чрезъ нихъ всѣмъ епископамъ и священникамъ, далъ право разрѣшать кающихся грѣшниковъ отъ содѣланныхъ ими грѣховъ; и таинство покаянія установлено въ христіанской церкви для исправленія грѣшниковъ, а не для поощренія ихъ къ новымъ злодѣяніямъ. А потому вы должны, съ искреннимъ сокрушеніемъ сердца, исповѣдываться у вашихъ ксендзовъ, между которыми, безъ сомнѣнія, есть благочестивые священники, не обагрившіе своихъ рукъ кровію своихъ ближнихъ, и не принимавшіе участія, ни словомъ ни дѣломъ, въ постыдномъ и богомерзкомъ возмущеніи противъ законнаго русскаго правительства. Но если бы—не дай Богъ— какой нибудь ксендзъ на исповѣди, или даже и въ частныхъ домашнихъ разговорахъ, началъ внушать вамъ *ненависть къ людямъ*, на примѣръ— ненависть къ русскому правительству, или къ русской православной церкви и вообще ненависть къ русскимъ,— если бы онъ поощрялъ васъ къ клятвопреступленію противъ вашихъ вѣрноподданическихъ обязанностей, къ противленію правительству, и вообще къ коварству противъ вашихъ русскихъ братій,— бѣгите отъ такого нас-

(*) Галат. I. 8.

тавника, какъ отъ волка, и ищите себѣ другаго духовника! Внутренній голосъ собственной вашей, христіанской совѣсти скажетъ вамъ, что такія законопреступныя внушенія противны святому евангелію Господа Іисуса Христа.— Но если бы, къ несчастію, могло случиться и такъ, что всякій ксендзъ, котораго бы вы ни избрали своимъ духовникомъ, внушалъ вамъ, такъ или иначе, прямо или косвенно, чувства и понятія противныя Евангелію и вашей христіанской совѣсти, въ такомъ случаѣ уже вамъ не предстоитъ ничего больше для вашего вѣчнаго спасенія, какъ оставить испорченную латинскую церковь, и прибѣгнуть подъ покровъ издревле—православной всероссійской церкви, которая была матерью вашихъ предковъ, и для васъ охотно открываетъ свои материнскія объятія. Пріидите, вкусите и видите, яко благъ Господь въ Своей православной церкви!

Любезные братья! изучайте прилѣжно исторію вашего рода и святое евангеліе; тогда вы сами убѣдитесь, что вы не поляки, и что ненависть къ Россіи, привитая къ вамъ духомъ злобы, есть постыднѣйшее противорѣчіе здравому смыслу, исторіи, евангелію и собственному вашему счастію.

Русскій.

IV.

НА ЮГО-ЗАПАДѢ.

КОМЕДІЯ ВЪ 3-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Вирный, старый крестьянинъ.
Степанъ, его сынъ.
Панъ Павловскій, богатый помѣщикъ.
Пани Павловская.
Емилія, ихъ дочь, 18 лѣтъ.
Станиславъ, ихъ сынъ, 22 лѣтъ.
Брониславъ, молодой человѣкъ, товарищъ Станислава.
Панъ Сурскій.
Панъ Криницкій.
Панъ Дубовскій.
Кравскій, экономъ Павловскаго.
Лейбка, старый жидъ.
Ксендзъ Гиляры.
Становой.
Крестьяне, повстанцы, жиды, жидята и жидовки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ обширный дворъ помѣщичьяго дома; на крыльцѣ лавки, стулья, столикъ, въ перспективѣ рѣка, за рѣкой роща и поле съ высокой рожью.

ЯВЛЕНІЕ I.

Панъ Павловскій, пани Павловская и слуга.

Панъ Павловскій. И эти хамы, эти схизматики вопреки моей волѣ, вопреки волѣ своего пана, дѣдича, осмѣлились не выйдти на жниво? (*слугѣ*) Я тебѣ говорю,—ну что же ты молчишь?

Слуга. Точно такъ, ясне вельможный пане, глупые мужики осмѣлились не исполнить приказанія ясне вельможнаго пана.

Пани Павловская (*мужу*). Что же ты на это скажешь?

Панъ Павловскій (*не отвѣчая женѣ, къ слугѣ грозно*). Такъ ты говоришь, что это быдло (*) и впрямь осмѣлилось не послушать меня?

Слуга. Не послушались, ясне вельможный пане.

Пани Павловская. Ты бы написалъ исправнику.

Павловскій. Позвать Кравскаго.

(*Кравскій робко выглядываетъ изъ за дверей дома*).

Павловскій. (*Увидя Кравскаго*) Ну, коханку! пойдика сюда на росправу.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Кравскій.

Павловскій. (*Строго Кравскому*). Вчера, во время вечернихъ приказаній, какія работы я приказывалъ?

Кравскій. Ясне вельможный панъ приказывалъ жать. Но не моя вина, ясне вельможный пане...

Павловскій (*перебивая*). Сколько я заказывалъ жнецовъ?

Кравскій. Двѣсте, ясне вельможный пане. Моя-ль вина.

Павловскій. А сколько жнецовъ есть въ полѣ?

Кравскій. Только сорокъ человѣкъ. Ясне вельможный пане, виноватъ ли я?

Павловскій. Сорокъ человѣкъ! А кто твой панъ? Кто?

Кравскій. Ясне вельможный панъ.

Павловскій. Чей хлѣбъ ѣшь?

Кравскій. Ясне вельможнаго пана.

Павловскій. Кому, слѣдовательно, ты обязанъ повиноваться?

Кравскій. Ясне вельможному пану.

Павловскій. И ты это чувствуешь?

Кравскій. Чувствую, ясне вельможный пане. Но виноватъ ли я, что мужики сбунтовались.

(*) Быдло—скотъ.

Павловскій. А! Сбунтовались. А нагайка,— старая, добрая знакомая для хамской шкуры,—куда дѣлась?

Кравскій. Что я сдѣлаю одинъ?

Павловскій. А гайдуки мои?

Кравскій. Десятокъ гайдуковъ тоже не сладятъ съ сотнею сбунтовавшихся крестьянъ.

Павловскій. Кто зачинщикъ?

Кравскій. Юзько Гуменюкъ, Павлюкъ, Кравчукъ, Мартинюкъ, Савчукъ, Ткачукъ, и еще старый хрѣнъ Иванъ Вирный и его сынъ Степанъ.

Павловскій. Позвать ихъ всѣхъ. Черезъ четверть часа, чтобы были здѣсь. Ступай! (*Кравскій уходитъ*). А! бунтоваться! (*Слугѣ*). И ты убирайся. Вотъ я вамъ покажу мой панскій судъ и росправу!

ЯВЛЕНІЕ III.

Павловскій и Павловская.

(*Павловскій гнѣвно и скорыми шагами ходитъ возлѣ крыльца*).

Пани Павловская. Что ты намѣренъ дѣлать, мой другъ?

(*Павловскій, не отвѣчая женѣ, продолжаетъ ходить*).

Павловская. (*Послѣ минутнаго молчанія, робко*). Другъ мой, Казиміръ!— отвѣчай мнѣ, что ты намѣренъ дѣлать? Ради Бога, ради дѣтей нашихъ, которыхъ ты можешъ осиротить, не мучь меня, ты вѣдь знаешь, какъ я смертельно боюсь всѣхъ этихъ шумныхъ сценъ.

Павловскій. (*Отрывисто*). Пустое, нервы, спазмы.

Павловская. Неужели ты хочешь уморить меня?

Павловскій. Не бойся коханая, не умрешь. Старая пѣсня!... Сотню разъ ты уже хоронила себя, не одна сотня моихъ пецовъ (*) перешла къ этимъ живодерамъ—докторамъ, а между тѣмъ, по милости Господней, мы съ тобою доживаемъ уже шестой десятокъ.

Павловская. Право, ты бы лучше написалъ исправнику.

Павловскій (*грозно*). Безумная! сумашедшая! Убирайся съ своими глупыми бабскими совѣтами! Мнѣ, мнѣ—Казиміру Павловскому, магнату, богачу, бывшему презесу,— обращаться съ жалобой на моихъ хлоповъ, на мое быдло, къ какому нибудь московскому чиновнику? Чтобы мнѣ, привыкшему отъ отца, дѣда и прадѣда, повелѣвать тысячами этихъ хамовъ, не справиться съ сотнею бунтовщиковъ безъ пособія исправниковъ? Не даромъ говоритъ пословица, что у бабъ волосъ длиненъ, а умъ коротокъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Кравскій.

Кравскій. Мужики собрались, ясне вельможный пане.

Павловскій. Гдѣ они?

(*) Пецъ—полуимперіалъ.

Кравскій. За воротами, ясне вельможный пане.
Павловскій. Всѣ на лицо?
Кравскій. Всѣ, ясне вельможный пане.
Павловскій. Позвать гайдуковъ, кучеровъ, лакеевъ,—приготовить розогъ, батоговъ!
Павловская. Казиміръ! Ради Христа!...
Павловскій. Пустяки, коханая! Нервы, спазмы. Старыя штуки. (*Кравскому*) А ну-ка! Поворачивайся живѣй.
Кравскій. Мигомъ, ясне вельможный пане.
Павловскій. Постойка,— постой! А что, струсили?
Кравскій. Смертельно перепугались, я. в. п.
Павловскій. А вотъ я имъ еще разъ покажу, что умѣю быть паномъ! Позвать людей изъ конюшни! позвать гайдуковъ!... батоговъ!... нагаекъ!... розогъ!... Ну, живѣй, Кравскій!
Слуга. Все готово, ясне вельможный пане.
Павловскій. Позвать сюда быдло! (*Кравскій бѣжитъ за ворота.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Иванъ Вирный, Степанъ, крестьяне, гайдуки.

(Впереди крестьянъ Иванъ Вирный и его сынъ. Крестьяне сумрачно глядятъ на Павловскаго. Гайдуки одѣты въ бѣлые, широкіе, холстяные шаравари и въ синія суконныя куртки.)

Панъ Павловскій. (*Грозно*) И вы хамы, осмѣлились бунтоваться сами и бунтовать другихъ?...

Крестьяне. (*Въ одинъ голосъ, кромѣ Вирного и его сына*). Мы не бунтовались, ясне вельможный пане. Какъ Богъ святъ, не бунтовались. Мы пойдемъ на жниво. И какъ намъ не исполнять вашей панской воли? Вѣдь вы нашъ панъ, нашъ батька. (*Иванъ Вирный дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе*).

Павловскій. (*Замѣтивъ жестъ Вирного*). И ты, старый пёсъ, тоже осмѣлился бунтовать мужиковъ?
Вирный. Я не бунтовалъ мужиковъ.
Павловскій. Молчать! А знаешь-же ты, что я съ тебя шкуру сдеру, а твоего сына отдамъ въ рекруты?
Вирный. Воля панская.
Павловскій. (*Кравскому*). Ты замѣчаешь, какъ онъ дерзко говоритъ со мной.
Кравскій. Нужно отодрать его батогами.
Вирный. Не зачто, панъ экономъ. Не моя вина, что мужики, поработавъ пять дней на панскомъ полѣ, въ одной недѣли, не захотѣли идти на работу еще и въ субботу. Нужно подумать и о своемъ хлѣбѣ, который уже перезрѣлъ и спадаетъ съ колоса. Не голодать же намъ и нашимъ дѣтямъ цѣлый годъ.

Павловскій. (*Въ бѣшенствѣ*). Слышишь, Кравскій, слышишь? А, такъ это ты первый бунтовщикъ? такъ это ты зачинщикъ!— нагаекъ! батоговъ! розогъ!—скорѣй, хлопцы, скорѣй! скорѣй!

Вирный. Воля панская.
Степанъ. Инвентарными правилами не велѣно бить стариковъ.
Павловскій. Кравскій!—слышишь? Гей хлопцы, батоговъ! розогъ!—скорѣй! скорѣй!
Слуги. Розги готовы, ясне вельможный пане.
Павловскій. (*Гайдукамъ*). Начинайте со стараго, невѣрнаго пса Вирного, берите, тащите его, хама, въ смерть бейте! убьете,—не бѣда; я отвѣчаю. Узнаетъ исправникъ— тоже не бѣда, дамъ сто пецовъ и концы въ воду. Бейте его, бейте въ смерть, бейте! (*Мечется по сценѣ, реветъ, топаетъ ногами, багровѣетъ. Мужики, кромѣ Вирного и его сына, спасаясь бѣгствомъ отъ батоговъ, опромѣтью кидаются къ рѣкѣ; нѣкоторымъ изъ нихъ удается кинуться въ рѣку и переплыть на ту сторону; а другихъ панскіе гайдуки ловятъ и приводятъ назадъ къ мѣсту экзекуціи.*)
Павлоскій. Ловите ихъ псовъ, хамовъ! Тащите ихъ ко мнѣ! Бейте ихъ, бейте, рѣжьте, четвертуйте!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Станиславъ.

(*Станиславъ въ охотничемъ костюмѣ.*)

Панъ Павловскій. Тащите прежде всего стараго пса Вирного.
Павловская. (*Станиславу*). Я не могу вынести этихъ сценъ,—я умру.
Станиславъ. Неужели будутъ бить и стариковъ? (*Въ сторону*). Попробую убѣдить отца. (*Павловскому*). Отецъ! ради Бога, ради вашихъ же собственныхъ сѣдинъ пощадите стариковъ.
Павловскій. (*Не слыша сына, гайдукамъ*). Ну что же вы, олухи?—берите Вирного. (*Гайдуки приближаются къ Вирному и, нерѣшительно, поглядывая другъ на друга, толпятся возлѣ старика*).
Павловскій. Чтоже вы, скоты? Или не слышите моего приказа? Или хотите, чтобъ я и васъ батогами? (*Перепуганные гайдуки кидаются къ Вирному*).
Станиславъ. Опомнись, отецъ! не гнѣви Бога,— не бей старика! (*Услышавъ слова Станислава, гайдуки оставляютъ Вирного*).
Павловскій (*сыну*) Что? Что ты врешь?
Степанъ. Инвентаремъ не приказано бить стариковъ.
Павловскій. Слышишь, слышишь! И это мой рабъ, пёсъ, быдло осмѣливается говорить мнѣ въ глаза! Я убью его, убью!
Павловская. Я умру!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Емилія и Брониславъ.

Емилія. Отецъ! ради Бога, ради нашей матери, отпусти людей.

Павловскій. И ты тудаже, моя коханая? А кто вамъ далъ право вмѣшиваться въ мои дѣла? А?.. кто? Это вѣрно она (*указываетъ на жену*) научила васъ?

Павловская. О, Боже!

Емилія. Сжалься, отецъ, надъ нашею бѣдною матерью! (*обнимаетъ отца*).

Павловскій. (*Отталкивая дочь*). Ну, что пристала? Развѣ не знаешь, что всѣ эти нервы, спазмы, не болѣе, какъ ваши бабьи штуки.

Брониславъ. Пане презесъ! Пощадите хоть дочь вашу!

Павловскій. А вацьпану какое дѣло? Какъ вацьпанъ смѣешь лѣзть ко мнѣ съ не прошенными совѣтами! (*Брониславъ, Емилія и Станиславъ окружаютъ Павловскаго*).

Станиславъ. Ради человѣколюбія, сжалься надъ бѣднымъ старикомъ!

Емилія. Пощади нашу бѣдную мать!

Брониславъ. Неужели васъ не трогаютъ мольбы вашей дочери?

Павловскій. Что это? Какъ вы смѣете приставать ко мнѣ! Такъ по вашему я уже не долженъ наказывать бунтующихся моихъ хамовъ, не смѣю распоряжаться въ моемъ домѣ? Вы думаете, что меня можно заставить плясать по вашей дудкѣ! Гей гайдуки, берите Вирного! (*Дѣтямъ*). А вы, коханые мои, убирайтесь по живу, по здорову, а то я и за васъ примусь. (*Брониславу*) И вацьпану достанется. А ну-же, скорѣй, гайдуки скорѣй. Ты, Петръ, первый бери Вирного! — ну, живѣй! (*Гайдуки кидаются къ Вирному*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Сурскій. (*Сурскій въ дорожномъ платьѣ*).

Сурскій. Кто здѣсь хозяинъ?

Павловскій. Что вацьпану нужно?

Сурскій. (*Строго*) Что у васъ за исторія? Я догадываюсь! Такъ то егомосць исполняетъ распоряженія правительства? !

Павловскій (*въ сторону*). Видно судовой. (*Сурскому*). А вацьпану какое дѣло?

Сурскій (*грозно*). А вотъ я вамъ сейчасъ же покажу, какое мнѣ дѣло.

Павловскій. Эй, не финти и не рисуйся панъ! Возмешь съ десятокъ пецовъ и еще поклонишся.

Сурскій. Какъ панъ смѣетъ говорить мнѣ подобныя вещи!

Павловскій. Да кто же панъ?

Сурскій (*важно*). А вотъ, посмотрите, кто я (*подаетъ бумагу*).

Павловскій (*прочитавъ бумагу*). Панъ коммисаръ! Ахъ, дорогой гость. (*Кривскому*). Уведи поскорѣй мужиковъ. (*Тасю Вирному*). Я еще съ тобою раздѣлаюсь. Іaидуки и служба убирайтесь!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, кромѣ крестьянъ, гайдуковъ и слугъ.

Сурскій. Такъ-то у васъ, на Руси, исполняютъ распоряженія народоваго жонда?! Такъ-то вы поступаете, пане Павловскій! Вмѣсто того, чтобы ласками и одолженіями привлечь руссиновъ на нашу сторону во время близкаго возстанія, вы ихъ тираните и даже обижаете въ своемъ домѣ представителя правительства, народоваго-коммисара?!?!

Павловскій. Я не зналъ, что вы коммисаръ, а теперь прошу у васъ прощенія.

Сурскій (*передразнивая Павловскаго*). Прошу прощенія... прошу прощенія. Что же у васъ соломенная голова, или вы украинскій волъ, чтобы не догадаться кто я? Шутите.... не такъ то легко вы отъ меня отдѣлаетесь.

Павловскій. Виноватъ, пане коммисаръ.

Сурскій. А! теперь виноватъ! Да, да, вы виноваты и будете наказаны. Я васъ проучу! Вишь его, какой бркливый руссинскій медвѣдь!

Станиславъ. Пане коммисаръ! Мнѣ кажется, что вы присланы для того, чтобы дѣло дѣлать, а не обижать уважаемаго во всемъ околодкѣ старика и магната?

Сурскій (*Павловскому*). Кто это?

Павловскій. Мой сынъ. Станиславъ!—не суйся не въ свое дѣло!

Сурскій (*Павловскому*). Прикажите женщинамъ и молодежи удалиться, я хочу поговорить съ вами на единѣ.

Павловскій. Уйдите всѣ!

Станиславъ. Неужели вы позволите обижать себя?

Павловскій. Убирайся!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Павловскій и Сурскій.

Сурскій (*отводя Павловскаго подальше отъ дому*). Вы получили распоряженія жонда?

Павловскій. Получилъ.

Сурскій. И не смотря на запрещеніе, колотите вашихъ крестьянъ?

Павловскій. Увѣраю васъ, пане коммисаръ, что съ того времени, какъ я получилъ распоряженіе правительства, ни до одного изъ этихъ хамовъ даже и пальцемъ не дотронулся.

Сурскій. Вы лжете.

Павловскій. Слово гонору.

Сурскій. Пожалуй, вы осмѣлитесь сказать мнѣ въ глаза, что и сегодня не имѣли намѣренія бить нашихъ будущихъ союзниковъ.

Павловскій. Сегодня эти каналіи вывели меня изъ терпѣнія. Вопервыхъ они не хотѣли жать моей пшеницы, а потомъ наговорили мнѣ тысячи дерзостей. Согласитесь, можно ли было мнѣ, старому, привыкшему съ дѣтства повелѣвать, спокойно переносить ихъ ослушаніе и грубости! (*Воодушевляясь.*) У меня, благодаря Бога, течетъ въ жилахъ не вода, а благородная шляхетская кровь.

Сурскій. Такъ вы сознаетесь. Ну, хорошо. Теперь послушайте, что я вамъ скажу. По распоряженію жонда, вы должны заплатить офяры пятьдесятъ тысячь злотыхъ, а за то, что вы не исполняете распоряженій жонда, я налагаю на васъ штрафу двадцать тысячь; эти семьдесятъ тысячъ панъ немедленно уплотить мнѣ.

Павловскій. Семьдесятъ тысячъ! Гдѣ мнѣ взять такую сумму?

Сурскій. Не притворяйся панъ! Мы хорошо знаемъ, что вы богаты какъ жидъ.

Павловскій. Слово гонору, у меня нѣтъ столько денегъ.

Сурскій. Эй не лги, панъ,—а то плохо будетъ!

Павловскій. Ей Богу, я не лгу.

Сурскій (*грозно подходя къ Павловскому*). Такъ вы отказываетесь?

Павловскій (*пятясь*). Не могу, ей Богу, не могу.

Сурскій. (*оглядываясь боязливо кругомъ и показывая изъ подъ полы сюртука пистолетъ*). А эту штуку панъ знаетъ.

Павловскій. Змилуйся, панъ комиссаръ!

Сурскій Или деньги— или убью какъ пса.

Павловскій. (*Въ сторону*). Ну, что мнѣ дѣлать?

Сурскій. Не задумывайся, панъ, отвѣчай—да или нѣтъ. Рѣшай жить ли тебѣ, или умереть, т. е. погибать ли подобно скрягѣ жиду,— или отдать свои деньги для славы и благоденствія ойчизны.

Павловскій. Берите пятьдесятъ тысячь офяры, а отъ штрафу увольте.

Сурскій. Ну, ну быть по вашему; бѣгите скорѣе въ домъ и несите деньги.

Павловскій. Деньги со мной; съ тѣхъ поръ, какъ начались эти смуты, я всегда ношу при себѣ бумажникъ, (*подаетъ Сурскому билеты*).

Сурскій. (*Считая деньги*). Ну, вотъ и хорошо; ну, вотъ мы и помирились съ вами, пане Павловскій,—эхъ вы старый скряга, заупрямились было (*весело треплетъ Павловскаго по животу.*)

Павловскій. Я радъ, что заслужилъ расположеніе пана коммисара.

Сурскій. Ну хорошо, хорошо; на радости, я сообщу пану пріятную вѣсть. Вскорѣ будетъ всеобщее возстаніе, и мы, въ нѣсколько дней, перебьемъ всѣхъ москалей. Что?—очень обрадовались, пане Павловскій?.. Не правда-ли—хорошія вѣсти?

Павловскій. Очень хорошія, пане коммисаръ!

Сурскій. Мнѣ бы хотѣлось сообщить эту пріятную вѣсть вашимъ дамамъ,—пригласите ихъ сюда.

Павловскій. Съ удовольствіемъ, пане коммисаръ (*отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Сурскій (*одинъ*).

Заупрямился было старый скряга, да я его порядочно пугнулъ! Однакожъ я, кожется, немного погорячился; ну что, еслибъ у меня увидѣли оружіе и если бы объ этомъ донесли? Впрочемъ, что я вру? Имѣя пятьдесятъ тысячь въ карманѣ, я бы удралъ за границу, и дѣлу конецъ! Какъ бы только не попасться полиціи... правда, можно бы и откупиться, да все таки много хлопотъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Сурскій, Павловскій, Павловская, Емилія, Станиславъ и Брониславъ.

Павловскій (*женѣ*). Рекомендую тебѣ пана Сурскаго.

Сурскій. Коммисаръ народоваго жонда.

Павловскій (*Сурскому*). А это моя дочь.

Сурскій (*подавая Емиліи руку*). О! да, прехорошенькая панна,... какія у васъ чудныя глазки. Премиленькая у васъ, пане Повловскій, дочь.

Брониславъ (*въ сторону*). Какой наглецъ!

Павловскій (*указывая на Станислава*). Мой сынъ, Станиславъ.

Сурскій. Молодой человѣкъ, какъ кажется, немного горячь. Впрочемъ, я вамъ прощаю пане Станиславъ, ваше обращеніе со мной ради вашей молодости и уваженія къ вашему почтенному отцу. Надѣюсь, что вы будете служить вѣрой и правдой нашей дорогой ойчизнѣ?

Станиславъ (*гордо*). Я полякъ!

Сурскій. Молодецъ, молодецъ!

Павловскій. Да, малый не дуракъ; жаль только, что иногдя не въ свое дѣло суется.

Сурскій. А вамъ бы слѣдовало остановить панича... (*шутливо*) розочкой бы его, розочкой!

Пани Павловская (*перепугавшись*). *Іезусъ, Марія*! Пане коммисаръ, нашъ Стась еще такъ молодъ!

Сурскій. Успокойтесь пани Павловская, я шучу. Но, говоря по правдѣ, все таки лучше было бы, чтобы панъ Павловскій посѣкъ сынка, чѣмъ, вопреки волѣ жонда, сѣчь крестьянъ. Это опасно. Жондъ шутить не любитъ. Впрочемъ, я вамъ скажу, пане Павловскій, по дружбѣ, по секрету, что когда все покончится, все устроится, т. е. когда мы перерѣжемъ москалей и возстановимъ нашу любезную ойчизну,—то, не смотря на обѣщанную жондомъ, изъ политическихъ цѣлей, мужикамъ свободу и надѣлъ даровой земли, мы не только еще больше наляжемъ на хлоповъ, усилимъ панщизну, но и закабалимъ всѣхъ вольно живущихъ въ Польшѣ москалей.

Павловскій. Дай то Богъ! Дай то Богъ!

Пани Павловская. Я не понимаю васъ, пане коммисаръ. Неужели записана будетъ въ подданство и русская шляхта?

Сурскій. Русской шляхты не существуетъ. Шляхтичами могутъ называться тѣ только, которые имѣютъ грамоты польскихъ королей, а до царскихъ указовъ намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

Павловская. Такъ таки и запишемъ въ сказки и становыхъ и исправниковъ?

Сурскій. И запишемъ непремѣнно!

Павловскій. Ха, ха, ха! Ну, впрочемъ, эти москали народъ хитрый, и вѣрно улизнутъ въ Россію.

Сурскій. Нѣтъ, не всѣ улизнутъ; конечно, останутся тѣ, которые пріобрѣли здѣсь имѣнія; но мы со временемъ и отъ нихъ какъ нибудь отдѣлаемся и отъ московскихъ имѣній въ панствѣ польскомъ.

Емилія. Ха, ха! Вотъ было бы забавно, если бы нашихъ сосѣдей, владѣльцевъ, Крупова, Ивановыхъ, записали въ числю нашихъ крестьянъ! Ха, ха! Вотъ было бы забавно, если бы M-lle Иванова—такая тонкая, такая хорошенькая и образованная, очутилась моею горничной!.. Впрочемъ, я была бы къ ней снисходительна и не употребляла бы ее для черныхъ работъ.

Сурскій. Вы слишкомъ великодушны, панна Емилія; отразу видно, что вы благородная полька! Да и можетъ ли не быть образцомъ добродѣтели такое очаровательное, какъ вы, существо?

Брониславъ (*въ сторону*). Ужасный нахалъ!

Емилія. (*Не отвѣчая Сурскому*). Ха, ха! Вотъ была бы комедія! Неужели и помѣщики русскіе будутъ нашими крестьянами?

Станиславъ. Стыдись, Емилія. Панъ коммисаръ вѣроятно шутитъ, а ты и вѣришь.

Сурскій. Нѣтъ, не шучу. Впрочемъ я говорилъ собственно о крестьянахъ.

Станиславъ. Я никогда не повѣрю, чтобы нашъ жондъ былъ такъ вѣроломенъ;—далъ самъ свободу крестьянамъ, а потомъ нарушилъ свое слово.

Павловскій (*Сурскому*). Слышите?Вотъ онъ всегда такъ, вѣчно суется не въ свое дѣло, и вѣчно заступается за крестьянъ.

Эмилія. Ахъ, папа, не сердитесь на Станислава!

Сурскій. Да, да, молодой человѣкъ слишкомъ торопливъ; его можно простить и потому, что онъ имѣетъ такую прелестную заступницу. Дайте ручку, панна Эмилія.

Брониславъ (*дѣлаетъ движеніе*). Кто-то ѣдетъ къ намъ. Кажется становой приставъ.

Сурскій. Становой приставъ!.. Боже мой!—я погибъ! Пане Павловскій, ради Бога, *ратуйте* меня! (*Эмилія и Станиславъ съ удивленіемъ смотрятъ на Брониславa, который имъ дѣлаетъ выразительные жесты*).

Павловскій (*глядя въ даль*). Да, да—вижу! Кто-то ѣдетъ. Но полиція всегда ѣздитъ съ колокольчикомъ, а колокольчика я не слышу. (*Станиславъ подходитъ къ стоящему на крыльцѣ столику и незамѣтно для другихъ звонитъ стаканомъ объ графинъ*).

Сурскій. Ахъ! слышу, слышу!.. колокольчикъ слышу!.. это полиція!.. я погибъ! погибла наша святая справа! Пане Павловскій, ради ойчизны, укройте меня!

Павловскій. Укрывать васъ, пане коммисаръ, опасно; лучше бѣгите.

Сурскій. Куда же мнѣ бѣжать? Неужели; на встрѣчу къ становому, или что тоже—на встрѣчу крѣпости, а тамъ и въ Сибирь?

Павловскій. Бѣгите въ садъ, потомъ спуститесь оврагомъ къ рѣкѣ, а я вышлю вамъ къ мельницѣ лошадей.

Брониславъ. Я проведу пана кммисара,—скорѣе, скорѣе, панъ!

Сурскій. О, благородный юноша!—ойчизна никогда не забудетъ вашей услуги.

(*Брониславъ перепрыгиваетъ плетень, Сурскій тоже и оба быстро скрываются между деревьями. Эмилія смѣется.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, кромѣ Сурскаго и Бронислава.

Павловскій. А я все таки не слышу колокольчика. Старость, вѣрно, въ союзѣ съ глухотой.

Эмилія (*продолжая смѣяться*). Это не становой ѣдетъ, а нашъ арендаръ, Берко.

Павловскій. А, Берко!—я то и говорю, что не слышно колокольчика. Станиславъ! нужно бы увѣдомить объ одинкѣ пана Сурскаго, (*подумавъ*) впрочемъ, Богъ съ нимъ—пусть себѣ убирается подальше. Чего добраго!—чтобъ и въ самомъ дѣлѣ не нажить хлопотъ. (*Опять, подумавъ*) Уйдите, мои коханые, я хочу остаться одинъ. (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Павловскій (*одинъ*). Пятьдесятъ тысячь злотыхъ я долженъ былъ дать этому сорванцу. Да чтожъ дѣлать!—неужели дожидаться, чтобы этотъ головорѣзъ влѣпилъ мнѣ пулю въ лобъ?.. Правда, видно по всему, что онъ трусъ и не сдѣлалъ бы этого, но все же, по его доносу, могли бы прислать изъ Варшавы другаго пана похрабрѣе Сурскаго. Впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ мои пятьдесятъ тысячь и не пропадутъ даромъ? Вѣдь же грозится московское правительство, что освободитъ крестьянъ, такъ нужно всѣмъ дружно помочь нашему жонду, чтобъ освободиться отъ москалей и не допустить ихъ до освобожденія хлоповъ. Панъ Сурскій правъ!... никогда того не будетъ, чтобы паны остались безъ хлоповъ,—этихъ хамовъ, каналій,—будь они прокляты, чертовы дѣти! Напримѣръ, Вирный и его сынокъ! (*задумывается*). Нѣтъ, я не могу простить имъ! Ни за что, ни за что! Гей, Кравскій!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Павловскій и Кравскій

Кравскій. Что прикажетъ ясне вельможный панъ?

Павловскій. Завтра, чуть свѣтъ, созвать на гумно крестьянъ, и чтобы въ числѣ ихъ непремѣнно былъ Вирный и его сынъ. Слышишь?

Кравскій. Слушаю, ясне вельможный пане.

Павловскій. Позвать на гумно гайдуковъ и приготовить побольше розогъ; чтобы все было готово пока у меня въ домѣ спятъ еще. Понимаешь Кравскій?

Кравскій. Какъ мнѣ не понять ясне вельможнаго пана? Вѣдь, благодаря Бога, уже двадцать лѣтъ ясне вельможный панъ мнѣ панъ; двадцать лѣтъ я привыкъ быть послушнымъ ясне вельможному пану; двадцать лѣтъ ѣлъ хлѣбъ ясне вельможнаго пана!

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ довольно значительное время. Декораціи тѣ же, что и въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Павловская, Емилія, Брониславъ и Станиславъ.

Емилія. Ну, начинайте, маменька.

Павловская. Постой—постой, пусть приготовлюсь (*откашливается*).

Брониславъ. Смѣлѣй, смѣлѣй, вельможна пани превесова! Я буду считать: разъ, два, три,—и когда скажу три, то и начнемъ. Ну—разъ, два, три!

(*Поютъ хоромъ гимнъ? „Z dymem pożarów“. Павловская издаетъ нестройные плаксивые звуки, а Брониславъ фальшивитъ*).

Емилія. Фальшиво, фальшиво, пане Брониславъ! Пойте вотъ этакъ. (*Показываетъ какъ пѣть и всѣ придолжаютъ. Кравскій выглядываетъ изъ за дверей передней и улыбается. Брониславъ жестами приглашаетъ Кравскаго, который выходитъ на крыльцо, присоединяется къ хору и подтягиваетъ. Павловскій приходитъ изъ сада, но его не замѣчаютъ*).

Емилія. Опять сфальшивили, пане Брониславъ. Говорятъ вамъ пойте вотъ этакъ (*Поютъ. Павловскій подходитъ къ Кравскому и слегка ударяетъ его ладонью по лысинѣ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Павловскій.

Кравскій. Ясне вельможный панъ! (*Хоръ умолкаетъ*).

Павловскій (*Кравскому*). И ты тудаже, коханку?

Кравскій. Увлекся ясне вельможный пане.

Павловскій (*передразнивая Кравскаго*). Увлекся, увлекся! (*Женѣ*) Сколько разъ я твердилъ имосци, что я вовсе не желаю, чтобы въ моемъ домѣ пѣлись подобные гимны и чтобы вообще не затѣвалось что либо подвергающее насъ отвѣтственности предъ московскимъ жондомъ!

Станиславъ. Неужели намъ бояться москалей даже и теперь, на канунѣ возстанія?

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло! (*Женѣ*). Имосць всегда дѣлаетъ наперекоръ мнѣ. Имосць вѣроятно хочетъ погубить меня. Неужели вы забыли о томъ, что происходило въ Житомірѣ, и какъ тамъ за гимны, эти варвары хватали нашихъ и ссылали въ Сибирь?

Павловская. Виновата, Казиміръ! каюсь, — молодежъ увлекла меня.

Кравскій. И меня тоже!

Павловскій. Молчи, старый дурню. (*Женѣ*). Вы не подумали о томъ, что можетъ вдругъ явиться исправникъ и арестовать меня. Прежній вѣдь смѣненъ, а отъ теперешняго не откупишся.

Брониславъ. Напрасно вы опасаетесь, коханый пане презесъ. Если бы даже васъ и арестовали, то нашъ панъ Криницкій собралъ бы насъ, и мы бы васъ освободили.

Павловскій. А если бы меня конвоировали козаки?

Брониславъ. Мы бы побили козаковъ.

Павловскій. А еслибъ ихъ было много?

Броноиславъ. А насъ развѣ мало?...

Павловскій. Храбритесь, храбритесь! Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Не хвались ѣдучи на рать.

Станиславъ. Отецъ! Это наконецъ не выносимо! Неужели вы такъ мало любите ойчизну, что даже къ храбрѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ сынамъ ея такъ мало имѣете довѣрія?

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло! (*Брониславу*). Не слушайте этого блазна.... Какъ мнѣ не любить ойчизны, когда ойчизна—все таки ойчизна, и когда только при возстановленіи Польши мы можемъ надѣяться, что мужики, незаконно увольненные москалями, опять будутъ нашими рабами?

Кравскій. Простите мнѣ ясне вельможный пане, что я *худыи пахолекъ*, увлеченный краснорѣчивыми и чудными словами ясне вельможнаго пана не утерплю и выскажу свою мысль. Не даромъ я при моихъ сѣдыхъ волосахъ увлекся и запѣлъ гимнъ. Мы всѣ должны молить Бога, чтобы возстановлена была Польша, потому что только при Польшѣ можетъ быть надежда на возвращеніе барщины и подданства, а безъ барщины и безъ подданства произойдетъ Содомъ и Гоморъ, вавилонское столпотвореніе, а наконецъ и конецъ свѣта! Всѣ сословія неминуемо должны погибнуть: безъ барщины и подданства, паны заскрипятъ и завизжатъ, какъ колеса безъ мази; нашему брату—эконому, тогда нельзя будетъ, по волѣ панской, дѣйствовать *гарапникомъ* (1), и придется его голубчика повѣсить на гвоздикъ,—то и житья не будетъ, и безъ старой доброй пріятельницы мужицкой шкуры, безъ шляхетской нагайки, эта галайстра (2) пустится на воровство и грабежъ, сопьется, подохнетъ съ голоду—и будетъ конецъ свѣта! Такъ то, такъ, ясне вельможный пане!

Павловскій. Вотъ, Кравскій и глупъ, а какъ хорошо разсуждаетъ!

Станиславъ (*въ сторону*). O, tempora o mores!

Брониславъ. Панъ презесъ, панъ презесъ! Взгляните, вотъ возлѣ рощи толпа всадниковъ.

Павловскій. Ахъ, Боже мой! ужъ не козаки ли?

Станиславъ. Нѣтъ, это не козаки,—это наши. Вотъ и панъ Криницкій впереди на бѣломъ конѣ.

Брониславъ. И Сурскій.

Емилія. И ксендзъ Геляры верхомъ на вороной лошади.

Павловскій. Неужели рухавка уже началась? Вѣдь срокъ сбора не сегодня?

Павловская. Однакожъ мнѣ нужно позаботиться о томъ, чтобы было чѣмъ накормить гостей. Илавскій, бѣги скорѣе на кухню и распорядись.

Павловскій. Выкатить бочку стараго венгерскаго.

Станиславъ. Вотъ они уже въ селѣ.

Брониславъ. Спустились въ долинку.

Емилія. Черезъ минуту будутъ здѣсь.

Станиславъ. Въѣзжаютъ на дворъ!

---

(1) гарапникъ—кнутъ.

(2) Галайстра—шушваль.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, Сурскій, Криницкій, ксендзъ Гиляры, Дубовскій, паны, экономы, шляхта. (*Паны здороваются съ хозяевами, а экономы и шляхта стоятъ въ почтительномъ разстояніи*).

Сурскій. Вотъ я и опять у васъ, пане Павловскій! И при какихъ, благодаря Бога, обстоятельствахъ!

Павловскій. Привѣтствую васъ, пане коммисаръ.

Сурскій. Мы къ вамъ по важному дѣлу. Прежде всего представляю васъ вашему сосѣду, пану Криницкому, какъ начальнику здѣшняго отряда. Панъ Криницкій произведенъ въ полковники. (*Павловскій кланяется Криницкому*).

Криницкій. Надѣюсь, что отрядъ нашъ будетъ доволенъ моими дѣйствіями.

Сурскій. Здравствуйте, пане Брониславъ! Помните, какъ мы съ вами?... Благодаря Бога, не тѣ уже теперь времена! Пане полковникъ! рекомендую вамъ сего благороднаго юношу и назначаю его къ вамъ адъютантомъ.

Павловская (*въ сторону*). Почему же не нашего Станислава?

Брониславъ. Благодарю васъ, пане коммисаръ, за честь и надѣюсь, что срублю не одну баранью московскую башку. (*Емиліи тихо*). Видишь, какъ скоро я дослужился; надѣюсь, что тебѣ пріятно будетъ быть паней адъютантовой; впрочемъ, я скоро буду генераломъ!

Емилія (*тоже тихо*). Дай то Богъ!

Сурскій. Я прибылъ къ вамъ, пане Павловскій, для того, чтобы, собравъ сосѣднихъ вамъ благородныхъ пановъ и храбрую шляхту, совершить у васъ обрядъ присяги.

Павловскій. Слушаю, пане коммисаръ.

Сурскій. А между тѣмъ пошлите за здѣшними мужиками, а пока они соберутся мы успѣемъ присягнуть. Мы должны пригласить руссиновъ быть нашими союзниками, а вы, пане Павловскій, подарите имъ въ вѣчное, потомственное владѣніе ихъ земли и всѣ угодія.

Павловскій. Я не понимаю васъ, пане коммисаръ.

Сурскій. Ну-ну, не притворяйтесь. Дѣлай-ка то, что вамъ велятъ. Посылайте за мужиками!

Павловскій. Панъ коммисаръ шутитъ. Неужели вы забыли ваши же слова?

Сурскій (*въ замѣшательствѣ*). Какіе слова?!... Я ничего пану не говорилъ.

Павловскій. Вы забыли? А помните—послѣ того, какъ я вручилъ вамъ офяру, вы увѣряли что.....

Сурскій (*поспѣшно перебиваетъ*). Какъ вацьпанъ смѣетъ разглашать то, что я говорилъ по-секрету? Какъ вы смѣете открывать государственныя тайны?!

Павловскій. Я не разглашаю государственныхъ тайнъ. Теперь же можете объявлять моимъ крестьянамъ все, что вамъ

угодно, а я буду молчать какъ рыба; я даже уйду, когда крестьяне соберутся. Дѣлайте себѣ, что хотите, ваша воля,— а я все таки вамъ скажу въ глаза, что вы обманули меня, обѣщавъ....

Сурскій (*перебивая Павловского*). Я ничего не обѣщалъ пану, (*запальчиво*) я только предполагалъ... Теперь же объявляю вамъ, что если вы не исполните распоряженія жонда, то я прикажу васъ повѣсить!

Криницкій. Не горячитесь, пане коммисаръ! Ради Бога, успокойтесь! (*Между панами слышится ропотъ*).

Сурскій. Повѣшу,— непремѣнно повѣшу!

Павловскій. Змилуйся, пане коммисаръ! Я готовъ, я не отказываюсь. Но все таки, мнѣ бы казалось, что лучше было бы, еслибъ не я лично объявлялъ крестьянамъ, что дарю землю, а отъ моего имени кто либо другой.

Криницкій. По моему мнѣнію, панъ презесъ правъ. Ежели онъ самъ объявитъ, что даритъ крестьянамъ землю, то на случай чего.... какъ бы сказать?—ну хоть бы на случай.....

Павловскій. Да, да, на случай неудачи....

Криницкій. Нѣтъ, нѣтъ, пане презесъ, вовсе не неудачи. Какъ можно предполагать неудачу? Но все-таки, на какой бы то ни было случай, ежели панъ презесъ лично объявитъ крестьянамъ, что даритъ имъ землю, то москали могутъ придраться; если же вы будете объявлять, то дѣйствіе будетъ одно и тоже, а панъ презесъ будетъ въ сторонѣ.

Сурскій. Какъ я вижу, панъ полковникъ, вы не только искусный воинъ, но еще и тонкій дипломатъ. Ну, ну, быть по вашему,—я самъ объявлю крестьянамъ. Посылайте, пане Павловскій, за мужиками.

Павловскій (*съ неудовольствіемъ*). Хорошо, хорошо,— объявляйте, объявляйте! — Кравскій! созвать мужиковъ!

Кравскій. Слушаю, ясне вельможный пане.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, безъ Кравскаго.

Сурскій. Теперь приступимъ къ присягѣ. Приготовляйтесь, ксендзъ Гиляры. Подать свѣчей!

Павловскій. Сейчасъ, пане коммисаръ.

(*Слуги приносятъ четыре восковыя свѣчи. Сурскій покрываетъ столъ чернымъ покрываломъ, ксендзъ ставитъ роспятіе, а Криницкій достаетъ изъ сумки нѣсколько длинныхъ черныхъ рубашекъ*).

Сурскій. По установленной формѣ, присягающіе, въ доказательство, что они охотно пожертвуютъ ойчизнѣ, въ случаѣ надобности, достояніемъ и жизнію, должны быть одѣты въ эмблему смерти, т. е. въ саваны. Одѣвайтесь, паны! Вы первый, пане хозяинъ. (*Паны надѣваютъ рубашки*).

Ксендзъ Гиляры. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ столь важному обряду, какова присяга, я долженъ сказать вамъ, панове, нѣсколько поучительныхъ словъ—для того, чтобы вы приготовились въ душѣ къ святому таинству, которое скоро совершите. Слушайте же, вельможные паны, вельможныя пани, и храбрая шляхта! (*Откашливается*). Наша ойчизна, наша Богомъ любимая Польша, погибала; какъ вдругъ, духъ святой раздулъ святой огонь въ душѣ, Богомъ избраннаго императора французовъ Наполеона, и онъ братски подалъ намъ руку помощи. Милліоны французскихъ штыковъ скоро явятся къ намъ на помощь, и мы всѣ возстанемъ и неминуемо свергнемъ ненавистное и жестокое московское иго. Всѣ, всѣ возстанутъ; и вельможные паны и вельможныя пани, и храбрая шляхта, возстанутъ и сѣдые старцы, и безбородые юноши, и наши союзники руссины; возстанутъ наконецъ и живые и мертвые! Да, да, возстанутъ и живые и мертвые, и мы загонимъ москалей туда, гдѣ и трава не ростетъ, т. е. за Уралъ и за Бѣлое море! Теперь же падемъ всѣ на колѣна и вознесемъ теплую мольбу къ Всемогущему, чтобы Онъ Своею преблагою, всевышнею десницею помогъ намъ совершить святой подвигъ и перерѣзать и переколоть москалей. (*Становится на колѣна, и въ слѣдъ за нимъ паны и пани и тихо молятся*). Теперь запоемъ гимнъ (*поютъ хоромъ гимнъ*: Boże! coś Polskę).

Сурскій. Ну, теперь, ксендзъ, читайте присягу. Панове станьте чинно—въ ордынокъ (*). Живѣй, живѣй! (*Паны толпятся въ кучу*). Не такъ, не такъ!—порядкомъ, рядами! Панъ полковникъ, постройте пановъ и шляхту,—это ваше дѣло. (*Криницкій строитъ пановъ рядами, Сурскій достаетъ пистолетъ и хочетъ приставить дуло ко лбу Павловскаго*).

Павловскій (*въ испугѣ*). Ой, ой—смилуйся, панъ комисаръ! И за чтоже?... за что?...я на все готовъ! Ей богу, на все! Ой, ой—смилуйся панъ!

Павловская. Пощадите моего мужа! Дурно, дурно!

Емилія. Не губите моего отца!

Сурскій. Чего перепугались? Я и не думаю убивать его. По установленнымъ правиламъ, присягающимъ прикладывается дуло пистолета ко лбу. По настоящему, всѣ должны присягать подъ пистолетомъ; но такъ какъ теперь присягающихъ много, а я одинъ, то эту честь я предоставляю пану Павловскому, какъ хозяину дома.

Павловскій. Благодарю за честь. Но такъ какъ панъ Криницкій старше меня чиномъ и выше общественнымъ положеніемъ, то эту честь слѣдовало бы предоставить ему.

Криницкій. Я присягать не буду, потому что я уже присягалъ.

(*Сурскій приближается къ Павловскому съ пистолетомъ*).

(*) Въ ордынокъ—рядами.

Павловскій (*пятясь отъ Сурского*). Право, я не заслужилъ этой чести.

Сурскій. Да не бойтесь же, пане Павловскій,—я право не убью васъ.

Станиславъ. Не бойтесь, отецъ, право стыдно!

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло! Я не боюсь, право не боюсь. Чего мнѣ бояться. (*Сурскій прикладываетъ дуло ко лбу Павловского*).

Павловская. Осторожно, пане коммисаръ, чтобы какъ нибудь случайно не спустить курокъ.

Павловскій. Ой, осторожно, осторожно!

Брониславъ. Можетъ быть панъ коммисаръ только для фацеціи говоритъ, что не застрѣлитъ пана презеса, а между тѣмъ возметъ да и бацъ въ лобъ.

Павловскій (*Поспѣшно отходя отъ Сурского*). Нѣтъ, какъ хотите, а я не въ состояніи выносить далѣе эту пытку! Я лучше пожертвую ойчизнѣ еще пять тысячъ злотыхъ.

Сурскій. Ну, ну, хорошо! Давайте деньги. (*Павловскій достаетъ бумажникъ и даетъ деньги*).

Станиславъ. Позвольте мнѣ заступить мѣсто отца.

Сурскій. Хорошо, хорошо! Видно, что вы будете храбрымъ воиномъ.

Нѣсколько голосовъ. Храбрецъ! храбрецъ!

Павловская. Вы не повѣрите, какъ онъ храбръ.

Павловскій. Жаль только, что часто суется не въ свое дѣло.

Сурскій. Я жалую васъ, пане Станиславъ, капитаномъ.

Станиславъ. Благодарю, я не заслужилъ еще.

Криницкій. Благородный юноша! позволь обнять себя. (*Обнимаетъ Станислава*).

Сурскій. Ну, къ дѣлу. (*Прикладываетъ дуло ко лбу Станислава*). Чего лѣзете впередъ, пане Дубовскій,— ордынкомъ! (*тычетъ пальцемъ въ брюхо Дубовскому*). Ксендзъ Гиляры!—читайте присягу, а вы паны повторяйте за ксендзомъ.

Ксендзъ Гиляры. (*Паны повторяютъ за ксендзомъ*). Клянемся Богомъ всемогущимъ, что не пощадимъ жизни нашей для избавленія ойчизны отъ ненавистныхъ изувѣровъ москалей. Клянемся, что будемъ дѣйствовать противъ нихъ всѣми явными и тайными средствами. Клянемся, что будемъ поступать сообразно съ нашимъ катихизисомъ. Клянемся, что лишь только сбросимъ иго московское, то объявимъ войну Австріи и Пруссіи и отберемъ отъ этихъ державъ наши провинціи. Клянемся, что будемъ чтить законы рѣчи посполитой. Наконецъ клянемся, что будемъ уважать слугъ Божіихъ и будемъ исправно платить имъ установленную десятину. А кто сей клятвы не исполнитъ, на того пусть падетъ гнѣвъ Божій, да будетъ тотъ проклятъ на землѣ и на небѣ. Присяга кончена.

Сурскій. Поздравляю васъ, панове! „Нѣхъ жые Польска!“
Криницкій. Смерть, смерть москалямъ!
Брониславъ. Всѣхъ перебьемъ, переколемъ, перерѣжемъ, перевѣшаемъ!
Криницкій. Начнемъ съ губернатора!
Павловскій. Убьемъ и исправника!
Одинъ изъ пановъ. Убьемъ и попа моего, если онъ на меня доносъ послалъ.
Павловскій. (*лугамъ*). Подать вина! (*Слуги приносятъ вино, паны пьютъ*).
Дубовскій. Кохаймысѣ браця! (*Паны и шляхта обнимаются и цѣлуются; одинъ изъ экономовъ подходитъ къ Павловскому и хочетъ обнять его*).
Павловскій. Куда лѣзешь дурню? Цѣлуйся съ своимъ братомъ—съ экономами!
Экономъ (*сконфузившись*). Вотъ тѣбѣ *и рувносць, не подлеглосць*! (*)

ЯВЛЕНІЕ V

Тѣ же, Вирный, Степанъ, Кравскій и толпа крестьянъ.

Павловскій. (*Въ сторону*). Уберусь я поскорѣй. (*Женѣ*). Уйди и ты съ Емиліей.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, кромѣ Павловскаго, Павловской и Емиліи.

Сурскій (*Кравскому*). Ты, панъ, здѣсь экономомъ?
Кравскій. Точно такъ, ясне вельможный пане.
Сурскій. А въ повстанье пойдете?
Кравскій. Ну, разумѣется, что пойду. Какъ мнѣ не любить ойчизны, когда я увѣренъ, что при возстановленіи Польши, возвращено будетъ панамъ и подданство.
Сурскій. Не ври старикъ, не ври, не бунтуй крестьянъ. Крестьяне всѣ собрались?
Кравскій. Всѣ, ясне вельможный пане.
Криницкій. Ну, начинайте рѣчь, пане коммисаръ.
Сурскій. Гей, экономъ! позови мужиковъ поближе.
Кравскій (*въ сторону, подходя къ крестьянамъ*). Чтобъ тебѣ подохнуть! (*съ грустью*). Охъ, панство, панство! Куда ты дѣлось!.. Но нѣтъ!. это не можетъ быть! Польша возстановитъ панщизну и хлопство! (*Крестьяне приближаются къ Сурскому, впереди Вирный и его сынъ*).
Сурскій (*обращаясь къ крестьянамъ*). Мы васъ собрали, коханые братья...
Квавскій (*въ сторону*). Коханые братья! Чтобъ ты лопнулъ, краснобай!
Сурскій. Мы васъ созвали для того, чтобы объявить вамъ, что, при помощи Божіей, москали изъ Варшавы прогнаны, зна-

(*) Rowność niepodległość—равенство и независимость, — эмблемы Рѣчи-Посполитой.

чительная часть ихъ перебита; а теперь, чтобы довершить побѣду, намъ остается только перебить находящихся здѣсь москалей.

Одинъ изъ крестьянъ (*обращаясь тихо къ Степану*). Что онъ говоритъ?

Степанъ (*тоже тихо*). Онъ наговариваетъ насъ перебить москалей. О, трасця его матери! (*)

Сурскій. Мы надѣемся, что вы, благородные руссины, не откажетесь помочь намъ.

Кравскій. (*Въ сторону*). Надѣйтесь на нихъ, надѣйтесь!

Степанъ. (*Тоже въ сторону*). Щобъ ты сказывся (**)!

Сурскій. Въ награду же за вашу помощь мы даримъ вамъ ваши земли, ваши хаты, ваши огороды, на вѣки вѣчныя увольняемъ отъ всѣхъ помѣщичьихъ повинностей.

Кравскій (*въ сторону съ ужасомъ*). Іезусъ, Марія!

Степанъ (*тоже въ сторону*). Ври, ври!

Сурскій. Отнынѣ, не будете платить ни оброковъ, ни податей; наконецъ увольняетесь отъ рекрутства. Довольны вы? Соглашатесь идти съ нами?

Вирный (*выразительно*). То есть, соглашаемся ли мы рѣзать москалей?

Сурскій. Да, да,—мы ихъ всѣхъ перебьемъ. Ну что—съ нами?

Вирный. Вы спрашиваете, сбунтуемся ли мы противъ царя?

Сурскій. И что вамъ царь?

Вирный. Что намъ царь? Что намъ тотъ царь, который любитъ насъ, какъ дѣтей, который подарилъ намъ свободу?...

Сурскій (*растерявшись*). Что ты врешь? Что ты врешь?

Вирный. Нѣтъ, я не вру пане. Мнѣ уже семьдесятѣ лѣтъ, и мнѣ все ровно какъ ни умереть.—Вы можете убить меня, но я скажу вамъ въ глаза правду. Во вѣки вѣчныя не бывать тому, чтобы наши керестьяне помогали вамъ, не то чтобы противъ царя, объ этомъ даже и рѣчи не можетъ быть,—но даже хоть бы противъ кого бы то ни было, хоть бы противъ бусурмана и турка. Скажу вамъ еще, паны, что вамъ не сдобровать, москали перебьютъ васъ,—а чего добраго, и мы имъ поможемъ.

Криницкій. Пане коммисаръ! какъ это вы позволяете врать ему?—прикажите его арестовать.

Сурскій (*опомнившись, въ бѣшенствѣ*). Берите его! Вяжите его, каналью!—повѣсить его, повѣсить!

Криницкій (*тоже Сурскому*). Не горячитесь, не вѣшайте, жондомъ приказано не раздражать руссиновъ. Такъ только постращайте—арестуйте.

Сурскій. Гей, шляхта! Уведите старика, я съ нимъ послѣ раздѣлаюсь. (*Шляхта кидается къ Вирному и увлекаетъ его*).

(*) Обыкновенная брань Юго-Западныхъ крестьянъ трасця—лихорадка.

(**) Сказиться—сбѣситься.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Вирного.

Кравскій. (*Сурскому насмѣшливо*). Вотъ вамъ и „кохани браця“.

Сурскій. Это ты сбунтовалъ его,—я видѣлъ по твоей замашкѣ, что ты бунтуешь крестьянъ.

Кравскій. Я бунтовалъ этихъ хамовъ? Чтобы я братался съ мужичьемъ....

Сурскій. Нѣтъ ты, ты бунтовалъ. Гей, шляхта! Взять эконома и дать ему сотню нагаекъ.

Кравскій. Пане Сурскій! Я шляхтичъ.

Сурскій. А! Ты шляхтичъ! Я не зналъ этого. Шляхта! Когда будете сѣчь пана эконома шляхтича, то, согласно съ нашимъ древнимъ обычаемъ, подослать подъ него коверъ. Тащите его!

Кравскій. Вотъ до чего я дожилъ на старости лѣтъ!

Станиславъ. Пане коммисаръ, прошу васъ, оставьте Кравскаго!

Сурскій. Къ сожалѣнію, я долженъ отказать вамъ, пане капитане. Субординація необходима и Кравскій будетъ наказанъ нагаями. (*Шляхтѣ*). Дать ему сто нагаекъ. (*Кравскій упирается,— шляхта силой уводитъ его*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, кромѣ Кравскаго.

Криницкій (*крестьянамъ*). Глупый вы, глупый народъ. Дарятъ вамъ поля, хаты, огороды, и все вы еще недовольны! Говорите, однакожъ, откровенно,— идете ли съ нами или нѣтъ? (*Воодушевляясь*). Если кто изъ васъ посмѣетъ хоть пикнуть противъ насъ, сейчасъ же тому розмозжу лобъ. Не забудьте, что у насъ оружіе, а вы безоружены. Ну что,— съ нами? (*Мужики хранятъ угрюмое молчаніе. Криницкій подходитъ къ одному изъ крестьянъ*). Ты съ нами?— отвѣчай!

Крестьянинъ (*поглядывая на пистолетъ Криницкаго*). Съ вами.

Криницкій (*обращаясь къ другому крестьянину*). А ты съ нами?

Крестьянинъ. Съ вами, паны, (*въ сторону*) трасця вашей матери!

Сурскій. Да что тутъ толковать,— они всѣ пойдутъ. (*Крестьянамъ*) Чрезъ три дня назначено всеобщее возстаніе; съ вашей деревни должно собраться пятьдесятъ человѣкъ. Вооружитесь цѣпами, косами и явитесь въ пятницу къ полудню въ Вѣлицкую карчму;—слышите?

Крестьяне. Слушаемъ.

Сурскій. Ну, теперь отправляйтесь по домамъ. (*Крестьяне уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ крестьянъ.

Сурскій. Кажется, они убѣдились.

Криницкій. Да, кажется.

Дубовскій. Несомнѣнно, что они убѣдились. Вотъ-то зададимъ москалямъ. Виватъ Польша! Подайте вина! (*Паны пьютъ*). Кохаймысе браця!

Криницкій. Смерть москалямъ!

Всѣ въ голосъ. Смерть, смерть москалямъ!

Сурскій. Виватъ сицилійскія вечерни!

(*Занавѣсъ опус-кается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Площадь еврейскаго мѣстечка, кругомъ ее еврейскія корчмы. Вправо нѣсколько краковскихъ бричекъ съ провизіей, при нихъ часовые.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сурскій, Криницкій, Павловскій, Дубовскій, Брониславъ, Станиславъ, Лейбка, ксендзъ, шляхта, жиды, жидовки и жидята; въ отдаленіи Вирный, Степанъ и крестьяне. (*Паны и шляхта вооружены пистолетами, сиблями и кинжалами, а мужики косами, топорами и цѣпами.*)

Сурскій. Такъ ты съ нами, Лейбка?

Лейбка. Якзе! съ вами, съ вами, ясне вельмозны пане.

Сурскій. Цѣлымъ кагаломъ.

Лейбка. Да, да, цѣлымъ кагаломъ, коль Богъ святъ, цѣлымъ кагаломъ!

Сурскій. А обѣдъ будетъ хорошій?

Лейбка. Хоросій ясне вельмозный пане, оценъ хоросій!

Сурскій. Ну, помни-же, что если покормишь насъ такъ какъ вчера— гнилой говядиной, то мы тебя повѣсимъ.

Лейбка. Ой вей, я. в. п! Какъ Богъ святъ, обѣдъ будетъ прекрасный; вола только сегодня зарѣзали.

Сурскій. Москалей побьемъ?

Лейбка. Побьете, я. в. п., ей Богу побьете. Всѣхъ перебьете: и губернатора, и исправника, и генераловъ, и офицеровъ, и простыхъ солдатъ.... всѣхъ, всѣхъ.

Сурскій. Вина довольно?

Лейбка. Для сляхты боцка вина, а для музиковъ двѣ боцки водки.

Сурскій. Хорошо, хорошо.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и еще нѣсколько человѣкъ шляхты и становой.

Сурскій. Ведутъ становаго.

Брониславъ. Ха-ха-ха! Вотъ то будетъ комедія!

Станиславъ. (*Въ сторону*). Комедія недостойная насъ!

Сурскій. (*Становому*). Какъ вацпанъ смѣлъ держать сторону москалей. Вѣдь вацьпанъ полякъ.

Становой. Я истый полякъ,—но что же мнѣ было дѣлать,—меня могли сослать въ Сибирь.

Сурскій. А вотъ мы вацьпана накажемъ.

Криницкій. (*Тихо*). Панъ коммисаръ! намъ неприлично быть свидѣтелями этой комедіи. Оскверняетъ нашу честь и дисциплину въ арміи.

Сурскій. Да это будетъ такъ забавно. (*Паны и шляхта окружають становаго*).

Криницкій. (*Опять тихо*). Какъ хотите, а намъ—главноначальствующимъ, неприлично оставаться здѣсь; вѣдь весь отрядъ знаетъ, что этотъ подлецъ становой самъ же придумалъ всю эту комедію для того, чтобы, въ случаѣ опасности, не отвѣчать предъ русскимъ правительствомъ.

Сурскій. Не хотите оставаться—то, можете уйдти, а я остаюсь.

Криницкій. Я удаляюсь.

Станиславъ. И я тоже. (*Сба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кромѣ Криницкаго и Станислава.

Сурскій. А вотъ мы пана становаго за то, что держалъ сторону москалей, сейчасъ же, въ примѣръ прочимъ, проучимъ. Геи, шляхта! Достать бидку. (*)

Становой (*съ притворнымъ ужасомъ*). Панъ коммисаръ!—что вы хотите дѣлать со мной? Смилуйтесь пане!

Сурскій. Вотъ сейчасъ увидите, что мы вамъ сдѣлаемъ.

Брониславъ. Ха, ха! Вотъ будетъ весело! (*Шляхта привозитъ двухколку*).

Сурскій. Возмите, шляхта, становаго и привяжите его брюхомъ внизъ къ бидкѣ.

Становой. Смилуйся панъ!

Сурскій. Нѣтъ тебѣ пощады. (*Шляхта привязываетъ становаго къ бидкѣ*). По ниже, по ниже!—ноги пускай тянутся по землѣ! Вотъ этакъ.—Теперь запрягите въ бидку коня и везите бидку вмѣстѣ съ становымъ церемоніалнымъ маршемъ по мѣстечку. (*Шляхта запрягаетъ коня*). Ну, маршъ!—и бейте становаго по спинѣ!

Становой (*тихо шляхтѣ*). Только, пожалуйста паны, не бейте больно. Вы вѣдь знаете, что это дѣлается для того только, чтобы жиды и мужики донесли объ этомъ москалямъ.

Нѣсколько голосовъ. Не будемъ бить больно. (*Бидку везутъ по мѣстечку и показываютъ видъ, что бьютъ становаго*).

Сурскій. Ха, ха! Вотъ комедія!

(*) Бидка-двухколка.

Брониславъ Вотъ весело! (*Въ азартѣ крѣпко колотитъ становаго*).

Становой. Ой, больно, панове! больно! (*Шляхта увлеченная примѣромъ Бронислава тоже серіозно бьетъ становаго*). Ой, ой—смилуйтесь паны! Вѣдь это должно быть только для формы! Ой, ой, больно! Эй ратуйте, пане коммисаръ!

Сурскій. Ха, ха! А ну его! (*Шляхта продолжаетъ бить*).

Дубовскій. Вы этакъ, пожалуй, убьете его. Хорошія шутки! Панъ коммисаръ, прикажите, ради Бога, оставить становаго, онъ хорошій человѣкъ и всегда помогалъ намъ.

Лейбка. (*Сурскому*). Ясне вельмозный пане, онъ билъ прекрасный целовѣкъ. (*Громко*). Пане становой! Я за васъ прошу пана коммисара!

Сурскій. Ха, ха! Его вовсе не бьютъ больно; онъ нарочно такъ кричитъ.

Лейбка, Охъ нѣтъ, ясне вельмозный пане. Пана становаго крѣпко таки бьютъ. Взгляните, вотъ и одезу узе на немъ порвали.

Сурскій. А правда. Ха, ха! Ну хорошо же нашутили! Гей, шляхта! отвяжите становаго! (*Становаго отвязываютъ отъ бидки, на немъ порвали платье*).

Становой (*почесывая спину*). Ухъ! Хорошо шутили! Помяли же мнѣ бока!

Сурскій. Ну теперь на мировую, пане становой.

Становой (*кричитъ*). Но помните, что вы меня силой взяли!

Сурскій. Разумѣется, силой. Теперь когда вы уже были наказаны за дружбу съ москалями, мы вамъ прощаемъ, а въ знакъ мира, выпьемъ вина! Гей, шляхта! Вино, доставленное жидами, сами можете выпить,— вѣрно дрянь; намъ же достать изъ обоза старку пана Павловскаго и вино, подаренное княземъ Витольдомъ Крезомъ! Князь нашъ старый пріятель, такъ вѣрно прислалъ славное винцо! (*Шляхта достаетъ изъ криков или бричекъ старку, вино и закуски; паны пьютъ и ѣдятъ*).

Дубовскій. Кохаймысѣ браця!

Нѣсколько голосовъ. Кохаймысѣ! Кохаймысѣ. (*обнимаются*).

Сурскій. Благодаря Бога, мы пошутили, повеселились, выпили и закусили, такъ пора приняться и за дѣло! Панъ адъютантъ!—Пойдите и пригласите пана полковника, скажите ему, что пора начать военный совѣтъ. (*Брониславъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ Бронислава.

Сурскій. Пока прійдетъ панъ полковникъ выпьемъ по стаканчику за дорогую ойчизну. (*Паны опять пьютъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Криницкій, Станиславъ и Брониславъ.

Сурскій. Пора начать совѣтъ, пане полковникъ.

Криницкій. Давно пора, пане коммисаръ.

Сурскій. А между тѣмъ, не угодно-ли вамъ выпить и закусить.

Криницкій. Пожалуй. (*Пьетъ, а съ нимъ Сурскій и прочіе паны*).

Сурскій. Теперь примемся за дѣло. Предсѣдателемъ совѣта, конечно, буду я, вицепредсѣдателемъ—панъ полковникъ; членами — панъ подполковникъ Павловскій, ксендзъ Гиляры, панъ маіоръ Дубовскій, панъ капитанъ Станиславъ, а секретаремъ панъ адъютантъ Брониславъ. Гей, шляхта! принесите столъ, стулья, перо и чернило! (*Паны садятся кругомъ стола, предсѣдательское мѣсто занимаетъ Сурскій*). Совѣтъ начатъ.

Криницкій. Панове шляхта! прошу не шумѣть.

Сурскій. Вамъ, пане Павловскій, какъ старшему изъ насъ лѣтами, слѣдуетъ начать рѣчь. Говорите ваше мнѣніе.

Павловскій. По дошедшимъ до насъ слухамъ, московская рота солдатъ находится не вдалекѣ отъ насъ. По моему мнѣнію, нашему отряду слѣдуетъ немедленно отступить въ сосѣдній Ловицкій лѣсъ, укрыться тамъ и ожидать подкрѣпленій...

Станиславъ (*перебивая отца*). Какъ! намъ отступать предъ москалями?

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло. (*Обращаясь къ совѣту*). Потомъ намъ слѣдуетъ перейдти австрійскую границу, ожидать въ Галиціи нападенія москалей, и тамъ разбить ихъ на голову. Мнѣ-же старому, съ Станиславомъ, съ Кравскимъ и еще со многими изъ моихъ сосѣдовъ слѣдуетъ возвратиться въ м. Дудковцы и тамъ, образовавъ аріергардъ арміи, слѣдуетъ устроить лазаретъ для нашихъ раненныхъ и караулить плѣнныхъ москалей.

Станиславъ. Ежели наши отступятъ въ Галицію, а мы останемся въ Дудковцахъ, то мы будемъ не въ аріергардѣ, а въ авангардѣ арміи, и тогда, чего добраго, по малочисленности нашей, москали насъ разобьютъ.

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло. Не слушайте его, панове,—онъ вздоръ мелетъ. Москали насъ не разобьютъ, потому что мы будемъ поступать хитро, дипломатически; мы и виду не покажемъ предъ москалями, что мы повстанцы, и будемъ себѣ сидѣть тихонько, какъ буто бы ничего и не бывало, а между тѣмъ будемъ дѣло дѣлать.

Криницкій. Я не согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, пане Повловскій, потому что вы вздоръ мелете. А вы панъ коммисаръ?

Сурскій. Я тоже не согласенъ.

Павловскій. Право, послушались бы меня, паны!

Криницкій. Вздоръ, вздоръ!

Сурскій. Чистѣйшая галиматья!

Станиславъ. Я тоже отвергаю мнѣніе моего отца.

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло!

Станиславъ. Нѣтъ, ужъ извините, батюшка, я тоже членъ совѣта.

Павловскій. Хорошій совѣтчикъ! Давно ли у васъ, паничъ, молоко подъ носомъ обсохло?

Сурскій. Какъ бы то ни было, но мнѣніе пана подполковника отвергается. Пане Дубовскій, говорите теперь ваше мнѣніе.

Дубовскій. Шановные панове! Вы вѣдь знаете, что я не военный человѣкъ.

Станиславъ. Нѣтъ вовсе надобности быть военнымъ для того, чтобы знать стратегію. Стоитъ только имѣть здравый смыслъ.

Сурскій. Правда, правда! Храбрый молодой человѣкъ разсуждаетъ очень логично, я вѣдь тоже никогда не служилъ въ военной службѣ, а между тѣмъ, благодаря Бога, не ударю лицомъ въ грязь на военномъ совѣтѣ и въ схваткѣ съ москалемъ.

Криницкій. Говорите ваше мнѣніе, пане маіоръ.

Дубовскій. Сейчасъ, сейчасъ! (*задумывается*).

Сурскій. Да говорите же скорѣй. Неужели вы лишены дара слова и логики?

Дубовскій. Нѣтъ, благодаря Бога, природа не отказала мнѣ въ здравомъ смыслѣ. (*Послѣ минутнаго молчанія*). И такъ, шановный панъ предсѣдатель совѣта, шановный ксендзъ Гиляры, шановный панъ вицепредсѣдатель и прочіе шановные панове члены, намъ предстоитъ освободить ойчизну, т. е. ниспровергнуть ненавистное московское иго. Не такъ ли, панове?

Криницкій. Такъ, такъ, говорите далѣе!

Дубовскій. Чтобы достигнуть нашей цѣли, т. е. чтобы достигнуть полнаго успѣха, я предлагаю при встрѣчѣ съ москалями стрѣлять по нихъ дружно, вотъ этакъ—пафъ, пафъ, пафъ! Потомъ рубить ихъ саблями и колоть кинжалами, а ежели который либо изъ нихъ будетъ кричать: пардонъ! пардонъ!—т. е. ежели захочетъ сдаться въ плѣнъ, то и брать его въ плѣнъ. Потомъ намъ слѣдуетъ... Впрочемъ намъ болѣе ничего не слѣдуетъ дѣлать—бить да бить москалей, да и дѣло съ концемъ. Я уже высказалъ свое мнѣніе, собирайте голоса другихъ членовъ.

Станиславъ. Ну, много же вы сказали!

Дубовскій. Не взыщи, коханый пане Станиславъ. Чѣмъ богаты тѣмъ и рады... Впрочемъ, какъ кажется, мое мнѣніе очень основательно, потому что все дѣло въ томъ, чтобы какъ можно болѣе бить москалей.

Криницкій. Однанакожъ, какъ я вижу въ совѣтѣ мало толку.

Ксендзъ Гиляры. Позвольте мнѣ, покорному слугѣ Божьему сказать нѣсколько словъ.

Сурскій. Говорите, говорите, ксендзъ Гиляры.

Ксендзъ Гиляры. По моему мнѣнію все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно болѣе истреблять москалей и чтобы какъ можно менѣе подвергать нашихъ опасности и подставлять свои лбы подъ московскія пули.

Сурскій. Правда, правда!

Павловскій. Какъ Богъ святъ правда!

Ксендзъ Гиляры. Чтобы достигнуть этой цѣли, я предлагаю слѣдующій планъ:—мы выступимъ изъ мѣстечка и остановимся въ двухъ верстахъ отсюда, въ Петровской рощѣ, а передъ выступленіемъ убѣдимъ нашихъ союзниковъ—евреевъ, чтобы они, когда прійдутъ москали, предложили имъ, будто бы изъ рвенія къ московскому дѣлу, водки и закусокъ, въ которые конечно, подсыпано будетъ достаточное количество яду. Голодная саранча—москали, какъ жадныя собаки, кинутся на даровой пиръ. Наѣвшись мышьяку,стрихнины вскорѣ москали начнутъ околѣвать, а въ то время, когда они будутъ терзаемы предсмертными муками мы явимся изъ рощи и, при помощи Божіей, начнемъ докалачивать умирающихъ и перебьемъ тѣхъ изъ москалей,которые по какому либо случаю, не отвѣдали нашего гостепріимства.

Брониславъ. Вотъ то будетъ картина!

Вирный (*въ сторону вдали*). Трасця вашей матери.

Степанъ (*тоже въ сторину*). О, бисовые ляшки!

Сурскій. Чудный, чудный вашъ планъ, ксендзъ Гиляры! Я вполнѣ съ нимъ согласенъ и душевно радуюсь, что добрый геній вамъ внушилъ подобную, геніальную мысль.

Павловскій. Видно ксендзъ Гиляры, что вы усердно молитесь Богу что провиденіе озаряетъ васъ вдохновеніемъ свыше.

Дубовскій. Да, да—планъ великолѣпный.

Криницкій. Планъ, конечно хорошъ,но гдѣ, ксендзъ пробощъ, евреи возмутъ столько яду? Я думаю, что у нихъ нѣтъ запаса, а до ближайшей аптеки сорокъ верстъ, да въ аптекѣ и не выдадутъ яду.

Сурскій. Пустое, пане полковникъ! Въ аптекѣ ядъ возьмемъ силой.

Криницкій. Для того, чтобы взять ядъ силой, нужно снарядить въ Черниговъ, гдѣ ближайшая аптека экспедицію, а для этого потребуется времени не мѣнѣе двухъ или даже трехъ сутокъ, москали же можетъ явятся здѣсь даже чего добраго и завтра, и намъ не слѣдуетъ ослаблять себя.

Сурскій. Правда.

Ксендзъ Геляры. Но можетъ быть у евреевъ есть ядъ.

Сурскій. А вотъ, спросимъ. Лейбка! Лейбка!

Лейбка. Слусаю, ясне вельмозный пане.

Сурскій. Есть у васъ ядъ?

Лейбка. Ядъ? Ой, вей! Къ цему вамъ ядъ?

Сурскій. Послѣ узнаешь, теперь же отвѣчай—есть ли у васъ ядъ, или нѣтъ?

Лейбка. Нѣтъ, ей Богу, нѣтъ! Къ цему вамъ ядъ?

Сурскій. Да видишь ли, мы хотимъ предложить вамъ въ награду за ваше усердіе весьма выгодную аферу. Мы выступимъ изъ мѣстечка, а когда прійдутъ сюда москали, то вы, будто бы изъ усердія, предложите имъ водку и закуски и подсыпите яду. Мы будемъ недалеко, и когда москали начнутъ околѣвать, то мы явимся и доколотимъ ихъ. Потомъ, въ награду за вашъ подвигъ, одежду, все имущество и московскую казну мы даримъ вамъ, а себѣ возьмемъ только оружіе.

Лейбка (*въ сторону*). Славно было бы, да цортъ возьми, опасно. (*Сурскому*). Ахъ, какъ заль, цто у насъ нѣтъ яду! Вотъ то славно было бы! Паны побѣдили бы, а намъ была бы славная позива. Я себѣ воображаю, какъ бы это было хоросо: москали мрутъ и лись только который либо изъ нихъ испуститъ духъ, я узе тутъ какъ тутъ, засовываю руку въ карманъ умерсаго и достаю вотъ этакій толстѣйсій бумазникъ, а въ бумазникѣ все сѣринькія, да сторублевыя (*воодушевляясь*) а позалуй и кошельки полные червонцевъ и полуимперіяловъ! Ой, вай! Пойду-ка я довѣдаюсь, нѣтъ ли у кого изъ насихъ яду! (*Опомнившись*). Впроцемъ напрасный трудъ!—нѣтъ у насъ въ мѣстечкѣ яду. Ой, вей нѣтъ, нѣтъ!

Сурскій. Жаль, очень жаль.

Ксендзъ. Не вретъ ли жидъ?

Сурскій. Къ чему ему вратъ,—ихъ же была бы пожива.

Дубовскій. Правда, правда.

Павловскій. Жиды никогда не откажутся поживиться.

Криницкій. И такъ, хотя мнѣніе ксендза Гиляраго и весьма достохвально, но на этотъ разъ, къ сожалѣнію, отъ его плана мы должны отказаться. Впрочемъ мы его будемъ имѣть въ виду и сейчасъ же сообщимъ эту богатую мысль въ Варшаву. Между тѣмъ, пока что, намъ нужно обдумать какимъ образомъ уничтожить москалей, которые, по слухамъ, находятся теперь не вдалекѣ отъ насъ.

Сурскій. Да что тутъ долго толковать! Завтра прійдетъ къ намъ на помощь отрядъ изъ Кременецкаго уѣзда, а послѣ завтра пойдемъ прямо на москалей, разобьемъ ихъ и дѣлу конецъ.

Станиславъ. Я согласенъ съ мнѣніемъ пана коммисара.

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло. Панове! Къ чему торопиться?

Дубовскій. Двумъ смертямъ эн бывать, а одной не миновать:—пойдемъ на москалей!

Сурскій. И такъ большинствомъ голосовъ рѣшено, что послѣ завтра мы покончимъ съ москалями.

Станиславъ. Рѣшено, пане коммисаръ.

Павловскій. Дуракъ!

Криницкій. Мы это давно знаемъ, что нужно бить москалей; но нужно рѣшить какъ именно это сдѣлать, т. е.

нужно составить стратегическій планъ, опредѣливъ въ точности кому быть въ арьергардѣ, кому въ авангардѣ и такъ далѣе.

Сурскій. Вы военноначальникъ, такъ это ваше дѣло. Распоряжайтесь, какъ знаете.

Криницкій. Нужно написать диспозицію; это принято во время военныхъ дѣйствій. Панъ адъютантъ! берите листъ бумаги и пишите.

(*Брониславъ беретъ бумагу и перо*).

Сурскій. Диктуйте, пане полковникъ.

Криницкій. Пишите, пане адъютантъ. Панъ Станиславъ съ пятидесятью отборными воинами будетъ въ авангардѣ.

Станиславъ. Отъ души благодарю васъ, пане полковникъ, за честь; надѣюсь доказать, что люблю ойчизну.

Павловскій (*въ сторону*). Дуракъ,— дуракъ!

Криницкій. Я никогда не сомнѣвался въ вашей храбрости, благородный молодой человѣкъ. Панъ Павловскій съ частью пѣхоты будетъ начальствовать на правомъ крылѣ.

Павловскій (*въ сторону*). Ахъ, обрѣжутъ мнѣ крылья! (*Сурскому*) Я не могу начальствовать крыломъ, я имѣю на то основательныя причины.

Криницкій. Какъ!—вы отказываетесь?

Павловскій. Увѣряю васъ, что я имѣю основательныя причины. Позвольте мнѣ объясниться. Извѣстное дѣло, что во всякомъ дѣлѣ центръ, т. е. средоточіе, есть дѣломъ первой важности и что всѣ дѣйствія нужно приноравливать къ центру; я же старъ и подслѣповатъ, а такъ какъ крылья обыкновенно бываютъ далеко отъ центра, то я не только не въ состояніи буду приноравливаться къ центру, но даже не увижу его.

Дубовскій. Правда, правда!

Павловскій. Я пожертвую въ пользу ойчизны еще пять тысячъ, но позвольте мнѣ быть въ аріергардѣ.

Сурскій. А вѣдь панъ подполковникъ имѣетъ резонъ! Дѣйствительно, онъ не можетъ успѣшно распоряжаться крыломъ, не видя центра.

Криницкій. Ну, хорошо;—правымъ крыломъ будетъ командовать панъ Дубовскій.

Дубовскій. Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать, хорошо—я буду командовать правымъ крыломъ.

Криницкій. Лѣвымъ крыломъ не хотите ли командовать вы, ксендзъ Гиляры? Мы дадимъ вамъ всадниковъ.

Ксендзъ Гиляры. Охотно.

Криницкій. Центромъ я буду командовать. Въ аріергардѣ, подъ начальствомъ пана Павловскаго, будутъ русины. Что же касается пана коммисара, то, по моему мнѣнію, ему слѣдуетъ быть въ аріергардѣ, обозрѣвать орлинымъ окомъ поле битвы, и въ тоже время писать въ Варшаву рапортъ о побѣдѣ, и представлять къ наградамъ болѣе отличившихся въ бою.

Сурскій. Хорошо, хорошо, пане полковникъ! Я напередъ обѣщаю представить васъ въ генералы.

Криницкій. Покорнѣйше благодарю. Теперь я изложу вкратцѣ дальнѣйшій ходъ компаніи. Покончивъ съ незначительнымъ отрядомъ, который находится теперь не вдалекѣ, пойдемъ въ Житоміръ, завоюемъ этотъ городъ, повѣсимъ тамъ губернатора, потомъ пойдемъ въ Кіевъ и приступомъ возмемъ эту крѣпость. Въ Кіевѣ оставимъ гарнизонъ и сами пойдемъ помагать нашимъ отрядамъ, воюющимъ въ Литвѣ, гдѣ московскій главныи начальникъ дерзаетъ не на шутку препятствовать нашимъ планамъ. Возмемъ Брестъ и Бобруйскъ. Потомъ образуемъ три арміи: одну возлѣ Кіева—и завоюемъ Малороссію, вторую возлѣ Смоленска—и возмемъ Москву, третью пошлемъ за Двину и будемъ угрожать Петербургу, а ежели москали будутъ продолжать упорствовать, то возмемъ и этотъ городъ. Прогонимъ москалей за Волгу.

Ксендзъ Гиляры (*подсказывая*). И за Бѣлое море.

Криницкій. Не мѣшайте, ксендзъ Гиляры. И такъ, прогнавъ москалей за Волгу, мы великодушно предложимъ имъ миръ, откажемся отъ завоеванныхъ московскихъ провинцій—на чорта намъ эти кацапы— и возстановимъ Польшу только въ предѣлахъ 1612 года.

Станиславъ. Великолѣпный планъ! Виватъ! Да здравствуетъ Польша!

Брониславъ. Виватъ, виватъ!

Дубовскій. Кохаймысѣ браця!

Сурскій. Виватъ! подайте вина! (*Паны пьютъ и обнимаются*).

Станиславъ. Я вижу пыль столбомъ возлѣ рощи.

Брониславъ. Вѣрно стадо гонятъ изъ пастбища.

Станиславъ. Не можетъ быть,— еще рано.

Павловскій. Гдѣ ты видишь? Я ничего не вижу.

Станиславъ. Это толпа пѣшихъ людей.

Сурскій. Ужь не москали ли?!

Павловскій. Москали?—пане полковникъ, не лучше ли намъ отступить?

Дубовскій. Право, лучше отступить.

Станиславъ. Стыдно вамъ, стыдно!

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло!

Криницкій. Это москали,— я вижу, какъ блеститъ ихъ оружье. Къ оружью! Къ оружью!

(*Все приходитъ въ движеніе, на площади страшная суматоха, жиды и жидята прячутся въ корчмы*).

Дубовскій. Ахъ, Боже мой! Какъ шибко они приближаются!

Павловскій. Даже уже и я ихъ вижу (*Кричитъ что есть мочи*). Спасайся, кто какъ можетъ!

Криницкій. Такъ егомосць подговариваетъ къ бѣгству! Сейчасъ же застрѣлю васъ.

Павловскій. Смилуйся, пане полковнику! (*Бѣжитъ*).

Криницкій. Жаль, что со мной нѣтъ моего револьвера. (*догоняетъ Павловскаго*).

Брониславъ. Я слышу выстрѣлы.

Станиславъ. Мимо меня пролетѣла пуля.

Дубовскій. Ой, ой, пули, какъ мухи лѣтаютъ!... Ой, ой! жужжатъ, какъ комары!

Сурскій. Панове, умираю! (*падаетъ раненный*).

Ксендзъ Гиляры. Въ самомъ дѣлѣ, намъ слѣдуетъ отступить; ихъ штуцера бьютъ за версту, а наши дубельтувки, извѣстное дѣло, не хватаютъ и трехсотъ шаговъ.... Іезусъ, Марія, Іузефѣ свѣнты!... Я тоже раненъ! (*падаетъ, а вслѣдъ за нимъ еще нѣсколько человѣкъ*).

Брониславъ. Бьютъ нашихъ, какъ мухъ. Убѣжимъ, Станиславъ!—убѣжимъ скорѣй!

(*Криницкій, поймавъ Павловскаго тащитъ за воротъ на авансцену*).

Павловскій. Кругомъ смерть!

Криницкій. Только ради жены вашей и дѣтей дарую вамъ жизнь!

Павловскій. Охъ, не жартуйте, пане Криницкій, а лучше и сами спасайтесь. (*Опять хочетъ бѣжать*).

Вирный. Погодите, пане Павловскій! Не торопитесь! Гей, хлопцы! Вяжите-ка ихъ милость.

Степанъ. Всѣхъ перевяжемъ, всѣхъ до одного!

Вирный. Сдадимъ ихъ москалямъ.

Павловскій. Охъ Вирный, голубчикъ, смилуйся! Сто карбованцевъ дамъ.

Вирный. (*Не отвѣчая Павловскому*). Вяжите его! (*Крестьяне кидаются къ Павловскому и связываютъ ему назадъ руки*).

Станиславъ. (*Криницкому, который находится въ опьяненіи*). Мы погибли! Козаки заняли мостъ и намъ отрѣзали путь къ отступленію!

Криницкій. (*Опомнившись*). Къ оружью, къ оружью! Перебьемъ прежде измѣнниковъ руссиновъ, а потомъ пойдемъ на москалей.

Вирный. Свяжите, хлопцы, и старшину. (*Криницкій сопротивляется, но крестьяне обезоруживаютъ его, одолѣваютъ и вяжутъ*). Ахъ вы ляшки—панки съ вашими пустыми, соломенными головами! Не предсказывалъ ли я вамъ, что васъ скрутятъ? Теперь же, когда уже сбылось мое предсказаніе, такъ знайте, что отнынѣ и во вѣки вѣчныя народу нашему: ляшки—враги, москали—родные братья, а царь—нашъ отецъ и благодѣтель!

(*Занавѣсъ опускается*).

Н. Д. Шигаринъ.

НѢТЪ БОЛѢЕ ПОЛЬШИ! (1)

Отъ переводчика.

Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1865 года во французской литературѣ появилось сочиненіе одного изъ участниковъ—любителей въ послѣднемъ шляхетско-польскомъ мятежѣ, француза, Луціана Фука. Для каждаго изъ русскихъ интересъ этой книги несомнѣненъ: это чуть-ли не первое сочиненіе во французской литературѣ, которое имѣетъ правдивый и вѣрный взглядъ на мятежъ, на край и на польскую народность. Замѣтьте, что это пишетъ бывшій инсургентъ, а слѣдовательно бывшій сторонникъ поляковъ, не имѣвшій, конечно, побужденій говорить объ нихъ неправду и льстить ихъ непріятелямъ. Въ предлагаемомъ нами извлеченіи изъ этого сочиненія, мы старались сохранить всѣ основныя мысли автора, выбирая мѣста, рельефнѣе обрисовыванныя, стараясь въ то же время выбрать самые несомнѣнные факты, приводимые въ подтвержденіе, и за тѣмъ прошли молчаніемъ обыкновенное французское резонерство и болтовню.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

3-го апрѣля 1864 года въ газетѣ «La Presse» было напечатано: «Мы получили отъ г-на Луціана Фукъ, служившаго майоромъ въ рядахъ польской инсурекціи отъ апрѣля до сентября 1863 года, слѣдующее письмо:

Марсель, 25 марта 1864 г.

«Возвращаюсь изъ Польши, гдѣ я сражался съ москалями отъ апрѣля до сентября 1863 г. Опасно раненный 8 сентября при Туробинѣ, когда былъ убитъ Лелевель, я остался плѣнникомъ у русскихъ до октября, пока здоровье не позволило мнѣ

(1) Послѣ тѣхъ лжей и клеветъ, которыми переполнена была французская пресса на счетъ польскаго бунта, для насъ и частію для всей Европы имѣетъ особенное значеніе сочиненіе Луціана Фука, а намъ пріятно для паралели, послѣ безпристрастнаго отзыва англичанина Вилькинсона, помѣстить полный же отзывъ о Польшѣ и ея мятежѣ француза Фука. Гармонія воззрѣній ихъ на предметъ, окончательное его изученіе, ручаются за несомнѣнность истины, неискаженной, подобно другимъ отзывамъ французской и англійской прессы, купленымъ или безмездныхъ пристрастіемъ или невѣдѣніемъ. Ред.

возвратиться во Францію. Проѣзжая Галицію, я былъ взятъ австрійцами и посаженъ въ краковскую крѣпость; но въ ноябрѣ того же года мнѣ удалось однако вернуться въ отечество. Прибывъ во Францію, я былъ пораженъ невѣжествомъ отечественной журналистики: между всѣми писателями не нашлось ни одного, который бы честно и открыто разъяснилъ положеніе дѣлъ,— напротивъ почти всѣ безъ исключенія старались запутать и скрыть его передъ глазами публики, и изо всѣхъ многочисленныхъ журналовъ только одна La Presse осмѣливается говорить правду. Все, что до сихъ поръ было писано въ пользу польскаго народа, есть въ сущности собраніе ложныхъ взглядовъ и убѣжденій, происходящихъ отъ невѣрныхъ данныхъ. Парижскій инсуррекціонный комитетъ принялъ за правило удалять всѣхъ иностранцевъ, которые могли бы вблизи присматриваться къ польской націи и печатать потомъ результаты своихъ наблюденій. Небольшое число французовъ, прибывшихъ въ Польшу, должны были содержаться въ бандахъ на свой счетъ, что и ставило ихъ въ необходимость тотчасъ-же возвращаться.

Я оставался однимъ изъ послѣднихъ, слѣдовательно могу скорѣе чѣмъ кто-либо дать точныя свѣдѣнія и доказать ихъ самыми неопровержеными фактами, а потому я рѣшился издать свои записки, раздѣливъ ихъ на семь отдѣльныхъ частей:

1) Общій взглядъ на край и на дѣла въ немъ происходящія.

2) Подробное изученіе всѣхъ классовъ польскаго народа, разборъ понятій, надеждъ, обычаевъ каждаго изъ нихъ и связывающія ихъ общественныя отношенія.

3) Цивилизація поляковъ въ настоящемъ положеніи и въ положеніи, которое они сами ей приписываютъ.

4) Что такое въ сущности инсуррекція.

5) Далѣе, доказываю, что польская нація ограничивается нѣсколькими тысячами дворянъ съ фанатико-деспотическими и отсталыми убѣжденіями, тогда какъ въ Россіи идеи лучшихъ мыслителей положительно демократическія, и что потому Польша не можетъ быть въ числѣ европейскихъ государствъ.

6) На основаніи предъидущаго, я дѣлаю значительныя выписки, съ ясными доводами истины моихъ положеній, не боясь нападенія и заранѣе принимая на себя отвѣтственность за все, мною сказанное.

7) Наконецъ я оканчиваю свои записки исторической за-

мѣткою, въ которой провожу параллель между Польшею и Россіею.

Рукопись мою передастъ вамъ одинъ изъ служившихъ въ Польшѣ постоянно подъ моимъ начальствомъ . . .

Примите и т. д.

Луціянъ Фукс.»

Это письмо заключало въ себѣ основную мысль моего труда. На другой день газета Siecle отвѣчала между прочимъ, что ни разсудокъ, ни честность не должны позволить газетѣ La Presse «задѣвать уважаемыхъ людей, составляющихъ польскій комитетъ, и называть лживыми журналами тѣ, которые съ самаго начала возстанія (напрасно русскіе пробуютъ подавить его) не выставили ни одного факта бездоказательно» и т. д. Едва-ли найдутся сочувствующіе такимъ восклицаніямъ.

Любопытно было-бы знать: поднимется ли еще когда нибудь польскій вопросъ. Но если поднимется, то и необходимо, чтобы всѣ тѣ, которые сколько нибудь знакомы съ Польшею, доставляли свѣдѣнія о настоящемъ положеніи этого края, какъ стараюсь дѣлать это я, рѣшаясь напечатать свои замѣтки, дабы разъ навсегда этотъ вопросъ былъ окончательно обсужденъ и рѣшенъ, въ виду его дѣйствительной важности. Конечно, необходимо, чтобы эти свѣдѣнія были непреложною истиною и основывались на личныхъ наблюденіяхъ; чтобы понять духъ народа, оцѣнить его врожденныя побужденія и наклонности, необходимо жить тою жизнью, которая двигаетъ этотъ народъ, дѣлить его привычки и подчиняться мѣстнымъ обычаямъ. За свой трудъ я могу поручиться, потому что, какъ инсургентъ—иностранецъ, я не могъ не жить народною польскою жизнію, а слѣдовательно имѣлъ возможность пристально приглядѣться ко всему. Далѣе, кромѣ бытности моей въ Польшѣ, я ранѣе перешелъ чрезъ всѣ строгія инсуррекціонныя испытанія въ Италіи, а слѣдовательно былъ въ этомъ дѣлѣ не новичекъ, и если у меня составилось непоколебимое убѣжденіе, то значитъ оно имѣетъ прочное основаніе.

Послѣ напечатанія начала моего труда, появились въ разныхъ газетахъ порицанія его, а потому, въ видѣ предисловія къ моему сочиненію, не лишнимъ считаю передать отрывки замѣчательнаго письма, помѣщеннаго 12 апрѣля въ газетѣ la Presse однимъ изъ ревностныхъ моихъ защитниковъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ.

Парижъ, 4-го апрѣля 1864 г.

«Несправедливо было-бы утверждать, что я сдѣлался польскимъ волонтеромъ, единственно увлекшись передовыми статьями нѣкоторыхъ журналовъ: я всегда думалъ, что польская нація угнетена и, воскреснувъ рано или поздно, должна смѣло идти подъ знаменемъ свободы по пути прогресса и либерализма. Но я не зналъ тогда исторіи этой націи и, надѣясь на возстановленіе ея, сталъ въ ряды инсургентовъ. Въ самомъ началѣ, я былъ пораженъ однимъ обстоятельствомъ: парижскій комитетъ не только не снабдилъ меня необходимыми свѣдѣніями, но, напротивъ, всѣми мѣрами старался отвлечь отъ моего предпріятія, говоря, что Польша не нуждается въ помощникахъ. Далѣе, я узналъ, что болѣе 7,000 наемниковъ, записанныхъ въ комитетѣ г. Аркуръ, не отправились въ Польшу, по причинѣ очень понятной: польскій народовый жондъ, стремясь къ одной цѣли, т. е. возстановленію деспотической власти, не могъ окружить себя такими либеральными людьми, какъ парижане. Въ Краковѣ я былъ не менѣе удивленъ: вмѣсто того, чтобы застать громадную дѣятельность и видѣть во всемъ вліяніе учредительной коммиссіи, я встрѣтилъ только сотни пролетаріевъ различныхъ націй, венгерцовъ, молдованъ, итальянцевъ и т. д., шатающихся по кабинетамъ, а нелѣпый комитетъ ощупью работалъ по составленному заранѣе плану, не соображаясь съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Тогда грубая политика краковскаго комитета стала мнѣ вполнѣ понятна: почти каждый мѣсяцъ имъ собирались сотни наемщиковъ, вооружались ружьями и бросались на границы, откуда послѣ незначительной стычки, разбитые и разсѣянные русскими войсками, возвращались снова въ Краковъ, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ возобновить свои нападенія; цѣль комитета между тѣмъ была достигнута: слѣдовало, во чтобы то ни стало, сдѣлать какую нибудь демонстрацію на границахъ, чтобы затѣмъ послать телеграму въ Парижъ съ извѣстіями о баснословныхъ побѣдахъ и дать возможность журналамъ разсыпаться въ восклицаніяхъ: «Какова сила возстанія?!! Не смотря на жестокость москалей, инсуррекція не прекращается, и храбрые поляки снова одержали блистательную побѣду!!!»

И дѣйствительно, національное польское правительство, желая вызвать вмѣшательство Франціи тщательно старается какъ можно болѣе поддержать возстаніе, и надо правду ска-

вать, что учредивъ центръ инсуррекціи въ Галиціи, т. е. внѣ русскаго вліянія, дала тѣмъ ей всѣ средства къ продолжительному существованію: польскимъ мужикамъ никогда не приходило въ голову съ оружіемъ идти на русскихъ и раззорять самихъ себя въ виду интересовъ своихъ пановъ. Часто въ деревняхъ мужички не давали намъ даже куска хлѣба и ополчались на насъ съ крикомъ: «Экіе псы, а еще благородные!» Польскіе волонтеры дурно вооружены, находятся подъ управленіемъ самыхъ неспособныхъ начальниковъ, и всѣ усилія правильно организовать эти шайки остались тщетными. Говоря исключительно о жизни мятежниковъ, не лишнимъ считаю прибавить, что ни одинъ походъ не продолжался болѣе восьми дней сряду. Послѣ первой встрѣчи съ русскими, сопровождаемой обыкновенно пораженіемъ, мы разбѣгались. Далѣе надо-ли еще прибавить, что знаменитые польскіе косиньеры и зуавы существовали только на картинкахъ различныхъ журналовъ и въ плодовитомъ воображеніи ихъ достопочтенныхъ корреспондентовъ. Народъ польскій вовсе не сочувствовалъ движенію пановъ, и очень понятно почему: со временъ феодальнаго управленія, когда еще самое невыносимое иго тяготѣло надъ несчастными крѣпостниками вплоть до 17 столѣтія, когда мужикъ уподоблялся животному, съ тѣхъ еще поръ произошелъ окончательный нравственный разрывъ польскихъ крестьянъ съ ихъ владѣльцами и, естественно, что мужики страшатся инсуррекціи, прямымъ слѣдствіемъ которой будетъ возобновленіе прежняго порядка вещей, т. е. возвращенія барщины, притѣсненія и жестокаго, безграничнаго деспотизма. Вотъ почему я утверждаю, что крестьянъ-инсургентовъ нѣтъ, и что послѣдніе не болѣе какъ наемники выходцы изъ венгерцовъ, неимѣющихъ средствъ возвратиться на родину, французовъ, числомъ не болѣе пятнадцати, заранѣе предназначенныхъ на полицейскія мѣста, и служащихъ подъ вымышленными именами, какъ и самъ Лелевель (1), и наконецъ изъ мелкихъ польскихъ дворянъ шляхты, для которыхъ возстаніе не болѣе какъ средство къ поживѣ. Я часто задавалъ себѣ вопросъ: что станется съ этими инсургентами, когда совершенно погаснетъ возстаніе? и приходилъ къ тому заключенію, что они

(1) Лелевель тщательно скрывалъ свое настоящее имя и оно до сихъ поръ неизвѣстно.

положительно умрутъ съ голода. Если прибавимъ нѣсколько тысячъ дворянъ, которые составляютъ комитеты, закупаютъ и перевозятъ оружіе и боевые запасы,— то передъ нами *вся польская инсуррекція*. И эту горсть дворянъ называютъ *польской націей*, тогда какъ сотрудники ихъ и русскіе, и австрійцы, и пруссаки, и кто хотите, но только не народный польскій элементъ.

Напрасно думаютъ, что глава народоваго жонда живетъ въ Варшавѣ; мы ежедневно видѣли курьеровъ, снабженныхъ инструкціями и бумагами, выѣзжающихъ изъ Польши и привозившихъ затѣмъ приказанія высшаго подземнаго правительства. Да и къ чему было-бы жонду подвергать себя опасности, скрываясь въ Варшавѣ, когда во всѣхъ концахъ Европы, онъ могъ расположиться совершенно покойно. Конечно, въ Варшавѣ, какъ и въ другихъ городахъ, собирались комитеты, но главные зачинщики были внѣ отечества. Изъ всего сказаннаго выводимъ заключеніе, во 1) польская нація—мечта, во 2), что возстановить Польши, или правильнѣе сказать, передать господство русскихъ на польской землѣ панамъ, невозможно.

Теперь становится ясно, что это *пробужденіе народа*— не что иное какъ искусно устроенный хитрыми и алчными людьми заговоръ, очень вѣрно названный интригою дворянъ и ксендзовъ. Послѣдніе въ Польшѣ имѣютъ громадное вліяніе надъ женщиною, въ свою очередь польская женщина держитъ въ рукахъ и управляетъ мужскимъ поломъ, и такимъ образомъ возстаніе, возбужденное главнымъ образомъ фанатиками-ксендзами, имѣетъ характеръ чисто религіозный. Чрезвычайно странно, что Франція, сочувствуетъ людямъ совершенно ложнаго направленія и принимаетъ ихъ за особую національность.

Русскимъ приписываютъ жестокость, но въ сущности русскіе, какъ и другіе народы, были поставлены въ необходимость выполнять жестокія обязанности войны, которая не можетъ обойтись безъ кровопролитія. Нельзя оправдывать того, что достойно порицанія: преслѣдованіе женщинъ существуетъ, но употребленіе кнута—сущая выдумка. Въ жестокости поляки превосходили русскихъ; если къ намъ въ руки попадались непріятельскіе солдаты,— мы ихъ вѣшали и вообще, если кто стѣснялъ насъ, будь онъ даже полякъ, мы находили средства отъ него избавиться. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ членовъ краковскаго комитета точилъ ножъ, чтобы зарѣзать главнаго

начальника австрійской полиціи *Сістовскаго.* При мнѣ также разстрѣляли во дворѣ одного замка поляка-начальника, за то, что онъ заявилъ жонду какія-то претензіи. *А. Калаваз.*

Но этимъ письмомъ мои соперники не удовольствовались и 13 апрѣля, мы прочли слѣдующія письма въ газетѣ Siecle:

I-е письмо.

«Надѣюсь, что намъ, какъ служащимъ въ отрядѣ Лелевеля офицерамъ позволено будетъ передать въ точности тѣ факты, на которыхъ г. Луціану Фуку измѣняетъ память.— Я служилъ капитаномъ, въ качествѣ адъютанта Лелевеля, отъ начала до конца инсуррекціи и лично зная весь составъ его отряда, могу засвидѣтельствовать, что ни одного француза подъ именемъ *Фукъ* у насъ не было, и что 8 сентября сраженіе при Туробинѣ не могло быть, такъ какъ 6 числа, въ моемъ присутствіи, Лелевель былъ убитъ при Баторзѣ, и весь отрядъ его тотчасъ разбѣжался. Я отвѣчаю честью за справедливость моихъ показаній. Въ концѣ моего письма выставлены мое имя и мой адресъ; но такъ какъ у меня въ Польшѣ есть родные, то мнѣ хотѣлось, чтобы фамилія моя не была напечатана, дабы этимъ не подвергнуть родственниковъ преслѣдованію русскихъ властей.»

II-е письмо.

Я командовалъ отдѣльною частью отряда Лелевеля, и последнее время находился вблизи отъ главнаго корпуса. 6-го сентября при Баторзѣ бой начался съ моего отряда, и въ началѣ сраженія я былъ опасно раненъ; гораздо позже я узналъ, что въ то же время былъ убитъ Лелевель. Утверждаю также, какъ и товарищъ мой S., что ни въ корпусѣ Лелевеля, ни въ цѣлой Галиціи не было француза Луціана Фукъ. Мы принуждены скрыть то чувство, которое намъ внушаетъ только что прочтенное нами отъ 3 апрѣля письмо, но надѣемся, что представится случай вполнѣ выразить это чувство тому, кто возбудилъ его.

Подпись-же мою я позволяю всюду печатать.

Командующій отдѣльнымъ отрядомъ резервнаго корпуса г. Лелевеля

Владиславъ Островскій.

P. S. Мы находимъ лишнимъ отвѣчать на письма, такъ какъ готовы подтвердить свои показанія въ присутствіи господъ Калаваза и Фука.

Не смотря однако на такія рѣзкія выходки господъ поляковъ, у меня тотчасъ появились защитники въ газетѣ «le Nord», а Presse поспѣшила изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное этою пошлостью, напечатавъ слѣдующее: «Мы могли бы тотчасъ опровергнуть показанія господъ поляковъ такъ какъ г. Калавазъ, служившій постоянно подъ начальствомъ г-на Фука въ Польшѣ, теперь находится въ Парижѣ; но мы ожидаемъ отвѣта изъ Марсели и надѣемся, что получимъ подробное описаніе сраженія 8 сентября 1863 года, которое уже разъ было напечатано въ 1863 году въ Presse, и не вызвало никакихъ возраженій. На правдивость г. Фука пало подозрѣніе, но мы увѣрены, что онъ съумѣетъ пристыдить тѣхъ, которые бездоказательно обвиняютъ его во лжи.»

Надо замѣтить, что, во время войны, мои письма помѣщались въ разныхъ журналахъ, но никто не думалъ опровергать ихъ, на томъ основаніи, что я писалъ въ духѣ польскихъ партизановъ, и въ случаѣ надобности нашелъ бы подтвержденіе всему, о чемъ я ни писалъ, хотя бы даже и противъ убѣжденій. Хорошо знакомый съ тактикою поляковъ, я не былъ удивленъ случившимся, но тотчасъ поспѣшилъ отвѣтить и оправдать себя, говоря, что, какъ иностранецъ, я легко могъ ошибиться названіемъ мѣста сраженія, потому что въ Польшѣ имена мѣстъ не такъ точно обозначены какъ во Франціи. Противуположные концы Туробина и Баторза находятся на разстояніи 7 французскихъ лье. Сраженіе происходило въ юго-восточной сторонѣ Баторза и послѣдніе солдаты были захвачены въ Туробинѣ, такъ какъ русскіе пресѣкли отступленіе въ лѣсъ, составляющій границу Галиціи. Я принадлежалъ къ шайкѣ К..., разсыпанной за нѣсколько дней до пораженія Лелевеля. Сопровождаемый нѣсколькими иностранцами, которые впослѣдствіи были всѣ убиты, я прибылъ на мѣсто сраженія, не смотря па то, что имѣлъ еще время скрыться, тогда какъ всѣ бывшіе съ нами поляки не послѣдовали нашему примѣру, а сочли за лучшее бѣжать куда глаза глядятъ. И такъ, возвращаясь къ мѣсту сраженія, я подтверждаю, что не въ одномъ только этомъ случаѣ одно и тоже сраженіе обозначалось нѣсколькими различными названіями; да вдобавокъ и сами эти господа развѣ не могли ошибиться. Допуская, однако, что вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ, память могла измѣнить мнѣ, — и я ошибся числомъ, позволяю

себѣ однако совершенно основательно замѣтить, что это обстоятельство не могло нисколько измѣнить положенія дѣлъ въ Польшѣ, и что для общества все равно былъ-ли я маіоромъ или чѣмъ другимъ служилъ тамъ. Правду сказать, я очень мало горжусь этимъ титуломъ, потому что въ толпѣ возставшихъ, названныхъ *польскою арміею*, большая часть генераловъ не была бы въ состояніи выполнить обязанности капрала, и даже не отъ незнанія дѣла, а отъ неспособности. Въ этомъ случаѣ припоминаю старинную французскую пословицу: «въ царствѣ слѣпыхъ и кривой будетъ королемъ.»

И такъ весь вопросъ заключается въ томъ дѣйствительно ли я былъ участникомъ въ польской инсуррекціи, что я берусь доказать неоспоримыми фактами, припоминая вмѣстѣ съ тѣмъ господамъ полякамъ, что всѣ французы, какъ я говорилъ выше, служили не подъ своимъ именемъ. Если-же отвѣтъ мой не удовлетворитъ господъ поляковъ, то они могутъ адресоваться прямо ко мнѣ для личнаго объясненія. Обращаюсь къ панамъ С. и Островскому. Господа! по видимому серьозное нападеніе ваше вызываетъ съ моей стороны положительное оправданіе. Вамъ, быть можетъ, было легко получить черезъ ваши связи, удостовѣреніе въ томъ, что вы дѣйствительно служили подъ начальствомъ Лелевеля, и что послѣдній былъ убитъ не 8-го числа въ Туробинѣ, а 6 въ Баторцѣ. Далѣе вамъ, конечно, хорошо извѣстно, гдѣ производится дѣланіе фальшивыхъ документовъ, которые въ послѣдніе три года обманываютъ всю Европу; что-же касается меня, то мнѣ рѣшительно невозможно и обличить васъ во лжи въ такомъ мелочномъ обстоятельствѣ и я ограничусь ясными доводами того факта, что, къ несчастію принималъ участіе въ польской инсуррекціи. Если бы въ тотъ день, когда я былъ взятъ въ плѣнъ русскими, я послѣдовалъ общему примѣру и обратился въ бѣгство, то у меня и до сихъ поръ сохранились бы многія приказанія и документы, объясняющія до мельчайшей подробности даже самые маловажные факты! Къ несчастью, обычная храбрость неопытныхъ французовъ много повредила намъ: когда герои патріоты обратились въ постыдное бѣгство, мы послѣдними оставались на полѣ сраженія и, очень ясно,— попадали или въ плѣнъ или платились жизнью за свою храбрость. Однако документы, говорящіе о моей личности, не лишены нѣкоторой важности, и такъ

какъ я намѣренъ приступить къ изслѣдованію этого вопроса, то вотъ изъ чего они состоятъ:

1. Три письма г. Казиміра Остойа, секретаря парижскаго польскаго комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Браницкаго.

2. Письмо отъ г. Восяжели, президента цюрихскаго комитета, въ Швейцаріи.

3. Письмо изъ канцеляріи одного значительнаго лица, имя котораго я обязанъ скрыть для приличія.

4. Письмо г. Вавина, вице-президента французскаго комитета, подъ предсѣдательствомъ герцога Аркуръ.

5. Приказы комиссаровъ варшавскаго комитета, въ люблинскомъ палатинатѣ, и предписанія мѣстнымъ жителямъ—снабжать меня лошадьми и экипажами.

6. Билетъ, открывающій мнѣ доступъ къ одному изъ членовъ революціоннаго комитета и маршрутъ подписанный весьма извѣстною личностью въ Галиціи.

7. Письма гг. Мезонъ, Артинъ, Калавазъ, Дагеза, Бакъ и другихъ, которые могутъ формально заявить о томъ, что знали меня и служили въ одно со мною время въ Польшѣ.

8. Письмо отъ г. Каминскаго, изъ парижскаго комитета.

9. Списокъ инсургентовъ, завербованныхъ въ Краковѣ.

10. Множество писемъ со штемпелями польскихъ почтъ, адресованныхъ или на мое настоящее имя, или на вымышленное, подъ которымъ я скрывалъ свое происхожденіе. Между этими письмами было одно отъ должностнаго чиновника, состоящаго на австрійской службѣ, которое я подвергаю суду публики.

Милостивый Государь,

Посылаю вамъ саблю вашу по почтѣ. Это вѣрнѣе чѣмъ всякимъ другимъ путемъ. Неужели вы рѣшились насъ совсѣмъ оставить? Если-бы я (ничтожный атомъ польской націи) могъ удержать васъ здѣсь, то считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, зная какъ вы можете быть полезны въ правомъ дѣлѣ нашего несчастнаго отечества. Мы находимся нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ людей безчестныхъ, называющихъ себя патріотами, и къ несчастію это горькая истина! Вы жалуетесь на то, что видѣли, но не думайте, что эгоизмъ и недоброжелательство — въ характерѣ поляковъ. Вы напали на людей тупоумныхъ, которые не сумѣли оцѣнить вашего само-

отверженія; но простите имъ: они не патріоты. Надѣюсь, что вы перемѣните еще свое рѣшеніе. Прошу васъ принять и т. д.

Р. М.

Я получилъ это письмо въ то время, когда собирался перейдти границу, для присоединенія къ одной изъ бандъ. Р. М. намекалъ на одинъ разговоръ, въ которомъ я высказалъ ему мое намѣреніе возвратиться во Францію и сдѣлаться врагомъ польскаго вопроса, что и случилось. Молодой-же человѣкъ, проповѣдующій мнѣ, разбитому тѣломъ и терпящему всевозможныя лишенія, о моемъ эгоизмѣ и о большемъ самоотверженіи, былъ свѣжій и здоровый малый, который за цѣлое царство, не пожертвовалъ бы своимъ домашнимъ благосостояніемъ. Онъ не сдѣлалъ для отечества и сотой части того, что дѣлаетъ всякій иностранецъ; да правду сказать, всѣ они были схожи между собою.

11. Мой паспортъ, засвидѣтельствованный и скрѣпленный русскою полиціею, которая не забыла приложить къ нему неизгладимое клеймо своего герба.

12. Наконецъ, ко всему этому можно присоединить медицинское свидѣтельство того доктора, который меня лѣчитъ, и удостовѣреніе всѣхъ лицъ переписывавшихся со мною во время компаніи (1).

Изъ всего приведеннаго выше вы можете удостовѣриться, господа, что я сражался въ виду интерессовъ вашего отечества. Вы утверждаете, что не знаете меня. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? То,— что и я васъ не знаю. Вы отталкиваете волонтеровъ-иностранцевъ, которые были на столько глупы, что честно служили вамъ? За то теперь во Франціи всѣ скоро поймутъ окончательно, изъ за-чего вы бьетесь, и такъ какъ мы болѣе всего любимъ наше отечество и наши граждане не захотятъ жертвовать спокойствіемъ его, какъ это дѣлаютъ польскіе вельможи, то и понятно, что положеніе ваше и роль, которую вы до сихъ поръ играете передъ французами, выясняясь болѣе и болѣе, становится не совсѣмъ завидною. Правду ска-

(1) Страннымъ можетъ показаться, что, прослужа въ оберъофицерскомъ чинѣ польской арміи, я не прилагаю грамотъ отъ начальства, но онѣ были конфискованы русскими. Всѣ бумаги съ гербомъ подземнаго правительства не имѣли большой силы, такъ какъ, при первой опасности, мы должны были уничтожать ихъ.

зать, я весьма доволенъ, что вы услыхали обо мнѣ только во Франціи, гдѣ оружіемъ владѣютъ честно, и гдѣ изъ за угла неубиваютъ, здѣсь жондъ не отравитъ меня, какъ онъ это сдѣлалъ съ отцемъ Павловскимъ, не зарѣжетъ, — какъ Куцинскаго, и не поразитъ топоромъ какъ генерала Трепова. Рано или поздно правда всплыветъ, не смотря на всѣ ваши старанія скрыть ее, и общество удостовѣрится, что оно было долгое время обманываемо вашимъ іезуитизмомъ. Однако пора прекратить этотъ щекотливый разговоръ. Какъ только здоровье позволитъ мнѣ возвратиться въ Парижъ, я буду имѣть честь лично съ вами объясняться, и если тогда вы будете считать себя еще не удовлетворенными, — мы найдемъ средство съ вами расквитаться.

Въ ожиданіи пріятнаго свиданія, прошу принять увѣреніе въ совершенной готовности и т. д.

Луціанъ Фукъ.

Черезъ нѣсколько времени я увѣдомилъ гг. С. и Островскаго, что не намѣренъ оставить безъ послѣдствія начатаго дѣла. Къ несчастію, глубокая рана въ груди, требующая ежедневной перевязки, лишаетъ меня возможности пріѣхать въ Парижъ. Кромѣ того, на нѣкоторое время закрывшаяся рана въ правомъ бедрѣ, нанесенная штыкомъ, снова открылась, и я не въ состояніи перенести 20-ти часовой переѣздъ. Эти обстоятельства хорошо извѣстны жителямъ Марселя, которые всѣ меня знаютъ и уважаютъ. На слѣдующій день въ газетѣ „Presse“ было напечатано, что въ ея редакціи получено много писемъ, утверждающихъ, что въ польской арміи дѣйствительно служитъ Луціанъ Фукъ, и что представленный мною документъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній въ справедливости (1). Но „Siecle“ этимъ не удо-

(1) Я передаю здѣсь мое благодарное письмо, г. Эмилю Мезонъ, за его благородное заступничество въ моемъ дѣлѣ: „Мы встрѣчались съ вами два раза: въ Италіи и Польшѣ, т. е. въ двухъ противуположныхъ концахъ Европы, гдѣ думали найдти угнетенные народы, которые справедливо домогаются своихъ правъ. Въ первый разъ — мы не ошиблись, потому что въ Италіи движеніе было вызвано самою жизнію. Во второй-же разъ мы положительно были въ заблужденіи. Польскій народъ, или точнѣе говоря, шляхта, домогался не возстановленія, а конституціи. Безпечность, фанатизмъ и нерадѣніе поляковъ-дворянъ, вполнѣ объясняютъ преданность и вѣру крестьянъ

вольствовалась, и напечатала, что въ отвѣтъ на предста-
ленные мною документы, она имѣетъ таковые-же, и гото
представить ихъ на судъ общества. Это общество одна
давно убѣдилось въ недобросовѣстности газеты „Siécle
конечно, стоитъ только быть немного способнымъ или прос
умѣть поболтать, и пачканіе бумаги несравненно будетъ уд
нѣе, чѣмъ подвергаться опасности участвовать въ компаніи
въ видахъ демократическихъ партій. Въ качествѣ франц
скаго гражданина, я всемъ пожертвовалъ, что у меня бы
для польскаго вопроса, и даже болѣе чѣмъ могъ; но кро
непрятностей это мнѣ ничего не доставило. Однимъ с
вомъ... я обѣднѣлъ...., и хотя это не безчестно, но въ ин
случаяхъ очень непріятно. Изъ всего предъидущаго я

въ русское правительство, неутомимо старающееся соедин
поляковъ и сформировать изъ нихъ народъ. Мы не увлек
самолюбіемъ и эгоизмомъ, и по мѣрѣ возможности стара
выказать французамъ вещи въ ихъ дѣйствительномъ видѣ,
къ несчастію цѣль наша дурно понята, и правда съ тру
выплываетъ. Отчаяваться не стоитъ! Рано или поздо ис
восторжествуетъ, если такіе благородные люди, какъ вы
дутъ о томъ стараться. Не странно-ли, что всѣ истинные д
краты возвращаются изъ Польши, и совершенно одина
судятъ о ней? И не странѣе ли еще тогда кажутся тѣ пр
ворѣчія, которыя встрѣчаютъ ихъ.

Еще разъ принося вамъ душевную благодарность, п
при случаѣ разсчитывать на меня.

Луціанъ Фукъ.

Говоря о письмѣ я долженъ признаться, что г. Э. М
разстался съ инсуррекціею не потому, чтобы его личныя у
денія измѣнились, напротивъ цѣль для него остается т
но онъ не одобряетъ средства къ достиженію ея, и въ
мы съ нимъ не сходимся. Онъ желаетъ и считаетъ возмож
освобожденіе сословія съ содѣйствіемъ крестьянъ, а гла
остается по-прежнему защитникомъ польской національн
Тѣмъ болѣе его отзывъ обо мнѣ имѣетъ силу и тѣмъ ме
можно заподозрить въ пристрастіи ко мнѣ. Впрочемъ,
самъ долгое время былъ такихъ убѣжденій и уже впослѣ
отказался отъ нихъ, когда опытъ довольно ясно пок
мнѣ, что среднее сословіе не могло существовать подъ
ніемъ папства и р.-католическаго духовенства. Характеръ
ляковъ и евреевъ до того схожъ между собою въ отстал
взглядахъ, что, казалось бы, этимъ народамъ суждено и
рука объ руку. Это фактъ, который признанъ не одн
мною.

...ил такое заключеніе: во 1-хъ, что надо себя вести чрезвычайно осторожно относительно журналовъ, защищающихъ угнетенныя національности, и во 2-хъ, что господа поляки потому такъ серьозно обратили вниманіе на мой трудъ и ...ли кричатъ обо мнѣ въ журналахъ, что я первый высказалъ горькую истину объ ихъ отечествѣ. Но не думаю, чтобы подобная система газетныхъ криковъ могла много ...ить инсуррекцію. Во всякомъ случаѣ я заявляю, что тогда ...ю сойду съ каѳедры, когда противники поставятъ меня въ возможность дѣйствовать физически и морально. Пора, чтобы свѣтъ узналъ наконецъ, что дѣйствительно происходитъ въ ...шѣ: люди безпристрастные сознаютъ, гдѣ истина, въ моемъ разсказѣ, или въ басняхъ газеты Siecle.

Въ то время, какъ я кончалъ предисловіе въ которомъ хо...ъ объяснить читателямъ права мои на разбирательство ...скаго вопроса, дошло до моего слуха, что соперники мои ...а затѣваютъ противъ меня какую-то интригу. Пробовали ...ла разпустить слухъ, что Фукъ не существовалъ въ Поль... затѣмъ говорили, что есть Фукъ, служащій офицеромъ въ ...раторской гвардіи, но что онъ все время находится без...но въ полку. На это возразили, что у гвардейскаго офи... г. Евгенія Фукъ естъ братъ, который въ апрѣлѣ 1863 г. ...вился въ Польшу. Тогда поляки стали говорить, что, ...тно, какой нибудь интриганъ вкрался въ Польшу подъ ...емъ Фука; спрашивается, какимъ-же образомъ гг. С. и ...овскій утверждаютъ, что имя Фукъ не было извѣстно въ ...лѣ? Для разъясненія такихъ недоразумѣній, всѣ возвра...іеся изъ Польши французы намѣрены прислать адресъ за ...мъ подписокъ противъ польской партіи (1). Нечего, по...

---

(1) Изъ участниковъ—иностранцевъ въ польской инсуррекціи ...особенно замѣчателенъ г. Рошебрюнъ, который скрылся ...въ апрѣлѣ 1863 года, какъ извѣстно по слухамъ, вслѣдствіе ...наго же моему разочарованія во взглядѣ на польскій в...съ. Напечатанная въ газетѣ Presse прокламація генерала ...ебрюнъ къ полякамъ служитъ доказательствомъ, что онъ ...чувствовалъ демократической партіи, въ главѣ которой ...лъ Мѣрославскій. Вотъ эта прокламація.

Парижъ, 14 апрѣля 1863 года.

Поляки!

...осдѣ арестованія диктатора Лангевича я съ минуту коле...я, думая присоединиться къ Мѣрославскому. Но, погово...

слѣ всего представленнаго читателямъ, и говоритъ, что всѣ обвиненія противъ меня идутъ отъ поляковъ. Навѣрное въ журналахъ, защищающихъ польскій вопросъ, на дняхъ будетъ напечатано, что авторъ статьи «Нѣтъ больше Польши»! не кто иной, какъ убійца президента Пуанео! и тому подобное. Но такъ какъ здѣсь меня нельзя умертвить ни стрихниномъ, ни кинжаломъ, то пусть жондъ довольствуется тѣмъ, что бросаетъ мнѣ грязью въ лицо: онъ замѣтитъ, быть можетъ ужъ поздно, что грязь пачкаетъ руки. Видно мои статьи весьма обличительнаго свойства и не по вкусу полякамъ: что они такъ ихъ опасаются. Май 1864 года.

(Продолженіе впредь).

ПИСЬМА О ПАПСТВѢ.

ПИСЬМО 9-е.

Папа и его подданные.

Сколько бы римскіе писатели не усиливались доказать міру, что папа любитъ своихъ подданныхъ, какъ дѣтей, а подданные любятъ своего папу государя, какъ отца,--какъ бы ни идеализировали они состояніе Церковной области,— они не передѣлаютъ исторіи, которая говоритъ намъ а., что не проходило столѣтія безъ того, чтобы папамъ не пришлось

ривъ съ нимъ четверть часа, я достаточно его понялъ и смѣло могу сказать, что онъ всегда принесетъ отечество въ жертву своему самолюбію и гордости. Съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ во Францію, партизаны вербуютъ солдатъ отъ моего имени. Поляки! знайте, что въ тотъ день, когда Мѣрославскій станетъ въ главѣ революціи, я вложу саблю въ ножны, потому что тогда дѣло польское будетъ проиграно. Скоро я возвращусь и, съ помощью людей благородныхъ, для которыхъ единственная цѣль— освобожденіе отечества, я снова перейду границу; и буду храбро сражаться. Солдаты! вы меня всюду встрѣтите, гдѣ можно будетъ драться съ москалями и всегда впереди всѣхъ. До скораго свиданія! (*)

Генералъ-маіоръ, начальникъ смертоносныхъ зуавовъ.

Рошебрюнъ.

(*) Не зачѣмъ было такому храбрецу увеличивать и безъ того длинный списокъ генераловъ—шкинеровъ! Извѣстно, какъ г. Рошебрюнъ исполнилъ свое хвастливое обѣщаніе. Ред.

бѣжать безъ оглядки изъ Рима, спасаясь отъ ярости своихъ «любезныхъ дѣтей» (1) и б., что только штыками иноземныхъ государей папы могли прокладывать себѣ дорогу обратно въ Римъ. Правда римскіе писатели всегда стараются показать, что иниціатива возстанія выходила не отъ народа, всегда довольнаго папскимъ управленіемъ, что всевозможныя революціи суть неболѣе какъ продѣлка отъявленнѣйшихъ демократовъ революціонеровъ и т. п., или же прямо дѣло врага человѣческаго рода, который хочетъ нанесть этимъ вредъ церкви римской, «этой хранительницѣ свободы церковной, проповѣдницѣ цивилизаціи христіанской» и пр. и пр., но вѣдь мало ли что могутъ сказать ретивые защитники свѣтской власти папъ?.. Оставимъ ихъ въ покоѣ, пусть они восторгаются прелестями свѣтскаго папскаго управленія—и обратимся къ фактамъ исторіи.

Нельзя сказать, чтобы подданные папы были слишкомъ требовательны. Когда Пій IX въ 1846 г. объявилъ амнистію политическимъ преступникамъ и только высказалъ намѣреніе быть болѣе либеральнымъ правителемъ, чѣмъ были его предшественники, восторгъ подданныхъ папы не имѣлъ предѣловъ. Когда Климентъ III, жившій внѣ Рима, вслѣдствіе революціи, далъ обѣщаніе признать существованіе римскаго сената, кторый долженъ былъ избираться ежегодно и расходовать третью часть доходовъ на благоустроеніе Рима и только,—подданные папы чуть не на рукахъ внесли его въ Римъ. (1188 г.). Можно было бы привести много подобныхъ фактовъ. Но и изъ приведенныхъ вы можете уже видѣть, что не требовательность римлянъ, не увлеченіе ихъ край-

---

(1) Замѣчательно, съ одной стороны то, что революціи въ Римѣ возникаютъ и ниспровергаютъ папское правительство чрезвычайно скоро;— такъ, напр., въ февралѣ 1831 г. революція положила конецъ папскому правительству въ теченіи *четырехъ дней*, а съ другой— то, что нигдѣ народъ не высказываетъ такой ненависти къ падшему правительству, какъ въ Римѣ. По оставленіи, напр, Рима Піемъ VI, подданные папы преслѣдовали всѣхъ слугъ своего бывшаго государя и все то, что имѣло хоть какую нибудь связь съ римской куріей и грозили смертью всякому, кто рѣшился бы объявить себя приверженцемъ папы. Особенно жестоко поступали съ папскими приверженцами въ Авиньонѣ: вицелегатъ папскій былъ убитъ и выброшенъ изъ окна третьяго этажа.

не революціонными, демократическими тенденціями были причинами столь частыхъ революцій въ Церковной области. Есть другая причина этого явленія: причина эта заключается въ самой системѣ папского управленія Церковной областію.

Я не буду пускаться въ мелкія подробности касательно устройства Церковной области. Для моей цѣли достаточно указать на нѣсколько крупныхъ и характеристическихъ фактовъ.

Вы совершенно будете согласны со мной, когда скажу, что одна изъ главнѣйшихъ заботъ каждаго правительства должна заключаться въ томъ, чтобы съ одной стороны необременять подданныхъ большими налогами, а съ другой, чтобы эти налоги разпредѣляемы были какъ можно равномѣрнѣе. Это такая истина, понять которую, кажется, нетрудно; а между тѣмъ папское правительство какъ будто рѣшительно не въ состояніи понять ее. Фактовъ въ подтвержденіе этой мысли не мало. Укажу хоть, напр., на хлѣбную продажу, введенную Иннокентіемъ X. (1644-55). Система продажи хлѣба, введенная этимъ папой, состояла въ томъ, что онъ предоставилъ себѣ монополію продажи хлѣба. Крестьянинъ не имѣлъ права самъ продавать хлѣба ни своимъ землякамъ, ни иностранцамъ, а долженъ былъ вести свой хлѣбъ, за исключеніемъ нужнаго для его самаго количества, въ папскія кладовыя и продать его по опредѣленнымъ самимъ папой цѣнамъ. Хлѣбопеки въ свою очередь не могли покупать хлѣба внѣ Церковной области, а должны были закупать его въ папскихъ кладовыхъ, при чемъ папы естественно могли брать цѣну, какую имъ было угодно. Можно представить себѣ, какіе доходы приносила папамъ эта монополія и какъ она разоряла народъ! Папа Климентъ V. (1305—16) поступилъ еще лучше. Онъ предалъ проклятію Венецію за то, что она не хотѣла принять на извѣстное время въ ленную отъ себя зависимость разоренную провинцію Феррару съ платой папѣ 20,000 дукатовъ еже-

(1)., Такъ, напр., однажды въ городѣ Фано (въ области Анконской) нужно было поправить стѣны городскія (это было въ 1271 г.) и такъ какъ денегъ у города на этотъ предметъ было мало, то городское управленіе предложило богатымъ монастырямъ помочь городу. Что же духовенство? Епископъ запретилъ оказывать какую либо помощь городу.

годно. Т. е. лишь бы было у папы 20,000 дукатовъ, а что будетъ съ разоренной провинціей,— до этого ему мало было дѣла. За чѣмъ же впрочемъ уходить въ сторону— развѣ нынѣ не тоже дѣлается? Тоже, совершенно тоже. Въ папскомъ бюджетѣ на 1866 г., утвержденномъ финансовой консультой, доходу предполагается 6,489,962 скуди или на наши деньги около 8,663,239 р. 20 к. Сколько же приходится каждому подданному папы? Всѣхъ жителей въ папской области 690,000 но изъ этого числа нужно исключить покрайней мѣрѣ 90,900 неплатящихъ никакихъ податей: духовенство (66,000) и другихъ лицъ привиллегированныхъ, принадлежащихъ къ высшему сословію. Стало быть 8,693,239 р. должны уплатить 600,000 человѣкъ, Поэтому расчету приходится платить каждому жителю среднимъ числомъ болѣе, чѣмъ по 14 р. Но это еще не все. Изъ предполагаемаго дохода нельзя употребить ни копѣйки на дѣйствительныя нужды, потому что однихъ процентовъ на государственный долгъ причитается около 6,700,000 скудъ. Чтожъ тутъ дѣлать? Не обложить же духовенство податями: этого допустить нельзя. Трудно надѣяться и на то, чтобы духовенство само предложило пособіе государству: папское духовенство не любитъ жертвовать,— оно любитъ только брать. (2.) Остается, слѣдовательно, обратится къ народу. Такъ и дѣлаютъ. Поступаютъ при этомъ двоякимъ образомъ: или прямо взыскиваютъ съ народа деньги, какъ, напр., взыскиваютъ *мѣсячную долю* торговой пошлины *14 разъ* въ годъ, или же обращаются къ его благотворительности. Трудно, повидимому, ожидать хорошихъ результатовъ отъ обращенія къ благотворительности народа разореннаго правительствомъ, но только повидимому... Дѣло въ томъ, что призываютъ къ благотворительности приходскіе священники, а отказать своему приходскому священнику, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ,— значитъ нажить себѣ въ его лицѣ злѣйшаго врага и вызваться на множество непріятностей, иногда очень— очень чувствительныхъ.... Чтожъ удивительнаго послѣ всего этого, если подданнымъ «святаго отца» очень хочется пос-

(2). Замѣчательно при этомъ то, что чиновники изъ духовныхъ получаютъ несравненно болѣе жалованья, чѣмъ свѣтскіе. Духовные среднимъ числомъ получаютъ по 4838 франковъ, а свѣтскіе по 514 фр.

корѣе раздѣлаться съ этимъ любвеобильнымъ правительствомъ, которое умѣетъ только разорять своихъ подданныхъ.

Изъ министерства финансовъ отправимся въ министерство юстиціи. Не веселыя картины встрѣчаютъ насъ и здѣсь и не много нужно употребить времени для убѣжденія себя, что и въ этомъ отношеніи подданнымъ папы крайне плачевно. Вся почти Церковная область сверху до низу управляется священиками и монахами. Способно ли извѣстное духовное лицо занять извѣстную должность (по *закону* всѣ высшія мѣста должны быть заняты непремѣнно духовными: прочія могутъ быть заняты и свѣтскими) объ этомъ въ Римѣ не спрашиваютъ. Такъ напр. судная кардинальская палата только на половину состоитъ изъ правовѣдовъ, другую половину составляютъ духовные, которые объ юриспруденціи не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Далѣе. Въ числѣ трехъ высшихъ судей по дѣламъ гражданскимъ только одинъ ученый юристъ, остальные два члена духовные, тогда какъ нѣтъ даже никакого опредѣленнаго кодекса, которымъ можно было руководиться при сужденіи о гражданскихъ преступленіяхъ. Значитъ, что судьи скажутъ, то и вѣрно. Мало и этого. Каждая корпорація, каждый значительный владѣлецъ имѣетъ еще привиллегіи, по которымъ онъ, совершивъ преступленіе даже уголовное, имѣетъ право отказаться отъ обязанности оправдываться предъ обыкновеннымъ судомъ. Особенно этимъ правомъ хорошо пользуются духовные. Совершивъ преступленіе, монахъ, или священникъ могутъ требовать, чтобы ихъ судилъ не обыкновенный судъ, а судъ священный, члены котораго только духовные,—а кто не знаетъ, что свой своему по неволи братъ? И случаются такія, напр., вещи, что священнику, обвиненному въ умышленномъ убійствѣ, запрещаютъ только священнодѣйствовать извѣстный поріодъ времени... Наконецъ есть въ Церковной области и такія присутственныя мѣста, которыхъ не отыщешь ни въ какомъ другомъ государствѣ. Такъ напр. «Трибуналъ Св. Петра». Это присутственное мѣсто имѣетъ право прежде опредѣленнаго закономъ времени «*тайно*» разсматривать завѣщаніе каждаго умершаго р. католика, чтобы видѣть не отказалъ ли онъ чего нибудь Св. Петру и его церкви, или нельзя *ли внесть въ это завѣщаніе безвредно для наслѣдниковъ чего либо такого что было бы выгодно для церкви*...,..

Таково судоустройство въ Ц. области. Прибавьте къ этому еще то обстоятельство, что въ Церковной области не можетъ быть и рѣчи о личной свободѣ, что тамъ всякій сбиръ и полицейскій имѣетъ совершеннѣйшее право, безъ всякаго приказанія свыше, подъ своей только отвѣтственностію, арестовать и засадить въ тюрьму всякаго, кого ему угодно, и вы поймете хорошо ли живется подданнымъ папы. А что я говорю правду; это не трудно доказать.

Въ числѣ 683 плѣнныхъ, заключенныхъ 31 августа 1855 г. въ тюрму болонской крѣпости, было не менѣе 124 такихъ преступниковъ, которые не могли быть обвинены ни въ какомъ преступленіи и засажены, какъ говорила тюремная запись, только «изъ предосторожности». А какъ содержатъ заключенныхъ въ тюрьмахъ, объ этомъ ужъ лучше и не спрашивайте. И самыя-то помѣщенія этихъ несчастныхъ таковы, что одно помѣщеніе можетъ свести съ ума. Это кануры, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни свѣжаго воздуха, или глубоко въ сырой землѣ, или высоко подъ раскаленной крышей, кануры, съ такимъ убійственнымъ воздухомъ, въ которомъ и самый здоровый человѣкъ чрезъ нѣсколько дней заболѣетъ. Прибавьте къ этому самое жестокое обращеніе съ узниками, истязанія и пытки, которымъ подвергаются эти несчастные по произволу судей, и вы будете имѣть хотъ слабое понятіе о римскихъ тюрмахъ. Но хуже всего, конечно, участь политическихъ преступниковъ. Когда судятъ бандито и убійцъ, тогда соблюдается еще по крайней мѣрѣ внѣшая форма суда; для политическихъ же преступниковъ нѣтъ и этой милости. Политическіе преступники судятся особымъ судомъ, такъ называемой «св. консультой», въ которой засѣдаютъ только духовные, въ этомъ судѣ не существуетъ очныхъ ставокъ; здѣсь обвиненный не можетъ представить ни одного защитника. Чего же можно ожидать отъ подобнаго суда?... На этотъ вопросъ отвѣчаютъ факты. Извѣстно, что въ первые три года по возвращеніи папы Пія IX въ Римъ, казненно 1,644 политическихъ преступника.

Посмотримъ теперь на полицію. Увы и здѣсь не увидишь ничего отраднаго. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ въ настоящее время государства въ Европѣ, гдѣ бы личность и имущество гражданина были менѣе гарантированы, чѣмъ въ папской области, которая, можно сказать стонетъ отъ воровъ и

разбойниковъ. Въ правленіе папъ Пія VII, Льва XII, Пія VIII, Григорія XVI разбойники пріобрѣли европейскую знаменитость и самое папское правительство увидѣло себя вынужденнымъ заключать съ ними формальные договоры, какъ съ законной властію. Что же дѣлала полиція? Преслѣдовала она бандитовъ? Нѣтъ! Это было не ея дѣло. Напротивъ духовенство папской области нерѣдко состояло (да это бываетъ и нынѣ) въ тайной связи съ разбойниками для достиженія своихъ политическихъ и другихъ цѣлей. И случалось, что начальники разбойниковъ не только уводили того или другаго богача, или знатнаго человѣка для того, чтобы получить огромный выкупъ, но что они сожигали, или разрушали среди бѣлаго дня тѣ деревни и города, чрезъ которые проходили. Разъ въ Болоньѣ—случилось даже такое обстоятельсто. Въ одинъ вечеръ собралось множество болонцевъ въ театръ—послушать новой оперы. Открывается занавѣсъ. Публика смотритъ на сцену и что же видитъ? На сценѣ—человѣкъ сорокъ разбойниковъ. Всѣ они съ ружьями, дула которыхъ прямо направлены на сидящихъ въ партерѣ и ложахъ. Что это значитъ? Вѣрно такъ начинается новоя опера думали зрители, появленіемъ разбойниковъ на сценѣ? Этотъ вопросъ скоро, впрочемъ, разрѣшился. На сценѣ появляется начальникъ разбойниковъ. Онъ читаетъ списокъ людей знатныхъ и богатыхъ, находившихся въ театрѣ и предлагаетъ имъ внести разбойникамъ извѣстную сумму денегъ за всю собравшуюся въ театрѣ публику, если они не хотятъ, чтобы городъ былъ сожженъ. При этомъ начальникъ прибавилъ, что если кто нибудь осмѣлится сдѣлать попытку выйти изъ театра (двери котораго были заперты разбойниками) или закричать о помощи, то онъ прикажетъ стрѣлять въ присутствующихъ. Что тутъ было дѣлать? Чтобы не быть перестрѣляными, рѣшились отдать деньги. Но опять затрудненіе... Чтобы отдать деньги, необходимо было отправиться въ квартиры, потому что на лицо требуемой суммы не было. Но начальникъ разбойниковъ былъ человѣкъ предусмотрительный. Онъ приказалъ имъ отправиться домой. А чтобы они поскорѣе воротились и не подняли крика на улицѣ, онъ окружилъ ихъ разбойниками, которымъ приказано было убивать всякаго, кто сдѣлаетъ попытку просить помощи у проходящихъ. А публика между

тѣмъ должна была сидѣть въ театрѣ и смотрѣть на направленныя въ нее ружья... Наконецъ посланные возвратились, передали начальнику разбойниковъ требуемую сумму и разбойники скрылись, сдѣлавъ ту учтивость, что прежде, чѣмъ ушли, открыли запертые двери театра. Послѣ этого, нужно ли говорить о томъ, защищена ли въ папской области сколько нибудь личность гражданина и его собственность отъ разбойниковъ.

Говорить ли о состояніи образованности въ папской области, о развитіи промышленности и т. подоб... Пожалуй, скажу нѣсколько словъ. Въ папской области считается 7 университетовъ,—но что въ нихъ, когда ни одному ученому не позволятъ преподавать въ университетѣ, если онъ не обяжется защищать папскій обскурантизмъ. Что касается до первоначальныхъ школъ, гдѣ могли бы обучаться дѣти поселянъ, то, увы! ихъ нѣтъ. Папа думаетъ, что заводить эти школы излишняя и пожалуй, не безвредная роскошь, потому что, по его казуистикѣ, народомъ управлять такъ, какъ управляютъ папы можно только тогда, когда онъ погруженъ въ грубомъ невѣжествѣ. Потому все первоначальное воспитаніе предоставляется монахамъ и монахинямъ, умѣющимъ учить народъ только ханженству, да лицемѣрію. И результаты всего этого вотъ какіе: а) изъ всѣхъ подданныхъ папы только 5-я часть можетъ кое какъ читать и писать и в) что нигдѣ нѣтъ столько преступленій, какъ въ папской области. Такъ къ 30 іюня 1855 считалось преступниковъ 4133 человѣка. Изъ нихъ на 25 убійцъ приходится по 1 отцеубійцѣ.... Судите сами, хороша ли у подданныхъ св. отца нравственность.... О промышленности и земледѣліи и говорить нечего. Не смотря на то, что Ц. область обладаетъ безмѣрными естественными богатствами,—и нужно не много только приложить труда, чтобы онъ вознаградился великолѣпнѣйшею жатвою, не смотря на то, что она орошается чудными рѣками, которыя такъ сказать напрашиваются на устройство фабрикъ; не смотря на то, что она владѣетъ великолѣпными гаванями; не смотря, говорю, на все это, Церковная область въ настоящее время есть одна изъ самыхъ бѣднѣйшихъ странъ Европы... Да иначе и быть не можетъ при такомъ отеческомъ управленіи Ц. областію.

Изъ всего сказаннаго не трудно понять, какъ живется подданнымъ папы. Но есть еще одна сторона дѣла, которой я не касался и сторона очень важная. Папа, какъ вы знаете не только государь, но и епископъ. Какъ епископу, ему нельзя не позаботиться о томъ, чтобы его пасомые не только были ограждены отъ всякой возможности измѣнить своей вѣрѣ, но чтобы еще и увеличивалось число вѣрующихъ... Папа объ этомъ и заботиться, но какимъ образомъ... Прежде меня всегда удивляло то обстоятельство, что въ числѣ подданныхъ папы только человѣкъ 200 не католиковъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ положенiемъ иновѣрцевъ въ папской области, это обстоятельство меня ужъ не удивляетъ. Въ самомъ дѣлѣ обратите вниманiе на положенiе, напр. евреевъ. Ни одинъ еврей не можетъ жить въ Римѣ нигдѣ, кромѣ еврейскаго квартала и сообщенiе съ христiанами имъ рѣшительно воспрещено. Если будетъ доказано, что еврей торгуетъ предметами, принадлежащими богослуженiю, напр., богослужебными книгами, то онъ подвергается штрафу въ 200 скуди и тюремному заключенiю въ теченiи года. Точно также строго поступаютъ съ каждымъ, кто безъ дозволенiя правительства удалится изъ Рима, а о комъ два, хоть и наемные, свидѣтеля сказали, что онъ или словомъ, или жестомъ оскорбилъ католическую религiю или ея служителя, тотъ осуждается на смертную казнь. Однимъ словомъ еврей въ церковный области существо безправное, беззащитное. Нынѣ еще существуетъ постановленiе инквизицiи, по которому врачъ, коль скоро будетъ позванъ къ больному еврею, долженъ, прежде прописанiя рецепта, сдѣлать опытъ обратить его въ христiанскую вѣру, если еврей будетъ упоренъ, оставить его тотчасъ, не заботясь о немъ болѣе. Говорятъ еще, будто каждый понедѣльникъ хватаютъ въ Римѣ двухъ—трехъ еврейскихъ мальчиковъ и тащатъ ихъ въ католическую церковь, чтобы сдѣлать христiанами (1). Не лучше житье и христiанъ не католическаго вѣроисповѣданiя. Кто читаетъ газеты, тотъ знаетъ, что за ужасы происходили недавно въ Барлеттѣ. Но если подобныя ве-

(1) Что обычай похищать еврейскихъ мальчиковъ существуетъ, это несомнѣнно: всѣмъ памятна еще исторiя похищенiя Мортары. Я не могу только сказать навѣрно: точно ли каждый понедѣльникъ дѣлаются эти похищенiя.

щи приходится терпѣть протестантамъ внѣ Римской области, то что сказать объ ихъ житьѣ въ Церк. области, гдѣ монахи-фанатики могутъ распоряжаться, какъ имъ угодно.... Вотъ отношеніе, въ какомъ стоитъ папа къ иновѣрцамъ. Посмотримъ теперь какъ предохраняетъ онъ своихъ подданныхъ отъ возможности увлечься какой нибудь ересью. Эта цѣль достигается посредствомъ инквизиціи. Я не буду говорить объ инквизиціи въ прежнее время: это вещь общеизвѣстная. Я скажу лучше объ инквизиціи въ настоящее время. Инквизыція возстановлена папой Піемъ VII въ 1814 г, т. е. въ первый годъ по возвращеніи его въ Римъ. Въ этомъ году назначенъ былъ генералъ-инквизиторъ и возстановленъ весь знаменитый институтъ подъ названіемъ «Sanctum officium». Вслѣдъ за тѣмъ вездѣ распространились шпіоны этого судилища, и всякой кто казался подозрительнымъ папѣ, былъ арестуемъ и сажаемъ въ мрачныя темницы этого ужаснаго трибунала. Преступленія, подлежавшія суду инквизиціи слѣдующія: богохульство, безнравственность, неприличное поведеніе по отношенію къ церкви, непраздвованіе праздниковъ, нарушеніе постовъ и особенно отступленіе отъ вѣры. Но въ 1829 г. 14 мая былъ уже разширенъ списокъ преступленій, подлежащихъ суду инквизиціи. Въ это время было объявлено, что между отпадшими отъ вѣры надобно считать и всѣхъ тѣхъ, которые или держатъ и держали, или берутъ и брали отъ другихъ книги еретическаго содержанія или даже такія, которыя лишь составлены писателями, считаемыми за еретиковъ, хоть бы и ничего еретическаго въ этихъ книгахъ не было. Можно даже заключать отсюда, какой широкій просторъ данъ былъ этимъ указомъ дѣятельности инквизиторовъ. Но это еще не все. Въ томъ же самомъ эдиктѣ сказано, что подлежитъ суду инквизиції и каждый, кто или оскорбитъ служителя инквизиціи, свидѣтеля, обвинителя, шпіона, или погрозитъ только оскорбленіемъ поименованнымъ лицамъ, тотъ же указъ повелѣваетъ своимъ сбиррамъ, жандармамъ и всѣмъ должностнымъ лицамъ помогать служителямъ инквизиціи ловить подобныхъ преступниковъ. Наконецъ, папа Пій VIII, опредѣлилъ, что каждый, кто услышитъ слово худое объ инквизиціи, или будетъ случайно свидѣтелемъ преступленія, подлежащаго суду инквизиціи и не донесетъ объ этомъ инквизито-

рамъ, тотъ будетъ наказанъ такъ, какъ бы онъ самъ совершилъ преступленіе.. Однимъ словомъ, папа.и вызванъ къ жизни въ новѣйшее время тотъ самый ужасный трибуналъ, который пугалъ человѣчество въ средн я вѣка. Костровъ только нѣтъ теперь, теперь наказываютъ отлученіемъ отъ церкви, отнятіемъ имѣній, изгнаніемъ изъ отечества, пожизненнымъ заключеніемъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, говорятъ, тайной казнію

Такъ управляетъ св. отецъ своимъ государствомъ, чтожъ удивительнаго, если «папскія владѣнія, какъ говорилъ недавно Бонтозъ кардиналъ—архіепископъ руанскій въ сенатѣ французкомъ, представляются въ настоящую минуту государствомъ уродливымъ,—государствомъ, у котораго огромная голова, израненное тѣло и вовсе нѣтъ членовъ»?—Что жъ удивительнаго, скажу и я, что Церковная Область представляетъ собой аномалію въ ряду прочихъ европейскихъ государствъ, не исключая отсюда и Турціи.

Чтожъ ожидаетъ свѣтскую власть папы въ будущемъ?—Если по прошедшему можно заключать о будущемъ, то нельзя не видѣть, что свѣтская власть папы близка къ паденію, что ходячая мысль, будто съ выходомъ изъ Рима французскихъ войскъ придется бѣжать и папѣ,—мысль очень вѣроятная.

Въ самомъ дѣлѣ, можно предположить только единственное условіе, при которомъ папа, неохраняемый даже иностранными войсками, можетъ оставаться въ Римѣ въ качествѣ свѣтскаго государя. Условіе это радикальная реформа всей системы папскаго управленія въ Церковной Области. Но выполнимо-ли это условіе? кажется нѣтъ, —и вотъ почему.

Каждая реформа требуетъ прежде всего денегъ. А гдѣ взять папѣ денегъ, когда обыкновенныхъ доходовъ не хватаетъ на покрытіе процентовъ государственнаго долга?

Но это еще неважно. Есть поважнѣе причины, почему нельзя ожидать, чтобы папы перемѣнили систему своего управленія. Въ самомъ дѣлѣ.

а). Обратите прежде всего вниманіе на то лицо, которое управляетъ папской областію. Лицо это —папа, глава западной церкви, непогрѣшимый намѣстникъ Божій на землѣ. Согласитесь, что это лицо можетъ управлять очень хорошо маленькимъ «наслѣдіемъ св. Петра,» если оно можетъ *непогрѣшимо* у-

правлять всей р. католической церковію. Правда, что въ римскомъ катихизисѣ нѣтъ еще догмата о непогрѣшимости папы, какъ свѣтскаго государя, но уже все, кажется, подготовлено къ тому, чтобы сфабриковать этотъ новѣйшій догматъ. Что раздѣляютъ его сами папы, это несомнѣнно. Осуждая въ своемъ окружномъ посланіи 1864 года всѣ тѣ начала, на которыхъ зиждется политическая и общественная жизнь государствъ Европы, папа говоритъ тономъ не свѣтскаго государя, а тономъ главы церкви. Призывая свѣтскихъ государей на судъ, въ средніе вѣка, папы всегда рисовались предъ народомъ, какъ непогрѣшимые, безапелляціонные судіи даже въ свѣтскихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, папы непрочь расширить свою непогрѣшимость и на дѣла свѣтскія. Что взглядъ папъ раздѣляютъ и многіе изъ западныхъ христіанъ, это тоже нисколько не удивительно. Мысль о непогрѣшимости папъ въ дѣлахъ политическихъ представляется неболѣе, какъ выводомъ изъ догмата о непогрѣшимости папской въ дѣлахъ религіозныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ управлять пятью деревнями, и управлять не погрѣшимо, ужели не можетъ управлять хорошо одной деревенькой? Кто можетъ управлять непогрѣшимо всею римскою церковію, тому нельзя, логически разсуждая, отказать въ способности управлать также хорошо и маленькимъ государствомъ. Правда, римскіе богословы толкуютъ, что папа непогрѣшимъ только тогда, когда онъ говоритъ „de fide et ex cathedra,“ но вѣдь это одна изъ тѣхъ схоластическихъ тонкостей, на которую не стоитъ и обращать вниманіе. Дѣло въ томъ, что въ сферѣ общественой есть много такихъ дѣлъ, которыя имѣютъ такое или другое отношеніе къ дѣламъ чисто религіознымъ, и о которыхъ можемъ говорить, какъ de fide и именно ex cathedra. Таково, напр., народное образованіе, общественная и домашняя жизнь и пр. и пр. По этимъ дѣламъ папа можетъ постановлять свои законы — и какъ обыкновенный свѣтскій государь, и какъ непогрѣшимый глава церкви. А такъ какъ свѣтскій государь не можетъ противорѣчить папѣ — непогрѣшимому епископу, то и выходитъ, что (въ дѣлахъ общественныхъ, на сколько, покрайней мѣрѣ, онѣ имѣютъ отношеніе къ религіи) папу и какъ свѣтскаго государя, слѣдуетъ признать непогрѣшимымъ. Такимъ образомъ, когда онъ лишаетъ своихъ подданныхъ

образованія, когда онъ отнимаетъ у евреевъ и протестантовъ всѣ гражданскія права, когда онъ учреждаетъ чудовищную инквизицію, —онъ поступаетъ непогрѣшимо! Какъ бы впрочемъ нибыло, вздумаютъ ли въ Римѣ сочинить новый догматъ о непогрѣшимости папы, какъ свѣтскаго государя, или не рѣшатся, —во всякомъ случаѣ государь Церковной Области есть лицо, имѣющее претензіи быть государемъ непогрѣшимымъ. И вдругъ этому государю предлагаютъ радикально измѣнить систему управленія Церковной Областію?! Можетъ ли, смѣетъ ли онъ это сдѣлать, не отказываясь отъ принципа папства? Ему, непогрѣшимому главѣ церкви, предлагаютъ ввести въ жизнь своихъ подданныхъ тѣ начала, которыя онъ осуждаетъ, какъ ереси! И вотъ мы видимъ что всѣ совѣты, какіе даютъ папѣ, касательно реформы управленія Ц. Областію остаются безплодными совѣтами. Правда, нынѣшній папа Пій IX вздумалъ было сначала полиберальничать, но онъ теперь ужъ исправился и либеральничать болѣе не намѣренъ. Теперь онъ твердитъ только: non possumus, non possumus!.

b.) Кому же хорошо живется въ Церковной Области? Конечно, духовенству. Податей оно никакихъ не платитъ, жалованье получаетъ большое, судей оно никакихъ не знаетъ, кромѣ своихъ собратій,—завидная жизнь! И вдругъ бы потребовали отъ духовенства, чтобы оно отказалось отъ всѣхъ своихъ правъ и привиллегій!. Духовенство римское не такъ просто и самоотверженно, чтобы согласилось добровольно подчиниться такимъ требованіямъ. Оно лучше угоститъ ядомъ слишкомъ взыскательнаго папу, какъ и сдѣлали іезуиты съ Климентомъ XIV, —и выберетъ другаго папу, — а разстаться съ такой привольной жизнію, какъ нынѣшняя жизнь духовенства, едва ли оно рѣшится.

Такимъ образомъ ждать, что папы согласятся на радикальную реформу системы управленія Ц. Областію, — значитъ ждать напрасно.. Что же будетъ? Увидимъ, что будетъ, когда французскія войска оставятъ Римъ.... .

А. Елецкій.

КЪ ДѢЛУ О НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

«Народныя школы,» и *«сельско—приходскія школы»*— вотъ два современные предмета, о которыхъ, къ стыду пашему, мы не имѣемъ опредѣленнаго, яснаго, точнаго и правильнаго понятія, а потому мы—тѣ и другія школы не считаемъ тождественными, но относимъ къ двумъ различнымъ категоріямъ и у насъ составилось какое — то странное мнѣніе, что сельско-приходская школа, открытая духовнымъ лицомъ-вовсе не народная школа, и что такъ—называемая оффиціально *народная школа* должна быть совсѣмъ что—то другое, нежели „*всѣ эти*" школы, открытыя духовенствомъ. Бѣда намъ съ неопредѣленностью нашихъ понятій, убежденій и дѣйствій! Сустимся, говоримъ и пишемъ очень много, переливаемъ изъ пустаго въ порожнее, ссоримся со всякимъ благонамѣреннымъ противорѣчіемъ, а дѣло все—таки не идетъ на ладъ, подобно тому какъ не шло въ извѣстномъ квартетѣ Крылова, или говоря еще образнѣе—дѣло наше такъ идетъ, какъ мокрое горитъ.

Боясь многословія, запутывающаго дѣло, мы хотимъ на сей разъ предложить вниманію читателей нѣсколько фактовъ, относящихся къ дѣлу о пародныхъ сельско-приходскихъ школахъ. Эти факты очевиднѣе и лучше всякаго резонерства и умничанья покажутъ намъ: что мы обязаны дѣлать въ настоящее время для истиннаго просвѣщенія меньшихъ нашихъ братьевъ, т. е. нашего простонародья?

Отъ начала Россіи до нашихъ дней, наше православнорусское духовенство всегда шло и идетъ впреди народнаго образованія: доказательствомъ тому служитъ вся исторія нашего отетества, и—противорѣчить этой истинѣ можетъ развѣ только тотъ, кто готовъ отрицать все, даже собственное свое бытіе. Такъ точно случилось и теперь: еще не было исторически незабвеннаго и славнаго манифеста 19-го февраля 1861 года; еще вся Россія находилась только въ благоговѣйномъ ожиданіи этого вѣковѣчнаго благодѣянія народу отъ нашего благосердаго Царя—Освободителя; еще училищное начальство и не приступало къ серьезному распоряженію открытія народныхъ школъ, но только допустило существованіе такъ-называемыхъ воскресныхъ школъ, въ которыхъ, вмѣсто ожиданнаго просвѣщенія народа, подготовлялось полное помраченіе здраваго его смысла, а наше православное духовенство уже

подняло знамя народнаго просвѣщенія и повело народъ впередъ къ истинному христіанскому образованію!— Не знаемъ подробно, какъ это происходило въ другихъ мѣстностяхъ, но разскажемъ о знакомой намъ мѣстности юго-западнаго края Россіи. Здѣсь первоначальная мысль о просвѣщеніи простаго народа возникла у бывшаго кіевскаго (нынѣ петербургскаго) митрополита Исидора, при обозрѣніи имъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1859 года, епархіи (*). Владыка,по возвращеніи въ Кіевъ 31-го августа далъ предложеніе кіевской консисторіи слѣдующаго содержанія: „принимая во вниманіе настоящее состояніе Россіи, стремящейся къ образованію, я нахожу нужнымъ, чтобы сельское духовенство не было чуждо сего общаго движенія, и по возможности старалось бы содѣйствовать, въ сельскихъ обществахъ, распространенію полезныхъ знаній. Для сего предлагаю Консисторіи распорядиться: 1) чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и селахъ были открыты въ самыхъ домахъ священниковъ школы, если таковыхъ не будетъ устроено со стороны сельскаго общества; 2) чтобы въ школахъ сихъ учили чтенію и письму и преподавали Законъ Божій примѣнительно къ понятію сельскихъ дѣтей, и т. д.... Денежныхъ средствъ для открытія и содержанія этихъ школъ не было рѣшительно никакихъ, только покойный генералъ-губернаторъ кіевскій, князь Васильчиковъ далъ 500 р. сер. для покупки букварей,—только! Какъ же пошло сельское—школьное дѣло? А вотъ какъ: къ августу мѣсяцу 1863 года въ кіевской епархіи было уже 1164 школы и въ нихъ было учащихся мальчиковъ 24,822, и дѣвочекъ 6,905, итого всѣхъ учащихся 31,727 (**).

Въ другихъ сосѣднихъ епархіяхъ это благодѣтельное предпріятіе нашего умнаго и добраго духовенства имѣло такіе же блистательные успѣхи: на примѣръ въ каменецъ—подольской епархіи къ марту мѣсяцу 1863 было такихъ школъ 1,316, и въ нихъ учащихся было: мальчиковъ 25,619, и дѣвочекъ 6.005, и того всѣхъ учащихся 31,624. (***)

(*) Въ Минской епархіи тогда уже считалось болѣе 300 церковно-народныхъ школъ.

(**) См. Вѣстникъ Юго-зап. и Западной Россіи за Августъ 1862 г., статьи: о Церковно-приходск. училищахъ,стр. 126, 127, 131.—

(***) Вѣстникъ Юг. и Зап. Россіи за февраль 1863. г. Вѣдомость объ успѣхахъ народн. просвѣщенія въ подольской епархіи.

Во всѣхъ прочихъ епархіяхъ Россійской Имперіи сельско-приходскія школы пошли такъ же успѣшно, чему служитъ доказательствомъ извѣстное циркулярное отношеніе нынѣшняго г. оберъ— прокурора св. сунода, графа Д. А. Толстаго, отъ 5-го марта текущаго 1866 года, ко всѣмъ предсѣдателямъ уѣздныхъ земскихъ управъ. Изъ этого монументальнаго циркуляра видно, что на всемъ пространствѣ Россіи нынѣ имѣется школъ, открытыхъ православнымъ духовенствомъ, *болѣе двадцати тысячъ*, и въ нихъ состоитъ учащихся *болѣе четырехъ сотъ тысячъ!!*

Отъ начала существованія Россіи до нашихъ дней, ниодно вѣдомство у насъ не имѣло у себя такого количества школъ и съ такимъ числомъ учащихся и никогда нигдѣ небыли школы такъ скоро, такъ охотно и успѣшно открываемы и наполняемы учащимися!! Этотъ достопамятный фактъ исторія запишетъ на своихъ страницахъ вмѣстѣ съ достодолжною благодарностью нашему православному духовенству.

А вотъ и другой замѣчательный фактъ: всѣ эти школы открыты духовенствомъ безъ пособія отъ казны и отъ земства, своими собственными скудными средствами; большая часть школъ помѣщается въ собственныхъ домахъ священниковъ,— многія не имѣютъ ни приличнаго и удобнаго помѣщія, ни школьной мебели, ни учебныхъ пособій, и... почти никакого матеріальнаго вознагражденія за труды преподавателей.

Сопоставивши эти два факта и безпристрастно взвѣсивши существенную ихъ важность, всякій здравомыслящій русскій человѣкъ самымъ естественнымъ образомъ дойдетъ до слѣдующаго заключенія: народныя школы уже есть въ Россіи; ихъ у насъ болѣе 20 тысячъ; учащихся въ нихъ около полумилліона. А какъ у насъ въ Россіи обязанность просвѣщенія народа лежитъ, кромѣ духовенства, еще на училищномъ начальствѣ и земствѣ,— то послѣ прекрасной и благодѣтельной инниціативы духовенства, теперь училищному на—чальству не остается ничего болѣе дѣлать, какъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами поддержать эти двадцать слишкомъ тысячъ народныхъ школъ, открытыхъ уже духовенствомъ, упрочить ихъ и привести ихъ въ цвѣтущее состояніе, а не такъ распоряжаться, какъ совѣтуютъ нѣкоторые наши публицисты, которые поощряютъ земство къ открытію

какихъ—то новыхъ *народныхъ школъ*, противопоставляя ихъ, безъ всякаго логическаго основанія, уже открытымъ и готовымъ *сельско—приходскимъ школамъ*,— какъ будто эти послѣднія вовсе не народныя школы потому только, что открыты духовенствомъ!!

Двадцать тысячъ сельско—приходскихъ школъ съ полумиллiономъ учащихся,— вотъ готовое поле: воздѣлывайте и удобряйте его, вмѣсто того, чтобъ искать другихъ, отдѣльныхъ невоздѣланныхъ клочковъ земли и разчищать ихъ подъ поле, по вашему своенравному усмотрѣнію!— Пусть земство постарается, чтобы для всякой сельско-приходской народной школы было приличное помѣщеніе съ отопленіемъ, съ необходимою школьною мебелью и съ учебными пособіями, да сверхъ того пусть учителю каждой такой школы дастъ приличное жалованіе. Пусть не безпокоится земство открывать свои собственныя „учительскія семинаріи" для приготовленія учителей въ народныя школы: духовенство и въ этомъ дѣлѣ идетъ впереди всѣхъ,— оно при каждой духовной семинаріи уже открыло педагогическіе курсы съ теоріей и практикой. Смѣло можно поручиться, что наши духовныя семинаріи будутъ разсадниками и превосходнѣйшихъ сельско-народныхъ учителей.— А училищное свѣтское начальство пускай, совмѣстно съ духовенствомъ, займется регламентаціей сельско-приходскихъ школъ и снабдитъ ихъ учебными книгами—вотъ и все!— Очевидно, что это дѣло, уже *начатое* и благоразумно совершающееся, требуетъ и ожидаетъ только благоразумнаго *конца*, а не переверщенія его *опять съ начала;* и всѣ истинные сыны отечества надѣются, что г. оберъ—прокуроръ св. синода, соединяющій теперь въ своемъ лицѣ и должность министра народнаго просвѣщенія, увѣнчаетъ это великое дѣло благоуспѣшнымъ окончаніемъ.

Стыдно тому, кто подобно публицистамъ и корреспондентамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", „Голоса" и „Современника," не понимаетъ этого дѣла,не благопріятствуетъ ему!—Въ недавнее время компрометировали себя на всю Россію непониманіемъ этого дѣла и недоброжелательствомъ къ нему слѣдующіе №№ газетъ: № 88, 93, 112, и 113-й С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, и № 110-й Голоса. Изъ уваженія къ публицистамъ и корреспондентамъ, *отличившимся* въ этихъ номерахъ, мы не хотимъ выставлять на позоръ все пустосло-

ніе ихъ и всю безлогичность резонерства ихъ,—только обнародываемъ слѣдующія требованія ихъ, которыхъ нелѣпость сама напрашивается на всеобщее осужденіе: 1., они совѣтуютъ земству югозападныхъ губерній Россіи не подчинять свои (будущія) народныя школы училищному начальству, но самому „регламентировать“ ими; 2., предлагаютъ учить въ народныхъ школахъ югозападной Россіи не словяно-русскому чтенію, но чтенію, на бывшемъ нѣкогда, а теперь почти исчезнувшемъ малороссійскомъ нарѣчіи, которое южнорусскій народъ уже забылъ, какъ тягостное воспоминаніе о бывшемъ польскомъ игѣ, и которое охотно перемѣнилъ на родной себѣ общерусскій языкъ, но которое эти умные публицисты хотятъ возстановить подъ именемъ *„особаго малороссійскаго языка“*; 3., они совѣтуютъ учить въ народныхъ школахъ *„безъ всякаго систематическаго преподаванія“*, чему—нибудь, и учить дѣтей не псалтыри, не катихизису и священной исторіи, а только малороссійскимъ сказкамъ и пѣснямъ, напечатаннымъ въ *Запискахъ о южной Россіи Кулиша* и въ Разсказахъ (*оповѣданьяхъ*) *М. Вовчка*... Можетъ быть, наши читатели не повѣрятъ такой безпримѣрной нелѣпости, и подумаютъ, будто мы выдумываемъ напраслину на петербургскихъ публицистовъ: такъ пусть же они сами имѣютъ терпѣніе прочитать покрайней мѣрѣ одинъ, 93-й № С.-Петербургскихъ Вѣдомостей,— тогда читатели удостовѣрятся, что мы не обманываемъ ихъ.

Теперь мы заняты психологическимъ вопросомъ: какимъ образомъ такія нелѣпости могутъ выходить изъ головы и изъ—подъ пера этихъ публицистовъ, и—вообще: что это такое? легкомысліе ли и невѣжество? или — злорадство?... Приглашаемъ нашихъ читателей заняться рѣшеніемъ этого печальнаго вопроса.

И. К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ОДЕССЫ.

Право не знаешь, когда наше отечественное воспитаніе потеряетъ свою безцвѣтносъ въ религіозномъ и народномъ отношеніяхъ,— скоро ли мы дождемся того благодатнаго времени, когда у насъ сеймейство будетъ выпускать въ школу дѣтей

съ началами не „обще-европейскими,“ а коренными православно-русскими; когда, наконецъ, школа будетъ выпускать въ жизнь своихъ птенцовъ съ разумно сознанными убѣжденіями касательно своей православной вѣры и русской народности?... Скоро ли наступитъ то время, когда наши воспитатели будутъ по виду не только офиціальные представители родныхъ началъ, но проповѣдниками ихъ, по сердечному убѣжденію?... Много разныхъ вопросовъ западаетъ въ душу и въ результатѣ ихъ выходитъ, что мы воспитываемся почти не по православному и не по русски; а такъ—себѣ, какъ случится. Удивительно ли послѣ этого, что у насъ нѣтъ того элемента въ характерѣ, который называется постояннымъ, священнымъ патріотизмомъ? Давно уже говорятъ и пишутъ о воспитаніи, а все что—то теорія расходится съ практикой. При такомъ объемистомъ вопросѣ, каковъ вопросъ объ общественномъ воспитаніи, невольно задаешь себѣ новый вопросъ: да откуда же зайдти, чтобы начать исправленіе его въ православно-русскомъ духѣ? Не знаю почему, при подобной мысли, останавливаемся на слѣдующемъ: чтобы начать исправленіе зла, нужно прежде всего поставить во главу учебныхъ заведеній (не смотря на каттегоріи оныхъ) людей всецѣло православно-русскихъ. Много значатъ главы въ организмахъ. Пока же сбудутся наши желанія касательно нашего отечественнаго воспитанія, всякій разъ, съ болью сердца намъ приходится встрѣчатся съ такими явленіями отечественной общественной жизни, въ которыхъ проглядываетъ вышепоименованная безизвѣстность нашего воспитанія.... Ну, какъ не поскорбѣть душою, читая въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ за текущій годъ статьи, подъ заглавіемъ: *„Съ береговъ Волги?“* Пишущему настоящія строки извѣстны многія очень больныя уголки нашего обширнаго отечества, не безъизвѣстно также и то, какъ поживаютъ тамъ паписты, считающіе себя (не вѣдомо почему) поляками и вздыхающіе *„о своихъ странахъ,“* называя такъ западно-русскія губерніи. Представьте себѣ, что въ какой-либо городъ, положимъ №№ (не западной Россіи) по какому-либо случаю, забрался на жительство ляшекъ. Сейчасъ онъ отыскиваетъ своихъ, которые встрѣчаютъ его съ распростертыми объятіями. Этого мало. Они вво-

дить этого новичка въ кругъ своихъ знакомыхъ. Общество же наше, воспитанное въ духѣ *„гуманности“*, *„общечеловѣчности“*, *„европеизма“*, *„прогресса“*, *„цивилизаціи“*, *„вѣротерпимости“* и пр. т. под., не чуждается новымъ членомъ, хотя этотъ членъ для него тоже, что моль для гардероба. Танцы, музыки, волокитство сближаютъ молодыхъ людей между собою; а людей пожилыхъ сближаетъ съ пожилыми людьми бесѣда о политикѣ, хозяйствѣ, вино и карты. Однимъ словомъ, жизнь новаго члена—ляшка течетъ помаслу въ великорусскихъ и малорусскихъ городахъ, потому что тамъ почти всѣ *овичи, евичи, еньскіе* и пр. крѣпко сидятъ на своихъ мѣстахъ и въ обществѣ имѣютъ большое значеніе, какъ *„хорошіе люди“*... А какъ присмотрѣться къ этимъ хорошимъ людямъ, то право можно затрудниться въ выборѣ названія и для нихъ и для того русскаго общества, которое (извините за выраженіе) такъ близоруко, или лѣниво мыслитъ о многомъ.... Мы, напр., слышали даже, что въ одной изъ гимназій средней полосы Россіи былъ младшимъ учителемъ географіи заклятый ляхъ, всѣми признанный за образцоваго учителя. (1) Что же позволялъ себѣ дѣлать этотъ образцовый учитель?.. Онъ, неизвѣстно почему, считалъ своимъ долгомъ вычеркивать изъ учебника географіи Россійской Имперіи всѣ тѣ историческія и другія примѣчанія, которыя говорили воспитанникамъ о свѣтлыхъ и величественныхъ сторонахъ нашего отечества? Мало того, что все это сходило ему съ рукъ, но однажды произошло даже слѣдующее недоразумѣніе: его (младшего учителя и ляшка) назначили въ одинъ классъ на экзаменъ предсѣдательствующимъ, а мѣстнаго православнаго законоучителя (съ академическимъ образованіемъ и къ тому же магистра богословія) назначили на тотъ же экзаменъ ассистентомъ!... Ну, какъ ляхамъ не смѣяться надъ нами, какъ имъ оставить свои фантазіи *„объ ойчизнѣ“*, когда мы сами постоянно подаемъ поводъ къ этому.... Слава еще Богу, что въ годины испытаній мы (какъ показалъ опытъ), безъ различія званій и состояній, окружаемъ своего Отца—ГОСУДАРЯ и готовы сложить головы за свое. Это, безспорно,

(1) Въ одной изъ приднѣпровскихъ малороссійскихъ губерній.

великая черта нашего народа. Но зачѣмъ же въ невоенное время мы такъ ленивы и безпечны, что допускаемъ разнымъ червямъ точить нашу дорогую Россію.... О, невольно скажешь то, что сказанно нами около десяти лѣтъ назадъ въ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“: хорошее, или дурное воспитаніе есть причина добра или зла впослѣдствіи.

Грустно, господа! *К. Ин.....овъ*

СЕПАРАТИСТЫ.

(Басня.)

Посвящается »Учителю«, автору »Педагогическое значеніе малороссійскаго языка« въ № 98 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

Либерализма духъ повѣялъ на лѣса,—
И по лѣсамъ пошли различны толки:
Объ автономіи заговорили Волки,
О земствѣ начала витійствовать Лиса,
На что уже Ослы,— и тѣ свой носъ подняли,
И о судѣ присяжныхъ толковали.—
Но Обезьяны, всѣхъ бойчѣй,
На разсужденьяхъ не остановились,
Но хлопотать рѣшились
О полной сепараціи своей
Отъ всѣхъ звѣрей.
На двухъ окраинахъ они издавна жили,—
Одна окраина чухландіей звалась,
Другую всѣ хохландіей честили.
„Ну, можно ль насъ,
Чухландцевъ и хохландцевъ такъ безславить,
Чтобъ въ категорію одну насъ ставить
Съ другими жителями здѣшнихъ мѣстъ?
Вѣдь намъ не позволяетъ наша честь
Считаться на ряду другихъ четвероногихъ:
Такія ли у насъ, смотрите, ноги?
Такія ль головы? такіе ли умы?..

Особыхъ царства два устроимъ мы,
Чухладское одно, хохландское другое!
Тогда-то будетъ время золотое,
Какъ мы особняками заживемъ
И все по-своему у насъ ужъ заведемъ!"...
— Ахъ, вы безмозглыя! имъ звѣри всѣ сказали:
Не ужъ ли для того мы васъ въ свой лѣсъ приняли,
Чтобы измѣною вы заплатили намъ?...
Да и къ лицу ли вамъ
Самостоятельность задуманнаго царства?
Вѣдь вы способны лишь для обезьянства,
Чтобъ передразнивать, смѣшить другихъ,
А положительныхъ достоивствъ никакихъ
Природа вамъ не удѣлила.
Благоразумнаго либерализма сила
Вѣдь состоитъ не въ томъ,
Чтобъ жить особнякомъ:
Тогда бъ легко врагамъ въ добычу вы достались,
Съ либерализмомъ бы навѣки попрощались,
И, родъ за родомъ, всѣ исчезли бъ навсегда.
Другаго, лучшаго плода
Сепаратизмъ вамъ недоставитъ.
Покайтесь, глупыя! и навсегда
Рѣшитесь вы затѣи всѣ оставить,
И откажитесь вы отъ вашихъ вракъ!
Всему извѣстно міру,
Что лишь *собаки бѣсятся отъ жиру:*
Не будьте же похожи на собакъ.—

И. К.

1-е МАЯ 1866 г. ВЪ Г. ВИЛЬНѢ.

Наконецъ-то, наконецъ,
Въ стародавнемъ русскомъ краѣ,
Что очнувшійся мертвецъ,
Раздается рѣчь родная.
И несется заливная

Наша пѣсня.... Съ дальнихъ мѣстъ,
Возносясь подъ небесами,
Надъ литовскими лѣсами,
Православный русскій крестъ
Вновь блеститъ, что солнца лучь
Свѣтелъ, дивенъ и могучь!
Здравствуй, Русь! четыре вѣка
Невидались мы съ тобой,—
Волей злаго человѣка
Разлученною сестрой!
Отъ Ягелла ренегата
Свой предавшаго народъ,
Игу римскаго разврата,
Какъ несчастьемъ ты богата!...
Но пришелъ и твой чередъ,
И твое настало время —
Свергнуть рабства стыдъ и бремя,
Жизнью новою зажить,
Зло минувшее забыть.
Заживемъ-же вмѣстѣ съ нами,
И по жизненнымъ волнамъ
Подо всѣми парусами
Понесемся:.... Станутъ намъ,
Сторонясь, дивясь, народы
Путь давать, для той свободы,
Къ какой идемъ съ отцемъ —
Съ русскимъ соколомъ-Царемъ.
Заживемъ же на просторѣ,
Сбросимъ съ плечь былое горе,
Братски-дружной и родной,
Заживемъ семьей одной,
Раны старыя залѣчимъ,
Зло крамолы въ прахъ размечемъ,
Такъ чтобъ не было слѣда,
Что была страда-бѣда,
И съ молитвой чистой къ Богу
Въ путь-дорогу, въ путь дорогу!

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ ПРАВОСЛАВНАГО ВИЛЕНСКАГО СВЯТО-ДУХОВСКАГО БРАТСТВА.

26-го минувшаго мая, въ день празднованія возсоединенія уніатовъ съ православною церковію, послѣ литургіи въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, совершенной преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, члены свято-духовскаго братства, проживающіе въ Вильнѣ, собрались въ домѣ г. генералъ-губернатора для выбора почетныхъ членовъ совѣта, въ замѣнъ выбывшихъ изъ совѣта Я. П. Бакланова и В. Л. Давыдова. Засѣданіе открылось всеобщимъ пѣніемъ: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра“; затѣмъ дѣлопроизводитель совѣта В. П. Кулинъ прочелъ краткій отчетъ о дѣятельности братства за минувшіе 10 мѣсяцевъ его существованія. Этотъ отчетъ помѣщается ниже. Почетными членами братства избраны были единогласно: Д. А Толстой, П. Н. Батюшковъ, С. А. Масловъ, И. С. Аксаковъ и М. О. Кояловичъ. Постановлено: просить означенныхъ лицъ почтить братство принятіемъ этого званія. М. О. Кояловичъ, въ настоящее время дорогой нашъ виленскій гость, прибывшій на свою родину для ученыхъ работъ, находился тутъ же, въ собраніи; на общую просьбу принять званіе почетнаго члена братства, онъ отвѣчалъ теплымъ задушевнымъ словомъ, которымъ мы и заключаемъ нашу статью. Членами совѣта избраны Н А. Зубковъ и каѳедральный протоіерей В. И. Гомолицкій. Послѣ выборовъ началась подписка на сооруженіе братской иконы, въ память чудеснаго избавленія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, 4-го апрѣля, отъ угрожавшей ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ опасности.

Внесли пожертвованіе:

К. П. фонъ-Кауфманъ 50 руб., С. Ѳ. Панютинъ 10 р. о. арх. Іосифъ 10 р., члены совѣта 57 р., П. А. Безсоновъ 1 р., Бирюковъ 3 р., Яковлевъ 3 р., Н. И. Соколовъ 2 р., А. Демьяновскій 1 р., Бѣловъ 2 р., Щербицкій 1 р., Дружининъ 2 р., Меркушевъ 1 р., Шестаковъ 1 р., всего 144 руб. Вписались въ братство слѣдующія лица: А. И. Яковлева 10 р., С. В. Поповъ 6 р., М Ѳ. де-Пуле, А. П. Стороженко 10 р., И. Меркушевъ 5 р., и К. Цвѣтковъ 5 р.

Собраніе кончилось общимъ пѣніемъ молитвы „Достойно есть“. Присутствовавшіе оставили залы собранія въ надеждѣ собраться вновь 6-го августа, въ день годовщины открытія братства, и помолиться въ Свято-Духовскомъ монастырѣ за всѣхъ благодѣющихъ братству.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ, ЧИТАННЫЙ ДѢЛОПРОИЗВОДИТЕЛЕМЪ СОВѢТА В. Н. КУЛИНЫМЪ.

Мм. гг.

Гг. члены свято-духовскаго братства!

6-го августа минувшаго 1865 года, по архипастырскому благословенію высокопреосвященнѣйшаго Іосифа митрополита литовскаго и виленскаго, и съ разрѣшенія г. главнаго начальника края, его высокопревосходительства Константина Петровича фонъ-Кауфмана, было открыто въ г. Вильнѣ, или вѣрнѣе, возстановлено при свято-духовскомъ монастырѣ православное братство, существовавшее здѣсь съ 1609 года. Чрезъ два мѣсяца съ небольшимъ исполнится годъ сему учрежденію, и тогда совѣтъ братства будетъ имѣть честь представить общему собранію подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и объ употребленіи ввѣренныхъ ему суммъ; о дѣятельности братства отчасти уже было сообщаемо въ „Виленскомъ Вѣстникѣ.“ Нынѣ достопочетному собранію предлежитъ избрзть 2-хъ членовъ совѣта, въ замѣнъ выбывшихъ изъ онаго генералъ-лейтенанта Якова Петровича Бакланова и Вл. Льв. Давыдова, и почетныхъ членовъ братства. Совѣтъ братства считаетъ однако своею обязанностію воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы представить вашему, мм. гг., вниманію хотя краткій очеркъ своей дѣятельности за минувшіе 10 мѣсяцевъ и нынѣшнее положеніе дѣлъ братства. Совѣту угодно было предоставить мнѣ честь исполнить это постановленіе.

Относящіяся къ сему предмету данныя заключаются въ слѣдующемъ:

Въ Свято-Духовскомъ братствѣ состоитъ нынѣ 469 членовъ, кромѣ лицъ, поименованныхъ въ спискахъ, препровожденныхъ изъ управленія виленскаго учебнаго округа и отъ бывшаго редактора газеты „День“ И. С. Аксакова, такъ какъ пожертвованія Свято-Духовскаго братства. Званіе почетнаго предсѣдателя братства изволилъ принять избранный въ общемъ собраніи 6-го августа 1865 г., по единогласному желанію всѣхъ членовъ, высокопреосвященнѣйшій Іосифъ митрополитъ литовскій и виленскій; почетные члены—его высокопревосходительство К. П. фонъ-Кауфманъ, графъ М. Н. Муравьевъ и князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ. Суммъ братства къ 24-му сего мая было:

въ приходѣ - - - - - - -	9123	р.	
— расходѣ - - - - - - -	3912	р.	70 к.
за тѣмъ въ остаткѣ - - - - -	5210	р.	30 к.

Въ томъ числѣ:

а) 12 билетовъ внутренняго займа на сумму-	1200	р.	
б) 44 серіи съ процентами - - -	2234	р.	74 к.
и в) наличными деньгами - - -	1775	р.	56 к.

Такимъ образомъ братство имѣетъ въ настоящее время чистаго капитала 5,210 руб, 30 к.; сверхъ того ему принадлежатъ три денежныхъ документа: одинъ въ 1,400 руб., пожертвованный г-жею Исполатовой и доставленый въ совѣтъ почетнымъ членомъ княземъ А. П. Ширинскимъ-Шахматовымъ, другой составляетъ заемное письмо въ 200 руб. и третіи—10% съ капитала 2000 р., которые требуется взыскать. Совѣтъ братства уже обратился въ подлежащія мѣста съ ходатайствомъ о взысканіи сихъ денегъ.

Кромѣ денежныхъ приношеній, совѣтомъ получены значительныя пожертвованія вещами отъ разныхъ лицъ мѣстнаго виленскаго общества, наиболѣе же изъ Москвы и Петербурга, именно: полныхъ священническихъ облаченій получено 15, священническихъ ризъ 8, подризниковъ 2, епитрахилей 14, поясовъ 11, набедренниковъ 2, поручей 11 паръ, воздуховъ 25, пеленъ 12, хоругвеи 5, образовъ 8, напрестольныхъ евангелій 9, ковчеговъ 2, ковшиковъ для теплоты 22, сосудовъ 6, лампадки 2, пасхальныя свѣчи 2, паникадильницы 4, трикирія 2, крестовъ 3, кропилъ 2, дароносицы 2, подсвѣчниковъ 2, занавѣсъ 1, малыхъ образковъ и крестиковъ 250, и книгъ духовнаго содержанія 175 экз., изъ нихъ 110 евангегій. Всѣ эти предметы уже, большею частію, распредѣлены но нуждающимся церквамъ, преимущественно по новоустроеннымъ въ Виленскомъ уѣздѣ.

Въ продолженіи 10-ти мѣсяцевъ существованія возобновленнаго братства совѣтъ имѣлъ 31 засѣданіе. Предметы занятіи совѣта относились преимущественно къ первымъ тремъ пунктамъ § 3-го устава, т. е., по мѣрѣ имѣвшихся средствъ, онъ заботился: во 1-хъ, о поддержаніи и украшеніи православныхъ храмовъ, во 2-хъ, о судьбѣ лицъ, принявшихъ православіе, въ 3-хъ, по пособіи лицамъ православнаго исповѣданія, находившимся въ крайней нуждѣ, покровительствовать и помагать которымъ совѣтъ считалъ своею обязанностію. Означенныи расходъ въ 3,712 р. 70 к. распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1. Употреблено на пріобрѣтеніе церковной утвари и священническихъ облаченіи, на устроиство склада въ г. Вильнѣ для продажи иконъ, крестиковъ и книгъ духовнаго содержанія, на изготовленіе 100 книжекъ для сбора пожертвованіи, на пріобрѣтеніе крестниковъ и иконъ, на пособіе ученикамъ народныхъ школъ, на провозъ и содержаніе пѣвчихъ въ новооткрытыхъ приходахъ и т. п. - - 972 р. 86 к.

2. Выдано въ пособіе новоприсоединеннымъ къ православію въ г. Вильнѣ, преимущественно же въ деревняхъ - - - - - - - - 870 р. —

3. Выдано въ пособіе православнымъ священникамъ и причту на новыхъ приходахъ - - 629 р. 10 к.

4. Выдано вспоможенія православнымъ, по личномъ удостовѣреніи членовъ братства въ крайней ихъ бѣдности - - - - - - 634 р. —

5. Выдано заимообразно нуждающимся изъ духовнаго званія и изъ крестьянъ - - - 255 р. —

6. Выдано для образованія ссудныхъ кассъ въ приходахъ - - - - - - - - - 300 р. —

7. На устройство народной школы въ м. Шумскѣ, Виленскаго уѣзда - - - - - 200 р. —

8. На наемъ писаря, изготовленіе канцелярскихъ книгъ и прочіе канцелярскіе потребности израсходовано - - - - - - - - - 51 р. 74 к.

Изъ этого краткаго перечня статей расхода отчасти видна уже дѣятельность совѣта.

Согласно 3-му и 4-му пунктамъ § 3-го устава, опредѣляющаго предметы занятій братства, совѣтъ обратилъ вниманіе и на усиленіе средствъ народнаго образованія: оказано вспомоществованіе ученикамъ виленскихъ народныхъ школъ, состоящимъ въ хорѣ Благовѣщенской церкви, выдано пособіе одному ученику гимназіи, пристроенъ одинъ бѣдный мальчикъ въ духовное училище, другому выдается ежемѣсячное пособіе на воспитаніе, обезпечено существованіе школы въ м. Шумскѣ и приняты въ послѣднее время мѣры къ устройству народныхъ училищъ въ тѣхъ новыхъ православныхъ приходахъ, гдѣ до сего времени не было школъ. Для продажнаго склада выписано изъ Москвы 25 т. крестиковъ и сдѣлано 10 т. образковъ съ изображеніями Св. виленскихъ Мучениковъ; затѣмъ, заботясь объ участи бѣдныхъ лицъ, принимающихъ православіе весьма часто нуждающихся не только въ средствахъ къ жизни, но и въ помѣщеніи, совѣтъ нашелъ нужнымъ ходатайствовать у г. главнаго начальника края о предоставленіи въ распоряженіе братства особеннаго для сей цѣли помѣщенія, на что его высокопревосходительство выразилъ совершенное свое согласіе.

Независимо отъ различныхъ предметовъ, входившихъ въ кругъ дѣятельности совѣта, члены совѣта и многіе изъ членовъ братства посвящали свои труды слѣдующему занятію: въ видахъ большаго развитія способовъ для дѣятельности братства, совѣтъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1865 года обратился къ г. главному начальнику края съ ходатайствомъ о предоставленіи въ распоряженіе братства тѣхъ денежныхъ суммъ, которыя выдаются его высокопревосходительствомъ бѣднымъ лицамъ разнаго званія, по прошеніямъ, засвидѣтельствованнымъ мѣстною полиціею. Константинъ Петровичъ сочувственно изволилъ принять таковое заявленіе совѣта, и по его приказанію было препровождено въ совѣтъ разновременно 1280 р. и 245 прошеній. Пособія эти были выдаваемы по личномъ удостовѣреніи членовъ братства на мѣстѣ въ дѣйствительной бѣдности просителей. Съ теченіемъ времени, по увеличившемуся числу про-

шеній и для скорѣйшаго удовлетворенія ихъ, найдено было болѣе удобнымъ, для разбора прошеній и обслѣдованія ихъ на мѣстѣ, образовать особый комитетъ, который въ январѣ мѣсяцѣ сего года и состоялся изъ дамъ мѣстнаго общества и нѣкоторыхъ членовъ братства, подъ предсѣдательствомъ Л. Ѳ. Панютиной; вновь поступившіе отъ генералъ-губернатора 900 р. были сполна препровождены въ этотъ комитетъ, который и распредѣлилъ ихъ между просителями, по самомъ точномъ и ближайшемъ изслѣдованіи ихъ положенія.

Въ заключеніе, на основаніи имѣющихся фактовъ и заявленій, совѣтъ можетъ выразить увѣреніе, что сочувствіе къ Свято-духовскому братству ревнителей православія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и просвѣщенія, не ослабѣваетъ, но постепенно возрастаетъ, есть лица, искренно преданныя цѣлямъ братства, трудящіяся и жертвующія въ его пользу; достаточно указать на книжки для сбора приношеній, которыхъ, по заявленію лицъ, желающихъ служить дѣлу братства, роздано членамъ братства на мѣстѣ и разослано преимущественно въ Петербургъ и Москву 45 экз.; по 6-ти изъ нихъ уже получены деньги, въ количествѣ 1703 р. 50 к. и много вещей; укажемъ еще на неизвѣстнаго жертвователя, благодѣющая рука котораго вложила въ братскую кружку, находящуюся въ церкви Свято-Духовскаго монастыря 900 руб. Дальнѣйшіе успѣхи братства зависятъ отъ участія и сочувствія къ нему членовъ. Учрежденіе это для насъ еще ново, но десятимѣсячный опытъ объяснилъ уже разныя стороны дѣла, что, безъ сомнѣнія, послужитъ полезнымъ указаніемъ на будущее время. Совѣтъ питаетъ, мм. гг., глубокое убѣжденіе, что братство не оскудѣетъ ни въ средствахъ, въ развитіи своей благотворной дѣятельности; нужно только одно: дабы не оскудѣли сердца наши въ любви и преданности къ основной стихіи нашей жизни, къ святому нашему православію.

РѢЧЬ М. О. КОЯЛОВИЧА *).

„Не могу не высказать передъ братствомъ, что предлагаемая мнѣ честь приводитъ меня въ крайнее смущеніе. Если я что либо дѣлаю для западной Россіи, то дѣлаю съ такою же необходимостію, съ какою дышу воздухомъ, и какъ не могу не дышать воздухомъ, пока живу, точно также не могу не думать о западной Россіи и не дѣлать чего либо по ея дѣламъ. Слѣдовательно, въ моихъ мысляхъ никакъ не можетъ вмѣщаться понятіе о выраженіи мнѣ за это какого либо особеннаго вниманія. Поэтому, я просилъ бы братство взять назадъ сдѣланное предложеніе и оставить меня въ томъ положеніи, въ какомъ я былъ

*) Слова эти сказаны совершенно неожиданно. Въ нихъ естественно есть много недомолвокъ и многія изъ нихъ требуютъ поясненій. Важнѣйшія поясненія сдѣланы авторомъ въ примѣчаніяхъ. *Ред.*

до сихъ поръ, т. е. въ званіи дѣйствительнаго члена братства, тѣмъ болѣе, что по принятымъ обычаямъ почетные члены должны доказывать свое сочувствіе обществу не только особыми нравственными своими силами, но и особенными матеріальными средствами, а я могъ до сихъ поръ быть только передатчикомъ братству чужихъ средствъ, самъ же не могу отвѣчать тому понятію, какое имѣю о матеріальномъ участіи въ дѣлахъ братства почетныхъ его членовъ."

Послѣ того, какъ братство настаивало, чтобы предложенное званіе было принято, Михаилъ Осиповичъ отвѣчалъ:

„Мнѣ остается принять предложенное званіе, но приму я его, если можно такъ сказать, въ особенномъ смыслѣ, который позволю себѣ здѣсь высказать. Я здѣсь изъ числа мѣстныхъ русскихъ людей, сохраненныхъ западно-русскою жизнію среди тяжкихъ бѣдъ отъ Польши. Я воспитанъ преданіями нашего славнаго прошедшаго *), трудами преемственныхъ поколѣній **), причемъ не могу не вспомнить съ благодарностію перваго въ послѣднее время и самаго мощнаго русскаго строителя здѣшней земли въ самой важной сферѣ—нравственной, удрученнаго теперь послѣ великихъ трудовъ недугами (митрополита Іосифа), я воспитанъ далѣе великою оживляющею силою съ Востока, изъ восточной Россіи, наконецъ долженъ сказать, воспитанъ не мало и отталкивающею силою польской неправды. Въ моей жизни, въ моей дѣятельности, смѣю думать, выражается неразрывное единеніе восточной и западной Россіи, и если бы кто въ состояніи былъ разрушить во мнѣ это единеніе, то это равносильно было бы для меня нравственной смерти ***). Вотъ, во имя этого-то единенія восточной и западной Россіи я позволю себѣ принять предложенную мнѣ честь и остановлю на немъ на нѣсколько минутъ вниманіе братства, потому что, по моему убѣжденію, единеніе это—одна изъ важнѣйшихъ задачъ братства.

---

*) Разумѣется борьба здѣшнихъ русскихъ людей съ Польшей и по преимуществу борьба братствъ. *Авт.*

**) Этотъ преемственный трудъ — русскій православный трудъ здѣшнихъ поколѣній до самыхъ послѣднихъ временъ—весьма богатъ фактами, бывшими до сихъ поръ большею частью въ неизвѣстности. Ихъ можно будетъ отчасти видѣть въ составляемой мною исторіи возсоединенія уніатовъ. *Авт.*

***) Я совершенно увѣренъ, что единеніе это живетъ въ душѣ даже тѣхъ здѣшнихъ русскихъ людей, въ которыхъ, подъ наростомъ польскихъ вліяній, свѣжій человѣкъ затрудняется видѣть русскихъ людей. Польша лишала насъ нашей русской рѣчи, русскихъ обычаевъ, но загубить въ здѣшнихъ людяхъ совершенно русскую душу ей удавалось далеко не такъ легко и часто, какъ многіе думаютъ. Наши отцы очень часто громили Польшу и стремились къ Россіи польскою рѣчью, въ польской одеждѣ, въ домахъ, по польски устроенныхъ, и даже въ ополяченныхъ церквахъ. Многіе изъ насъ помнятъ, какъ въ дѣтствѣ, при совершенномъ видимомъ отсутствіи различія отъ польскихъ дѣтей, мы не разъ воевали съ этими послѣдними за оскорбленіе русскаго имени и русской вѣры. *Авт.*

Въ недавнее здѣсь пребываніе мое я не могъ не замѣтить, сколько сдѣлано въ этой странѣ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ (со времени послѣдняго моего пребыванія здѣсь). Я долженъ сказать, что пораженъ громадностію и разнообразіемъ трудовъ здѣшней администраціи. Здѣсь оффиціальное лицо должно принимать на себя неисчислимое множество дѣлъ и удовлетворять неисчислимымъ потребностямъ страны. Вотъ и мы, братство, собрались въ оффиціальномъ домѣ, должны были воспользоваться гостепріимствомъ перваго здѣсь оффиціальнаго лица. Теперь, я во очію вижу то, что на другихъ основаніяхъ сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что *„здѣсь правительство—все для страны.“* Не думаю, чтобы исторія наша и исторія другихъ странъ могли представить много подобныхъ случаевъ богатства и разнообразія дѣлъ правительства страны. Но да позволено мнѣ будетъ сказать съ тою свободою и независимостію, съ которыми никогда и нигдѣ не могу разстаться, что рядомъ съ этымъ богатствомъ и разнообразіемъ дѣлъ правительства, я пораженъ теперь больше, чѣмъ когда либо, страшною бѣдностію неоффиціальныхъ, мѣстныхъ силъ и дѣлъ. Правда, на дняхъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ одномъ изъ здѣшнихъ народныхъ училищъ воскресающія уже мѣстныя силы; знаю, что есть здѣсь не мало русскихъ духовныхъ людей, есть и свѣтскіе русскіе люди, давно здѣсь живущіе; но кто же не видитъ, что въ нихъ далеко нѣтъ той полноты, какая нужна для соотвѣтствія полнотѣ вновь прибывшихъ оффиціальныхъ силъ, что между этими мѣстными силами и вновь прибывшими, да и вообще между всѣми нами недостаетъ того полнаго единенія, которое составляетъ завѣтъ нашей общей жизни. Какъ создать эту полноту мѣстныхъ силъ, какъ утвердить единеніе между всѣми нами? Мнѣ приходилось не мало объ этомъ думать и вотъ мой взглядъ на это дѣло: вѣка были въ разъединеніи восточно-русскіе и западно-русскіе люди, не мудрено, что и полное единеніе между ними должно вырабатываться трудомъ и временемъ. Для этого дѣла уже много положено матеріальной силы, много положено и ума. Мнѣ думается что завершитъ его не матеріальная русская сила, ни даже русскій умъ, а *русская душа*, та душа, сокровища которой дали намъ наше великое прошедшее и составляютъ упованіе въ будущемъ не только наше, но и всѣхъ славянскихъ народовъ. Внести сокровища этой души въ здѣшнюю страну, воскресить ими бѣдныя здѣшнія силы русскія и привести ихъ къ полному единенію со всею Россіей, мнѣ думается, предстоитъ прежде всего нашему братству. Я не могу при этомъ не гадать, когда будетъ это желанное будущее. Вѣра въ будущее говоритъ мнѣ, что это будетъ скоро. Вѣру эту внушаетъ мнѣ, между прочимъ, и то, что я здѣсь вижу такъ много русскихъ людей, связанныхъ братствомъ. Мнѣ кажется, что вотъ теперь уже радуются это-

му великія тѣни прошедшаго—тѣни князя Острожскаго, Курбскаго, Древинскаго, Ордина-Нащокина, Георгія Конисскаго, Мельхиседека Яворскаго, не говорю о множествѣ другихъ людей, особенно великорусскихъ, вкладами которыхъ полны были почти всѣ здѣшнія братства. Эти великія тѣни, безъ сомнѣнія, яснѣе меня видятъ, какъ близко это другое будущее, то будущее,—когда здѣсь будетъ дѣйствительно единая русская душа и въ ней неизмѣнно будетъ пребывать непоколебимая любовь къ дважды, можно сказать, „Богомъ намъ данному ЦАРЮ-ГОСУДАРЮ“, который, невольно думается, для ближайшихъ нашихъ потомковъ будетъ Владиміромъ нашихъ дней;

когда здѣсь будетъ единая русская семья, конечно безъ тѣхъ фальшивыхъ элементовъ—русско-латинскихъ, жидовско-русскихъ, которые вдвигаются въ нее не живою дѣствительностію, а болѣзненными теоріями и болѣзненнными личностями нашей интеллигенціи;

когда у насъ будетъ дѣйствительно единая русская земля, безъ притязаній на несовмѣстимыя особенности, но и безъ придирчивости къ тѣмъ русскимъ особенностямъ, которыя живутъ себѣ безвредно.

Всей душей желаю, чтобы это будущее было къ намъ какъ можно ближе, чтобы для него наше братство потрудилось возможно больше и успѣшнѣе и чтобы наши ближайшіе потомки жили здѣсь спокойно и счастливо.

Вил. Вѣст.

МОГИЛЕВСКАЯ ШЛЯХТА.

Въ Могилевской губерніи, какъ и во всемъ западномъ краѣ, существуетъ разрядъ жителей подъ названіемъ шляхты. Подъ шляхтой въ Могилевской губерніи разумѣютъ безразлично и собственно такъ называемую шляхту, утвержденную въ дворянствѣ, или отыскивающую оное, и однодворцевъ, такъ какъ наименованіе однодворцевъ приняли лица изъ той же самой шляхты, которыя не доказали своего дворянскаго званія и еще до указа 1864 года записались въ однодворцы; большая часть однодворцевъ живетъ, по прежнему, въ однихъ околицахъ и застѣнкахъ съ шляхтою. Поэтому въ настоящей статьѣ мы соединили тѣхъ и другихъ въ одно первоначальное и народное названіе ихъ шляхты.

Всей шляхты считается въ губерніи за 1865 годъ 37,506 обоего пола; шляхта разселена по всѣмъ одинадцати уѣздамъ губерніи. По уѣздамъ шляхта распредѣляется въ слѣдующей численности.

	Муж.	Жен.	Обоего.	Всѣхъ жителей	Отношеніе числа шляхты къ общему числу жителей.
1. Въ Сѣнненскомъ уѣз.	1462	1395	2859	85531	I: 30.
2. — Оршанскомъ. —	1275	1312	2587	102759	I: 40.
3. — Горѣцкомъ. —	199	171	370	67205	I: 183.
4. — Могилевскомъ. —	1562	1633	3195	103479	I: 32,34.
5. — Быховскомъ. —	651	599	1250	75867	I: 60,7.
6. — Чаусскомъ. —	882	867	1749	48309	I: 28.
7. — Мстиславльск. —	1246	1249	2495	62435	I: 25.
8. — Чериковскомъ. —	2523	2703	5226	83328	I: 16.
9. — Климовичск. —	1931	1935	3866	84643	I: 22,9
10. — Рогачевскомъ. —	6064	6100	12164	121627	I: 10.
11. — Гомельскомъ. —	846	899	1745	111006	I: 66.
	18643	18863	37506	941946	I: 25.

Въ итогѣ шляхты не включено еще чиновное шляхетство, состоящее на государственной службѣ по Могилевской губерніи: чиновнаго шляхетства съ ихъ семействами наберется еще служащаго до 500 душъ обоего пола, и всей шляхты составится 38000 душъ обоего пола, 4 /, всего населенія, или одинъ шляхта приходится въ 25 жителяхъ. По уѣздамъ эта численность идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ наименьшей и оканчивая наибольшой.

1.	Въ Горѣцкомъ одинъ шляхта приходится	на 183 ж.	въ проц. 0,55.
2.	— Гомельскомъ	66	1,51.
3.	— Быховскомъ	61	1,76.
4.	— Оршанскомъ	40	2,0.
5.	— Могилевскомъ	32	3,14.
6.	— Сѣнненскомъ	30	3,34.
7.	— Чаусскомъ	28	4,10.
8.	— Мстиславльскомъ	25	4,0
9.	— Климовичскомъ	22	4,51.
10.	— Чериковскомъ	16	6,15.
11.	— Рогачевскомъ	10	10.

Эта лѣстница показываетъ, что число шляхты постепенно увеличивается съ сѣвера на югъ губерніи отъ Горѣцкаго, Оршанскаго, Сѣнненскаго, Могилевскаго и Быховскаго уѣздовъ къ другой группѣ уѣздовъ Чаусскому, Мстиславльскому, Климовичскому, Чериковскому и Рогачевскому; одинъ Гомельскій уѣздъ изъ южныхъ представляется малочисленнымъ шляхтою и то, потому, что во втор мъ станѣ, самомъ населенномъ, на границѣ къ Черниговской губерніи отъ Вѣтки къ Новозыбкову шляхты совсемъ нѣтъ; только въ самой Вѣткѣ проживаетъ 11 человѣкъ обоего пола. Посему, если общее число 1745 гомельской шляхты поставить въ отношеніе только къ населенію перваго и третьяго становъ, прилегающихъ къ Рогачевскому уѣзду, то на 60,000 жителей этихъ двухъ становъ придется одинъ шляхта не болѣе какъ на 35 жителей или 3 %. Гомельская шляхта вся сгруппировала по границѣ къ Рогачевскому уѣзду, и если взять только этотъ пограничный рубежъ, то и Гомельская шляхта составитъ къ мѣстному порубежному населенію, какъ и рогачевская, около 10 %. Уменьшеніе числа шляхты встрѣчаемъ на крайнемъ восточномъ рубежѣ къ Смоленской и Черниговской губерніи и въ прочихъ восточныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи: Климовичскомъ, Чериковскомъ и Мстиславльскомъ. Въ первомъ станѣ Мстиславльскаго уѣзда къ Хославичамъ и за ними къ Рославлю шляхты считается только 43 человѣка, такъ, что ставя отношеніе 2450 остальной шляхты во 2 и 3-мъ станахъ ко всему населенію этихъ двухъ становъ въ 42,000, то приходится одинъ шляхта въ 17 жителяхъ. Въ Чериковскомъ уѣздѣ меньшее число шляхты тоже къ предѣламъ Черниговской губерніи въ третьемъ станѣ за Краснополье. Въ Климовичскомъ въ 3 станѣ Костюковицкомъ. Далѣе къ сѣверо-западу отъ Хославичъ и Мстиславля тоже нѣтъ шляхты по всему пространству, прилегающему къ уѣздамъ Смоленской губерніи, Красненскому, Смоленскому и Порѣчскому, которое обнимаетъ собою почти весь Горѣцкій уѣздъ; въ Горѣцкомъ уѣздѣ есть только въ 1 станѣ къ Днѣпру и г. Копысю семействъ 35 съ числомъ 186 душъ шляхты обоего пола, проживающей частію на собственныхъ, частію на арендуемыхъ земляхъ. Затѣмъ въ 4 станѣ Оршанскаго уѣзда отъ

Любавичъ къ Смоленскому со всѣмъ нѣтъ шляхты. Наконецъ въ Сѣнненскомъ уѣздѣ очень мало шляхты въ 3 станѣ, прилегающемъ къ Оршанскому уѣзду и къ Витебской губерніи. И такъ съ сѣверо-запада къ юго-востоку по всему рубежу къ сосѣднимъ губерніямъ Витебской, Смоленской и Черниговской огибаетъ по Могилевской губерніи неширокая полоса: отъ м. Островны чрезъ Бабиновичи, Любавичи, Горки, Хославичи, Костюковичи и Краснополье къ Веткѣ, въ которой шляхты нѣтъ.

Изъ общаго числа шляхты очень не много живетъ въ городахъ, а почти вся она составляетъ коренное сельское населеніе. Въ городахъ, кромѣ чиновной, служащей шляхты, считается шляхты въ числѣ городскихъ обывателей:

	Муж.	Жен.	Обоего пола.
1. Въ Сѣннѣ	3	2	5
2. — Оршѣ	4	5	9
3. — Горкахъ	22	1	23
4. — Могилевѣ	151	207	358
5. — Чаусахъ	53	49	102
6. — Быховѣ	—	—	—
7. — Мстиславлѣ	17	31	48
8. — Чериковѣ	10	9	19
9. — Климовичахъ	—	—	—
10. — Гомелѣ	4	8	12
Итого	264	312	576

Слѣдовательно въ городахъ живетъ 1½% шляхты, а со включеніемъ чиновниковъ и семействъ ихъ изъ всего шляхетства, проживаетъ въ городахъ не болѣе 3 %.

Шляхта группируется съ обоихъ краевъ губерніи, съ западнаго и восточнаго,— составляя двѣ отдѣльныя линіи или группы: сожскую и друтскую. Самое густое и большое населеніе шляхты идетъ по сожскому водоему, начиная съ Мстиславля чрезъ Кричевъ, а за Чечерскомъ и Рогачевомъ, гдѣ сближаются Днѣпръ и Сожъ, шляхетскія околицы группируются около обѣихъ этихъ рѣкъ, какъ по берегамъ ихъ, такъ и на разстояніи отъ береговъ верстъ на 30. Срединная линія плотнѣйшаго шляхетскаго населенія сожской группы идетъ отъ Мстиславля къ Чечерску, сперва по Вехрѣ потомъ по Сожу до Гомеля и занимаетъ площадь верстъ по 30 въ ту и другую сторону или 60 верстъ въ поперечникѣ къ Смоленской и Черниговской губерніямъ на востокъ и къ Минской на западъ. На этомъ пространствѣ причитается въ 16 жителяхъ одинъ шляхта, или не менѣе 6 %. Въ друтской группѣ, въ Сѣнненскомъ и Оршанскомъ уѣздахъ, шляхта группируется около Сѣнна, Черея, Бобра и Толочина, а въ Могилевскомъ по друтскому водоему (въ 3 станѣ) около Друцка и Бѣлыничъ, и

линія плотнѣйшаго населенія шляхетскаго составляетъ одну цѣпь отъ Сѣнна чрезъ Черею, Бобръ, Толочинъ и чрезъ Друцкъ, Былыничи и Озераны къ Рогачеву. Въ этой полосѣ приходится изъ 20 жителей одинъ шляхтичъ, т. е. 5°/₀ всего населенія. Это распредѣленіе шляхты указываетъ, что она сгруппирована около двухъ древнихъ княжествъ: Друцкаго въ бассейнѣ Друти и Днѣпра и Мстиславльскаго въ бассейнѣ р. Сожа. Раздѣльная линія этихъ двухъ группъ проходитъ водораздѣльнымъ хребтикомъ Днѣпра и Сожа, отъ Дубровны на Любижъ, потомъ по западной границѣ Чаусскаго уѣзда, за которымъ идетъ на Бахань, Журавичи, Сверженъ, Городецъ къ самому устью Друти при г. Рогачевѣ. За Рогачевомъ и Кормой къ Жлобину и Чечерску группы сходятся. Рогачевская шляхта съ гомельской представляетъ при Гомелѣ сводъ или дугу этихъ двухъ группъ, расходящихся къ верху по Сожу и Друти. Въ срединѣ между сторонами, на водораздѣлѣ Днѣпра и Сожа, шляхты очень мало: въ уѣздахъ Горѣцкомъ, Чаусскомъ и восточной половинѣ Быховскаго между Днѣпромъ и Сожомъ; почти все, небольшое впрочемъ, число Быховской шляхты живетъ въ западной половинѣ Быховскаго уѣзда за правымъ берегомъ Днѣпра, особенно по Друти.

Эти двѣ группы шляхты сѣверо-западная и юго-восточная различны между собою и въ численности и въ поземельномъ устройствѣ, въ разселеніи и религіи, въ бытѣ и обычаяхъ.

Какъ разнообразна численность шляхты, такъ же разнообразна численность и величина шляхетскихъ селеній въ разныхъ мѣстностяхъ Могилевской губерніи. Шляхетскія селенія т. е. тѣ селенія, въ которыхъ живетъ исключительно шляхта обыкновенно называются *околицами* и *застѣнками*. Въ околицахъ и застѣнкахъ шляхта составляетъ болѣе или менѣе значительныя общества съ числомъ душъ обоего пола отъ 40 и какъ въ Осмоловичахъ Климовичскаго уѣзда до 850 жителей, кромѣ того шляхта живетъ одиночно: 1) въ деревняхъ между крестьянами; 2) на отдѣльныхъ фольваркахъ. Околицы рѣдко имѣютъ населеніе менѣе 40 душъ обоего пола, но въ застѣнкахъ случается и не болѣе 20 жителей.

Относительно числа и величины шляхетскихъ поселеній сѣверозападная и юговосточная половины губерніи представляютъ тоже противоположность, какъ и въ численности самой шляхты. Въ сѣверозападной или Друтской половинѣ шляхта живетъ разбросанно по мелкимъ застѣнкамъ, по деревнямъ, между крестьянами, и по отдѣльнымъ фольваркамъ и очень рѣдко встрѣчается значительная околица. Въ восточной или Сожской, напротивъ шляхта живетъ большими околицами отъ 40 до 850 жителей. Отъ того число селеній, въ которомъ живетъ шляхта, включая и города въ сѣверозападной половинѣ, значительно болѣе, чѣмъ въ юговосточной, между тѣмъ, какъ число самой шляхты гораздо больше въ юговосточной половинѣ.

Сословное раздѣленіе.

Въ настоящее время шляхта не составляетъ особаго сословія въ губерніи, а приписалась къ разнымъ другимъ существующимъ сословіямъ, именно приписалось душъ одного мужескаго пола по 1-е января 1866 года.

	Могилевъ.	Чаусы.	Чериковъ.	Климовичи.	Мстиславль.	Горки.	Орша.	Сѣнно.	Рогачевъ.	Гомель.	Быховъ.	Итого.
Въ мѣщане и граждане	331	256	138	1971	361	129	34	292	169	1253	285	5248
Въ однодворцы (*) . .	1544	763	1736	166	951	145	782	705	950	114	524	12561
Въ крестьяне казенные и въ крестьяне собственники	18	1	18	6	28	15	51	37	100	7	29	3100
Въ купцы	10	12	2	2	4	„	13	„	6	21	7	77
А всего . .	1903	1002	1896	2145	2274	289	880	633	5325	1305	644	18116

Въ дворянствѣ остается изъ количной шляхты по губерніи не болѣе..... 850

И такъ изъ 38000 шляхты осталось въ дворянствѣ личномъ и потомственномъ около 1712 душъ обоего пола, а остальные 36288 приписались къ разнымъ другимъ сословіямъ и всего болѣе, около 25000 записалось въ однодворцы, за тѣмъ 10500 въ мѣщане и граждане, только 630 въ крестьяне, и всего менѣе 150 душъ обоего пола въ купцы.

Поземельное устройство шляхты.

Переходя къ разсмотрѣнію землевладѣнія у шляхты мы считаемъ нужнымъ снова привести таблицу распредѣленія шляхты по группамъ, съ тѣмъ измѣненіемъ, что въ друтскую группу теперь перечисляемъ изъ сожской группы и ту часть шляхты рогачевской, которая живетъ по Друти и Днѣпру съ водораздѣла отъ Сожи и ту часть гомельской шляхты, которая живетъ по водоему днѣпровскому, такъ что раздѣльная черта двухъ группъ проходитъ отъ Дубровны по водораздѣлу между Днѣпромъ и Сожью до сліянія ихъ при Лоевѣ. Такое раздѣленіе группъ еще рѣзче указываетъ на различіе ихъ между собою. Такимъ образомъ изъ сожской группы перечисляется въ друтскую рогачевской шляхты 1700 душъ въ 24 селеніяхъ, начиная съ Тержета и оканчивая Ходосовичами и гомельской 227 душъ обоего пола въ 9 селеніяхъ, изъ которыхъ только два значительны: Щербовка и Бѣлые берега. Группы являются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Сѣверозападная или друтская группа.

12.188 душъ обоего пола шляхты разбросанны по 521 селенію въ 2090 дворовъ.

Юговосточная или сожская группа.

25,318 разбросаны по 248 селеніяхъ въ 4439 дворовъ.

А всего 37,506 душъ обоего пола разбросаны по 769 селеніяхъ, 6529 дворовъ.

И при этомъ распредѣленіи группъ выводъ тотъ же, что въ друтской группѣ живутъ мелкими селеніями и разбросанно, въ сожской крупными околицами и болѣе скученно. Во всей друтской группѣ только двѣ большія околицы съ населеніемъ около 380 душъ—Тертежъ и Сѣножатки.

Поземельное устройство шляхты тоже различно въ обѣихъ группахъ: друтской и сожской или мстиславельской. Мы будемъ называть обѣ группы или по рѣкамъ, или по древнимъ удѣльнымъ княжествамъ, въ предѣлахъ которыхъ та и другая группа главнымъ образомъ, поселилась. Въ группѣ друтской или днѣпровской въ шести западныхъ уѣздахъ могилевской губерніи большинство шляхты не имѣетъ собственной земли, а проживаетъ на арендной землѣ, государственной, помѣщичьей, городской, церковной, или даже совсѣмъ беземельно въ батракахъ и въ должностяхъ при экономіи. Въ сожской же группѣ беземельной шляхты очень мало, а почти вся шляхта живетъ на землѣ собственной. Такое устройство, беземеліе однихъ и землевладѣніе другихъ опредѣлило самый способъ разселенія шляхетскаго, разбросаннаго въ одной и скученнаго въ другой, такъ что разбросанность и скученность шляхты прямо пропорціональны числу душъ беземельныхъ и земельныхъ. Тамъ, гдѣ больше шляхты беземельной, она живетъ разбросаннѣе, гдѣ напротивъ больше земельныхъ тамъ она скученнѣе.

Въ друтской группѣ беземельныхъ 8219, имѣющихъ собственную землю 3969, отношеніе беземельныхъ къ земельнымъ какъ $2,_{07}$: 1. Въ сожской беземельныхъ только 1420, а имѣющихъ землю 23898, отношеніе 1: $16,_{83}$. По губерніи четвертая часть шляхты 9639 беземельныхъ, а три четверти 27867 имѣетъ $76\,207._{34}$ десятинъ своей земли, по $5^1/_2$ десятинъ на душу мужескаго пола.

Хотя впрочемъ мы замѣчаемъ, что у рогачевской шляхты друтскаго водоема большинство, очень небольшое, тоже земельныхъ, въ исключеніе противъ остальной подрутской и поднѣпровской шляхты, у которой большинство беземельныхъ. Но изъ рогачевской шляхты друтскаго водоема въ число имѣющихъ собственную землю включены единственныя пять, самыя большія въ группѣ, околицы съ 997 жителей, Тертежъ, Вербичевъ, Антуши, Сѣножатки и Маруссеньки, у которыхъ землю оспариваютъ.

При томъ надобно замѣтить, что изъ рогачевской шляхты большинство беззеиельной до 500 душъ находиться по Другіи отъ Озеранъ до Рогачева, и гдѣ беземельной тоже больше, чѣмъ земельной; послѣдней тамъ не болѣе 250 д. обоего пола. Эту беззеиельную шляхту слѣдуетъ отнести къ друтской группѣ: тогда на остальномъ пространствѣ уѣзда придется на 10325 земельной шляхты 139 беззеиельной или на 74 земельныхъ только 1 беззем.

Земли околичныхъ шляхтичей собственниковъ сожской группы почти всѣ жалованы первымъ шляхтичамъ, родоначальникамъ нынѣшняго шляхетсва, отъ которыхъ по наслѣдству они переходили изъпоколѣнія въпоколѣніе. Многіе роды Сожской шляхты ведутъ сваю родословную, какъ напримѣръ Судзилы и другіе, отъ временъ Мстиславльскаго удѣльнаго княжества, начиная съ 15 и 16 столѣтія. Но большинство получило подтвержденіе правъ своихъ въ 17 и 18 уже вѣкѣ отъ польскихъ королей. Эта сожская шляхта поселена на такъ называемыхъ княжескихъ земляхъ Мстиславльскаго княжества, въ предѣлахъ котораго заключались тогда уѣзды: Мстиславльскій, Климовичскій, Чериковскій и Чаусскій. Въ послѣдствіи засе. енныя шляхтой земли нереданы были ей въ собственность. Первые роды постепенно разростаясь, образовали наконецъ изъ одного, двухъ, и рѣдко изъ трехъ или четырехъ родоначальныхъ семействъ, иногда огромныя околицы, которыя и нынѣ состоятъ изъ одной фамиліи, или изъ двухъ, трехъ и много, если изъ четырехъ и пяти. Въ Быховскомъ уѣздѣ большая околица Поиловщизна почти вся состоитъ изъ Ононковъ, въ Рогачевскомъ Богдановичи, Громыки, Судзилы, Коротки изъ Богдановичей, Громыкъ, Судзиловскихъ, Короткевичей,—Жабина изъ Курбацкихъ, Гржимбовскихъ, Лашкевичей,—Куракъ изъ Коносевичей, Куроковъ и другихъ, Поплавъ и Шепотовичи изъ Дробышевскихъ. Въ Климовичскомъ огромныя околицы Осмоловскихъ. Прапнисекъ, изъ Саковичей, Гриневщина, изъ Гриневичей; приведенныхъ примѣровъ достаточно. На такихъ жалованныхъ земляхъ существуютъ почти всѣ нынѣшнія околицы сожской группы.

Въ сосѣдней Смоленской губерніи также отводились правительствомъ земли предкамъ нынѣшнихъ однодворцевъ обыкновенно четвертями, вмѣсто жалованья за службу. *Четверть* полдесятины въ полѣ, или полторы во всѣхъ трехъ поляхъ, и отъ этой прежней поземельной мѣры сохранилось въ Смоленской губерніи название *четвертнаго* владѣнія. Въ Могилевской губерніи, какъ и въ прочихъ, зависѣвшихъ болѣе долгое время отъ Польши, отводились *волоками* или какъ говорять нынѣ, *уволоками*, по 20 десятинъ или около 39 морговъ въ каждый уволокѣ. Какъ жалованье бываетъ не одинаковое, такъ число четвертей въ русскихъ украйныхъ земляхъ и число уволокъ въ польской Украйнѣ, отводимое служилымъ

людямъ, не всегда было одно и тоже. Служилымъ людямъ предоставлялось право передавать отведенныя земли по наслѣдству, даже продавать, но не иначе, какъ служилымъ же людямъ, однодворцамъ или шляхтѣ; наконецъ эти земли были окончательно закрѣплены за потомками служилыхъ людей. Количество земли, въ началѣ отведенное невсегда поровну двумъ или тремъ родоначальникамъ нынѣшняго шляхетскаго потомства, въ настоящее время весьма различно у каждаго домохозяина: отъ перехода изъ однихъ рукъ въ другія дошло до того, что одни имѣютъ по 100 и болѣе десятинъ, у другихъ же остались участочки, крайне мелкіе, недѣлимые въ хозяйственномъ смыслѣ, а третьи вовсе остались безъ земли, хотя такихъ беззeмельныхъ, какъ мы видѣли, весьма не много (*).

Другимъ путемъ пріобрѣтались земля въ собственность въ друтской или днѣпровской группѣ отъ Сѣнна и Бабиновичъ до Рогачева. Въ друтской группѣ первоначальная шляхта помѣщалась не на государственной и не на казенной землѣ, а на землѣ магнатовъ, или на государственной, но пожалованной въ послѣдствіи магнатомъ, какъ напримѣръ Сѣножатскому, земли гдѣ Вербичевъ, Тертежъ, Антуши, Марусенька и Сѣножатки, и Выховскому земли подъ Ходосовичами и проч. Иные магнаты отдавали въ собственность шляхтѣ землю занимаемую ею; но чаще шляхта сама пріобрѣтала у нихъ участки покупкою, какъ въ Ходосовичахъ и большею частію одиночно, а не цѣлой околицей. Отъ того въ друтской группѣ рѣдко встрѣчаются большія околицы на собственной землѣ и еще рѣже, значительныя околицы изъ одного или двухъ, трехъ родовъ. Потому что эта шляхта, не привязанная къ мѣсту землей, переходила отъ одного магната къ другому, вслѣдствіе чего разные роды перемѣшались въ нынѣшнихъ шляхтическихъ селеніяхъ друтской группы до того, что въ одномъ селеніи почти всѣ домохозяева имѣютъ разныя фамиліи. Отъ того также въ друтской группѣ шляхтичъ собственникъ имѣетъ больше земли, пріобрѣтателя неуспѣло еще распространиться до того, что на каждаго члена участокъ приходился меньше, какъ въ сожской группѣ. Въ друтской группѣ приходится до 10 десятинъ (9,75) на каждую душу м. п, шляхтичей собственниковъ, а въ сожской вдвое меньше,—только 5 десятинъ. Изъ друтской группы составляетъ исключеніе только кружокъ околицъ Сѣножатокъ, Антушей, Вербичева, Марусенька и Тертежа, которыя также велики и также малоземельны и наконецъ также состоятъ изъ немногихъ фамилій, какъ и околицы въ сожской группѣ. Въ Сѣножаткахъ напримѣръ преобладаетъ фамилія Жолтокъ.

(*) Срав. сельско-хозяйствен. статистика Смоленской губер. Я Зап. Р. Соловьева стр. 206.

Изъ беземельныхъ шляхтъ почти всѣ имѣютъ въ пользованіи арендную землю и очень не много шляхты, душъ шесть или семь сотъ чисто беземельной и не земледѣльческой, которая живетъ по городамъ и мѣстечкамъ, занимается ремеслами или прокармливаетъ себя наймомъ въ услуженіи, такъ что въ общемъ слѣдуетъ назвать шляхту населеніемъ земледѣльческимъ. На арендной землѣ шляхта живетъ большею частію разбросанно, или совершеннымъ особнякомъ на отдѣльныхъ фольваркахъ и въ уединенныхъ корчмахъ, или домикахъ по два, по три въ застѣнкахъ, иногда—же въ деревняхъ между крестьянами. Что разбросанность шляхты пропорціональна беземелію достаточно поставить въ соотношенія число беземельной шляхты въ каждой мѣстности съ числомъ и дробностію шляхетскихъ поселеній. На арендной землѣ шляхта очень рѣдко составляетъ не малое селеніе, какъ наприм. въ Могилевскомъ уѣздѣ въ околицахъ на государственной землѣ въ Варгутьевѣ 182 души, въ Филатовѣ 192 души обоего пола, Чериковскомъ въ Городецкомъ 186, въ Чаусскомъ въ Лапеняхъ пом. Нарышкина 157 душъ, въ Быховскомъ на землѣ помѣщицы Цѣхановицкой и помѣщика Нарышкина отъ 40 до 70 душъ. Но и такихъ не крупныхъ шляхетскихъ селеній на арендной землѣ очень мало по губерніи, а больше отъ 1 до 6 дворовъ, съ населеніемъ отъ 6 до 40 душъ обоего пола.

На государственной землѣ по арендымъ договорамъ проживаетъ не болѣе 1000 душъ обоего пола шляхты именно:

Всей земли у нихъ въ арендномъ содержаніи не много болѣе 3000 десятинъ удобной и неудобной (3050 десят.), такъ что на каждую изъ 500 душъ м. п. приходится по 6 десятинъ, даже съ небольшимъ, и за каждую десятину на кругъ приходится платить по 61 коп., а за одну удобную по 68 к. за десятину. На казенной землѣ въ сожской группѣ живетъ только 295 душъ обоего пола, въ друтской 316.

Остальная беземельная шляхта около 8000 душъ живетъ на землѣ арендуемой у помѣщиковъ, и на условіяхъ болѣе дорогихъ и невыгодныхъ. На квартирахъ по городамъ живутъ очень не многіе; едва ли насчитывается до 500 человѣкъ.

У помѣщиковъ арендная плата, взимаемая за землю съ шляхты обыкновенно составляетъ на деньги 20 рублей за у-волоку въ 20 десятинъ или по 1 рублю за десятину на кругъ удобной и не удобной земли, даже въ мѣстностяхъ весьма пустынныхъ и на землѣ весьма незавидной, какъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Сѣнненскаго уѣзда на границѣ съ Борисовскимъ. Только нужда и не возможность подняться съ семействомъ, а также привычка къ мѣсту, удерживаетъ бѣдную шляхту отъ переселеній на болѣе выгодныя удобныя и дешевыя земли.

Способъ землевладѣнія у шляхты издавна существуетъ участковый наслѣдственный какъ на земляхъ собствен-

ныхъ, такъ и на арендныхъ. Иногда только луга и лѣса остаются въ нераздѣльномъ пользованіи всей околицы, при неудобствѣ, почему бы то ни было разбить ихъ на семейные участки. Въ такомъ случаѣ на лугъ каждый собственникъ выставляетъ во время сѣнокосовъ число косцовъ, пропорціонально владѣемой имъ земли: одинъ одного, другой двухъ, а третій трехъ косцовъ выставляютъ. Въ лѣсъ же всѣ въѣжаютъ, и такой лѣсъ скоро становится мелкой зарослью. Но въ отдѣльныхъ участкахъ, часто при самыхъ усадьбахъ, сохраняются рощицы очень хорошаго лѣса, березъ или сосенъ, лицъ или дубовъ, смотря по мѣстности. При наслѣдственномъ способѣ владѣнія, и по неимѣнію вѣрныхъ доказательствъ у многихъ шляхтичей собственниковъ, сколько именно они имѣютъ собственной земли, часто у шляхтичей выходятъ за землю, споры, драки и тяжбы; случается, что участокъ, бывшій въ прошлое лѣто у одного, на слѣдующее поступаетъ къ другому, иногда просто съ бою, иногда же по добровольному согласію пользоваться по очереди, буде участокъ спорный.

Вѣроисповѣданія шляхты.

Шляхта по вѣроисповѣданіямъ дѣлится на православную и р. католическую; другихъ исповѣданій между шляхтой нѣтъ. Какъ случайность встрѣчается въ Чаусскомъ уѣздѣ въ д. Юровкѣ три особы шляхты реформатскаго исповѣданія. Православное исповѣданіе преобладаетъ въ сожской группѣ, римско-католическое въ друтской, въ общемъ итогѣ перевѣсъ остается православныхъ предъ р. католиками.

Въ Друтской группѣ.

	правосл.		р. кат.		всего.	
Въ Сѣнскомъ уѣздѣ.	9	508	53	2806	2359	1: 53.
— Оранскомъ —	50	421	369	2218	2850	1: 6.
— Горецкомъ —	13	50	123	247	370	1: 3.
— Могилевскомъ—	73	437	499	2606	3'95	1: 5,10.
— Быховскомъ —	62	140	418	882	1250	1: 2.
— Рогачевскомъ—	22	273	136	1564	1700	1: 11,50.
— Гомельскомъ —	20	12	144	84	227	1,68: 1.
Итого	249	1841	1741	10447	12188	1: 6.

Въ Сожской группѣ.

	правосл.		р. кат.		всего.	
Въ Чаусскомъ уѣздѣ	91	242	531	1218	1749	1: $2_{,29}$.
— Мстиславльск. —	280	198	1491	1004	2495	$1_{,48}$:1.
— Чериковскомъ —	801	189	4197	1029	5226	$4_{,08}$:1.
— Климовичск. —	606	95	3524	342	3866	$10_{,30}$:1.
— Рогачевскомъ —	1375	344	8509	1955	10464	$4_{,35}$:1.
— Гомельскомъ —	145	73	1139	379	1518	3: 1.
Итого	3268	1141	19391	5927	25318	$3_{,3}$: 1.
А всего	3547	2982	21132	16475	37606	$1_{,28}$: 1.

Изъ 37606 душъ обоего пола шляхты православной считается 21132 р., католической 16475; православная относится къ католической, какъ $1_{,28}$: I, или въ общемъ числѣ православной 57% католической 43%. Въ частности въ друтской группѣ православной только 1741, р. католической 10447, и отношеніе ихъ какъ I: 6, то есть на шесть католиковъ приходится одинъ православный; въ сожской на оборотъ православной 19491, а католической только 5927 и отношеніе ихъ какъ $3_{,3}$: I, то есть почти на 10 человѣкъ православныхъ приходится трое католиковъ.

Р. католическая шляхта составляетъ нѣсколько менѣе $^2/_5$ общаго числа до 54 тыс: всего католическаго населенія Могилевской губерніи, а остальныя три пятыхъ католиковъ: именно 18 т. состоятъ изъ мѣщанъ, помѣщиковъ и частію крестьянъ. Если же принять въ расчетъ, что небольшая часть чиновной шляхты тоже р. католическаго исповѣданія, то составится не менѣе $^2/_5$ или $17^1/_2$ тыс. шляхты р. католической. По уѣздамъ въ друтской группѣ р. католическая шляхта составляетъ: въ Сѣнненскомъ 2806 половину р. католическаго населенія, въ Оршанскомъ болѣе третьей части, въ Горѣцкомъ пятнадцатую, въ Могилевскомъ нѣсколько болѣе третьей части, въ Быховскомъ двѣ пятыхъ, въ друтской части Рогачевскаго половину; въ сожской группѣ: въ Чаусскомъ болѣе половины, въ Мстиславльскомъ двѣ пятыхъ, въ Черриковскомъ двѣ пятыхъ, въ Климовичскомъ одинацатую часть, въ Рогачевскомъ по Сожу половину, въ Гомельскомъ осмую часть.

Впрочемъ въ послѣднее время шляхта начинаетъ переходить въ православіе, возвращаться въ лоно древней своей церкви, отъ которой она была насильственно отторгнута польскимъ правительствомъ, кромѣ шляхтичей пришельцовъ изъ самой Польши, которыхъ число впрочемъ весьма ничтожное въ общей цифрѣ могилевской шляхты.

Сравнивая обѣ группы между собою видимъ, что сожская шляхта: 1) живетъ скученно, большими околицами; 2)

почти всѣ имѣютъ свою землю; 3) большинство православнаго исповѣданія. Въ другской же группѣ на оборотъ, шляхта живетъ: 1) разбросано; 2) большинство не имѣетъ своей земли и 3) значительное большинство католики. Дальнѣйшія различенія ихъ разсмотримъ въ послѣдствіи.

СОСТОЯНІЕ И БЫТЪ ШЛЯХТЫ.

Состояніе шляхты находится тоже въ прямой зависимости отъ поземельной собственности. Околичная шляхта и вообще шляхта на землѣ собственной, достаточнѣе, исправнѣе и безъ той нужды, въ какой живетъ шляхта беззенельная. Хозяйственныя постройки, хотя и не роскошныя, не удобныя, уютныя, хаты съ красными окнами и деревянными полами, а не съ земляными; земляной полъ встрѣчается изрѣдка въ жилыхъ отдѣленіяхъ. Шляхетская изба раздѣлена на двѣ половины: на жилую и на чистую или горенку. Въ жилой обыкновенно устраивается русская кухонная печь, помѣщается семейство съ своей обыкновенной утварью; и тамъ же воспитываютъ иногда молодыхъ домашнихъ птицъ и животныхъ, овецъ поросятъ и телятъ, а въ горенкѣ или свѣтлицѣ бываютъ только пріемы гостей; потому горенка всегда нарочито убрана лучше жилой избы, иногда стѣны оклеены обоями, обвѣшаны картинками и зеркальцо виситъ на стѣнѣ. Въ переднемъ углу кіотъ съ чистенькими иконами и съ распятіемъ. Изъ домашнихъ вещей хранятся только болѣе праздничные, въ сундухахъ или *кублахъ* (круглая кадка съ двумя ушами, въ родѣ ушата) и на вѣшалкахъ наряды; въ шкапахъ за стекломъ, чайная фаянсовая и хрустальная посуда, ложечки и ложки, больше оловянныя, рѣже мельхіора, польскаго и новаго серебра и очень рѣдко настоящія серебряныя. На окнахъ иногда цвѣты: бальзамины, ерань, гортензія, а также занавѣски бѣлыя или цвѣтныя. Здѣсь же помѣщается у достаточныхъ убранная постель: простая кроваТь съ периной и съ горой подушекъ, трехъ или четырехъ, въ бѣлыхъ наволочкахъ подъ цвѣтнымъ ситцевымъ одѣяломъ.

Дворъ и амбары у земельной шляхты тоже устроены съ нѣкоторымъ стараніемъ и содержатся безъ большихъ опущеній. Но общій видъ околицъ, при въѣздѣ и первомъ осмотрѣ ихъ, далеко не щеголеватый и непривлекательный, а скорѣе неряшливый и безпорядочный. Неказистый видъ получаютъ околицы отъ обычнаго расположенія ихъ. Рѣдко можно встрѣтить, даже въ очень большой околицѣ, правильную улицу. Околица раскидывается обыкновенно небольшими слободками и даже отдѣльными хозяйствами и образуетъ сѣть небольшихъ улицъ, переулковъ и закоулковъ. Жилыя до-

на выходятъ не на улицу, а чаще скрываются за заборомъ, и составляютъ или заднюю линію хозяйственныхъ построекъ или которую нибудь боковую, правую или лѣвую, отъ воротъ. Ворота дѣлаются по срединѣ забора, за которымъ между постройками: домомъ съ одной стороны, съ заборомъ съ лицевой и съ хлѣвами съ остальныхъ двухъ сторонъ остается площадка не покрытая навѣсомъ. Постройки изображаютъ такимъ образомъ букву П. Выходящіе на улицу заборы и ворота и самыя надворныя строенія особенно у недостаточной шляхты, не всегда исправно поддерживаются: то крыша расползлась, то заборъ разсыпался, то ворота покосились. Такая лицевая сторона околицъ даетъ имъ видъ непривлекательный, даже неряшливый, который тѣмъ еще невзрачнѣе кажется, что кромѣ заборовъ съ улицъ къ каждой усадьбѣ прилѣгаетъ огородъ, окруженный особой загородью какъ отъ собственныхъ хозяйственныхъ построекъ, чтобъ въ огородъ не заходилъ домашній скотъ, такъ и отъ сосѣдней усадьбы. Отъ того въ околицахъ поражаютъ взглядъ болѣе заборы и плѣтни, чѣмъ дома, которыхъ только трубы и коньки съ частію крыши высовываюся изъ заборовъ. Такая раздѣльность частоколами и заборами каждой усадьбы и скрытіе домовъ за заборами даетъ каждому хозяйству видъ особняка, замкнутости, какъ будто каждый шляхтичъ живетъ отдѣльно отъ остальнаго населенія околицы, скрываясь за заборомъ въ свою хату, какъ улитка въ свою раковину.

Такое расположеніе дома и двора объясняютъ охраненіемъ въ старые годы отъ набѣговъ: потому что первоначальная шляхта поселялась однимъ или двумя, тремя домиками и притомъ въ такія времена, когда и населеніе было рѣже, край былъ пустыннѣе и когда всякой неурядицы и нападеній было больше. Отъ заводителя околицы перенимали и перенимаютъ образецъ располаженія домашнихъ построекъ и всѣ послѣдующія поколѣнія, хотя, разумѣется, нынѣ въ этой замкнутости, въ устройствѣ дома на подобіе военной крѣпостцы, никакой нѣтъ надобности.

Опрятный и веселый видъ чаще имѣютъ отдѣльные шляхетскіе хутора, въ одинъ, два, три и четыре двора. Эти хутора иногда похожи на усадьбы небогатыхъ помѣщиковъ: дома просторные, въ три и четыре красныхъ окна, крыты тесомъ или гонтомъ, съ прочной надворной постройкой, съ крѣпкими заборами и прямыми огородами. На обширной усадьбѣ хорошо обработанный огородъ, иногда съ садикомъ и почти всегда съ пчельникомъ. Нѣкоторые изъ такихъ одиночныхъ шляхтичей собственниковъ имѣютъ значительные участки съ прекраснымъ лѣсомъ, прилегающимъ къ ихъ хуторамъ, владѣя болѣе 100 десятинами всей земли на домохазяина; но такое обширное землѣдѣніе шляхтичей преимущественно встрѣчается въ западной группѣ шляхты, въ противоположность безземелію тамошняго большинства шляхетскаго.

Поля и огороды шляхты на собственной землѣ обработаны не у многихъ тщательно, скотъ впрочемъ такъ не изнуренъ, какъ у крестьянъ, хотя такой же мелкій, а у нѣкоторыхъ въ холѣ, особенно лошади бываютъ кормныя, съ широкимъ крестцомъ и грудью, на видъ казистѣе, дюжѣе, если не рослѣе, мѣстной бѣлорусской крестьянской лошадки. Встрѣчаются лошади покупныя изъ Черниговской губерніи, рослѣе мѣстной породы.

Вообще шляхтичи собственники зажиточнѣе и опрятнѣе окрестныхъ крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ, меньше ихъ пьянствуютъ и гораздо развитѣе, на видъ чище и рослѣе. Пища ихъ приготовляется опрятно и хорошо, столъ здоровый и сытный, нѣкоторые имѣютъ на случай пріѣзда гостей чай и самоваръ. Всѣ сельскія произведенія ихъ, поступающія въ продажу, лучше крестьянскихъ, каковы масло, свинина, домашняя птица: куры, гуси и утки, мука и медъ. Но и эти шляхтичи далеко уступаютъ въ трудѣ, въ зажиточности, въ смышленности, даже въ красотѣ, чистотѣ и плотности, во всемъ наружномъ видѣ своемъ, въ прочности и опрятности построекъ, великорусскимъ крестьянамъ промышленникамъ и сосѣднимъ старообрядцамъ рогачевскимъ и гомельскимъ и сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи.

Шляхтянки въ лѣтніе праздники одѣваются опрятно; въ бѣлыя какъ снѣгъ, юбки и въ бѣлыя кофточки или рукава, иногда въ цвѣтныя юбки и платья, надѣваютъ перчатки и въ солнечные лѣтніе дни распускаютъ зонтики.

Неутѣшительный видъ представляетъ шляхта безземельная, проживающая на арендной землѣ. Но и безземельная шляхта въ степени благосостоянія составляетъ двѣ степени. Еще та шляхта, которая на землѣ нанимаемой образуетъ не мелкія селенія, а болѣе 7 дворовъ съ числомъ жителей выше 40, живетъ не совсѣмъ бѣдно; потому что землевладѣльцы не рѣшаются стѣснять слишкомъ обременительными требованіями за землю не мелкое шляхетское селеніе, опасаясь неумѣренными прижимками лишиться значительнаго числа жителей въ имѣніи, а съ значительнаго дохода. Шляхетское селеніе отъ 8 до 16, дворовъ съ населеніемъ отъ 43 до 86 душъ обоего пола, даетъ землевладѣльцу отъ 160 до 320 руб. доходу, въ видѣ одной арендной платы за землю, и землевладѣльцы правильно расчитываютъ лучше имѣть постоянный и вѣрный доходъ, чѣмъ разъ или два стѣснивши шляхту, тѣмъ заставить ее выселится изъ имѣнія, а себя лишить на болѣе или менѣе продолжительное время нѣкоторой части дохода съ имѣнія. Эта шляхта, не имѣя надобности часто мѣнять свои мѣста, тѣмъ самымъ избавлена отъ расходовъ и ущербовъ неизбѣжныхъ при переселеніяхъ и всегда особенно тяжело падающихъ на бѣдныя хозяйства, которыя на новомъ мѣстѣ даже при сторонней помощи не скоро оправля-

мета. Проживая изъ рода въ родъ на дѣдовщинѣ, эта вполнѣ осѣдлая шляхта, имѣетъ возможность сдѣлать даже сбереженія и улучшнеія въ своихъ хозяйствахъ какъ и шляхта на собственной землѣ. Гораздо невыгоднѣе условія шляхты разбросанной; одиночная шляхта, живущая по одному домику, по два и рѣдко по пяти, шести и семи, разбросанно между крестьянами дошла до крайней бѣдности, до страшной нищеты. У одиночной беземельной шляхты постройки ничѣмъ не отличаются отъ крестьянскихъ. Хата не раздѣляется уже на двѣ половины, а имѣетъ одну жилую избу съ земляныпъ поломъ, и съ узенькими, въ четверть ширины, продолговатыми окнами, въ которыхъ вставлены осколки стеколъ, подпертыхъ лучинками. На другой половинѣ за сѣнями, строится, вмѣсто горенки, изъ тонкаго лѣса, клѣтушка, часто со всѣмъ безъ оконъ и съ земляныкъ поломъ, для складу разнаго домашняго скарбу. Во всемъ крайняя скудось и нерящливость. Крыша на постройкахъ часто, какъ рѣшето, заборы и загороды покосились. Въ хатѣ холнотья и грязь; съ семейстзонъ не рѣдко помѣщаются куры, свиньи и телята: самыя святыя иконы закоптѣли до того, что иногда невозможно разобрать ликовъ. Въ людяхъ слабосиліе, вялость и болѣзненность; красоты незамѣтно ни въ взрослыхъ, ни въ дѣтяхъ; весь складъ не имѣетъ стройности и кажется, если не вполнѣ безобразнымъ, то и очень не красивымъ. Одежда-лохмотья; въ холодъ и сырость дѣти дрогнутъ въ своихъ рубащахъ. Скотъ домашній, лошади и коровы также изнурены и невзрачны. Самое бѣдственное состояніе беземельной разбросанной шляхты, хуже состоянія односельныхъ съ ними бывшихъ крѣпостныхъ крѣстьянъ и, по сознанію самихъ крестьянъ, происходитъ отъ того, что этой беземельной шляхтѣ приходится часто переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Шляхтичь найметъ у пана землю; панъ отведетъ ему гдѣ нибудь нерасчищенную уволоку; шляхтичъ трудится, и когда разчиститъ участокъ, поживетъ на немъ нѣсколько лѣтъ, унавозитъ его, панъ возвышаетъ плату или сгоняетъ на другой нерасчищенный участокъ, а на участокъ шляхтича сажаетъ своего тяглаго крестьянина. Шляхтичу приходилось или подчиниться всѣй волѣ пана, или бѣжать, и снова начинать у другаго пана разработывать новый участокъ. Панъ не дорожилъ какими нибудь 20 рублями, получаемыми отъ шляхтича, такъ какъ тѣже 20 рублей онъ получалъ съ своихъ крестьянъ за оставленный и разработанный участокъ. Такое безвыходное положеніе довело часть беземельной шляхты до того, что она у нѣкоторыхъ пановъ записалась въ крѣпостные крестьяне ихъ. Достаточно указать на значительнѣйшіе процессы въ послѣднее время объ отысканіи свободы закрѣпощенной шхяхты. Иногда закрѣпощеніе дѣлалось и безъ вѣдома шляхты, по ея безграмотству и она узнавала только тогда ко-

гда приходилось идти въ солдаты на ряду съ крестьянами. Закрѣпощенiе безземельной шляхты началось съ прекращенiемъ сеймовъ и сеймиковъ, по переходѣ всей Могилевской губернiи изъ польскаго владычества въ русское государство, и слѣдовательно съ того времени, когда магнатамъ шляхта болѣе не нужна была для увеличенiя влiянiя на сеймахъ. Магнаты при существованiи сеймовъ стягивали къ себѣ вольницу изъ разнаго сброду и образовали изъ ней свой дворъ, поселяя въ своемъ имѣнiи и давая имъ права шляхетскiя. Когда сеймы были окончательно закрыты, а для участiя по дворянскому съѣзду съ правомъ голоса требовалось такое количество крѣпостныхъ душъ или земли, какого не имѣла шляхта, то нѣкоторые магнаты предложили шляхтѣ выселяться изъ имѣнiя: шляхтѣ переселенiе не нравилось и она охотнѣе записывалась въ крѣпостные крестьяне своего патрона, уничтожая всѣ свои бумаги о шляхетскихъ правахъ. Не многiе сохранили документы и возвратили шляхетство: какъ напр. записаны были въ Оршанскомъ уѣздѣ у князей Любомирскихъ, отыскавшiе въ послѣдствiи права свои, Капцеи, Докторовичи, Талкевичи, Русьяны, Губскiе, или въ Бабиновичяхъ Савицкiе. Отъ графа Соллогуба 44 человѣка, отъ помѣщика Цiора 9 человѣкъ, отъ Толочинскаго костела 3 человѣка. По Сѣнненскому уѣзду возвратили шляхетство отъ графа Потоцкаго 9 чел., отъ пом. Пославсаго: Шафранскiе и Кучинскiе до 70 чел., въ Могилевскомъ въ Бѣлыничахъ наслѣдниковъ Кожуховскихъ 46 человѣкъ и теперь еще отыскиваютъ шляхетство, какъ свободные при Огинскихъ, а въ Кругломъ князя Кропоткина 96 человѣкъ возвратили шляхетство. Въ Рогачевскомъ 1, отъ Озеранскихъ ксендзовъ, въ Мстиславльскомъ уѣздѣ и отъ помѣщика Кулака 15 человѣкъ, бывшаго Копысскаго уѣзда отъ помѣщиковъ Дашкевичей 6 человѣкъ. Много и другихъ примѣровъ закрѣпощенiя. Случалось такъ, что часть шляхтичей одного и того же рода и одной и тойже фамилiи возвратила чрезъ герольдiю шляхетство, а другая осталась въ крестьянствѣ и въ настоящее время получила надѣлъ. Этими надѣлами закрѣпощенная шляхта выиграла передъ своими собратами, отыскавшими изъ крѣпости шляхетство, но безъ земли. Да и положенiе шляхты незакрепощенной на помѣщичьей землѣ у многихъ пановъ ни чѣмъ не отличалось отъ отъ положенiя крѣпостнаго крестьянства. Шляхта на ряду съ крестьянами отправляла всѣ сгоны на пана, даже иногда больше. Участь безземельной шляхты также тяжела и на земляхъ, арендуемыхъ у своего же брата шляхтича. Случалось, что иной шляхтичь, проживая въ околицахъ или арендуя фольварокъ у какого нибудь богатаго пана, успѣвалъ скопить деньги и завестись своимъ хозяйствомъ, сдѣлаться полнымъ землевладельцемъ собственникомъ. И теперь еще можно найти въ сѣверозападной группѣ нѣкоторыхъ безземель-

ныхъ шляхтичей, которые арендуютъ по одному, по два и даже по три и по четыре фольварка, у одного или у разныхъ помѣщиковъ. Подобные шляхтичи, хотя очень рѣдко, вышли и выходятъ въ собственники въ сѣверозападной группѣ и въ свою очередь сажаютъ на своей землѣ бѣдняковъ шляхтичей. Съ этой арендующей, водворенной шляхтой иной шляхтичь собственникъ обходится весьма жестко и повелительно, едва ли не суровѣе, чѣмъ панъ обходился съ своимъ хлопомъ. Онъ вмѣшивается во всѣ дѣла, даже въ семейныя, проживающей на его землѣ шляхты, чинитъ надъ ней судъ и расправу, собственноручно наказывая признанныхъ имъ провинившимися въ чемъ нибудь. На нашихъ глазахъ лѣтомъ 1865 года случилась подобная расправа, въ Могилевскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Кручѣ. На землѣ разбогатѣвшаго шляхтича собственника, поселились два шляхетскихъ семейства. Онъ требуетъ отъ нихъ почета. Если ему и особенно его возлюбленной покажется, что оказали мало уваженія къ ея особѣ, то слѣдуетъ потасовка, даже шляхетскимъ женамъ, пинками, кулаками и за косу. „Чуть шею не свернулъ, окаянный, таская за косу“, жаловалась обиженная сосѣдомъ шляхтянка исправнику на подобную расправу шляхтича хозяина, „да еще поросенка моего убилъ“. Шляхтичъ хозяинъ, приземистый, коренастый, рабоватый мущина, съ виду силачъ не послѣдней руки, самоувѣренно смотрѣлъ, какъ будто такое самоуправство у нихъ въ порядкѣ вещей и что нечего слушать бабы дуры. „Ну, за поросенка я тебѣ цѣлую свинью отдамъ живую, отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой на слова шляхтянки“. А кто боль изъ боковъ-то вынетъ у меня, чуть ребра не переломалъ, продолжала она плаксиво. „Не привыкать тебѣ къ этому, матушка; давно ли такой нѣженкой стала,“ возражалъ хозяинъ съ пренебреженіемъ.

Впрочемъ есть примѣры, что достатокъ и зажиточность и у шляхтичей собственниковъ зависитъ отъ обычая, отъ тѣхъ порядковъ, какой установился въ жизни изстари въ той или другой околицѣ. Въ одной околицѣ, какъ напримѣръ въ Фенахъ Раевскихъ Мстиславльскаго уѣзда, живетъ народъ воздержный, строгій, трудолюбивый и честный и отъ того зажиточный, между тѣмъ, какъ многія сосѣднія околицы, гдѣ нравы распущеннѣе, народъ разгульнѣе и безпечнѣе, очень бѣдны, какъ въ Тыклинѣ.

Изъ всей безземельной шляхты только тѣ и живутъ не бѣдно, которые служатъ или въ экономахъ на господскихъ фольваркахъ, или сами арендуютъ господскіе фольварки. Даже шляхтичи корчмари не зажиточнѣе корчмарей евреевъ. Шляхтичъ съ корчемствомъ не умѣетъ справиться и скоро отказывается, или ему отказываютъ отъ корчмы.

Величина семействъ шляхетскихъ.

Беззеиеліе большинства шляхты въ западной друтской группѣ не осталось безъ вліянія, какъ на численность и составъ шляхетскихъ семействъ, такъ и на численность лицъ по поламъ. У беззеиельной шляхты превышаетъ численностію мужескій полъ, а у земельной женскій. У беззеиельной шляхты считается 4891 муж., и только 4748 женскаго, а у земельной 13740 муж., и 14127 женскаго. Самыя семейства у земельной шляхты крупнѣе чѣмъ у беззеиельной. Дѣло понятное. Беззеиельные шляхтичи остаются долго, иногда на всю жизнь, неженатыми, между тѣмъ какъ шляхтянки во всякомъ случаѣ торопятся выдти за мужъ за кого бы ни пришлось. Равно въ беззеиельномъ семействѣ каждый подростающій членъ, не находя въ семьѣ прочной опоры для своихъ удобствъ жизни, торопится отдѣляться и самостоятельно промышлять, а глава семейства тоже не безъ радости отпускаетъ дѣтей своихъ изъ дому, что они сами будутъ прокармливать себя и что на его долю остается меньше заботъ и трудовъ. Такъ какъ беззеиеліе шляхты совпадаетъ съ латинствомъ ея, то мы и беремъ послѣднюю таблицу для опредѣленія величины семействъ. У р. католической шляхты приходится на семейство пять съ половиною человѣкъ $5,_{53}$ (16475 жителей 2982 семействъ — $5,_{53}$), а у православной шляхты и въ тоже время наиболѣе земельной приходится шесть человѣкъ на семейство, $5,_{96}$ (21132 жителей 3547 семействъ — $5,_{96}$).

Наконецъ, между прочимъ, беззеиеліемъ и латинствомъ объясняется недавній случай, что подрутская шляхта въ большинствѣ р. католическая и беззеиильная, наиболѣе замѣшалась въ мятежѣ 1863 года. Антуши и Сѣножатки, примѣръ крупный. А посожская шляхта, въ большинствѣ православная и земельная, напротивъ выставила своихъ ратниковъ противъ мятежниковъ, рогачевскую дружину изъ шляхтичей изъ подъ Чечерска по Сожу. Голяка, бездомнаго, безпріютнаго, голоднаго шляхтича, и въ добавокъ въ полномъ смыслѣ невѣжу, съ остатками одной заносчивости, не трутно сманить на всякую мерзость, за грошъ, за кусокъ сала, за сытное угощеніе, за пару сапоговъ и теплую свитку, чего онъ прежде не имѣлъ, особенно если даровая кормежка и одѣяніе предлагаются съ лаской, какой прежде бѣдняки шляхтичи не встрѣчали, предлагаются подъ знаменемъ религіи, при одушевленной рѣчи какого нибудь проповѣдника или проповѣдницы полонизма.

Отъ чего бы и къ этой беззеиельной шляхтѣ не примѣнить постановленія для вольныхъ людей Царства Польскаго, которые тоже давно считались свободными, но безъ земли, и которыхъ нынѣ русское правительство надѣлило землей, или правила изданныя въ 1848 году для малоимущихъ дво-

рянъ нѣкоторыхъ губерній, предоставить имъ также право водворяться на казенныхъ земляхъ, —отъ чего бы и подругскую безземельную шляхту необезпечить надѣломъ земли? Своя хата, свой огородъ, свое поле, садикъ посаженный своими руками, все свое хозяйство, заставило бы шляхтича полюбить свой уголокъ правильной любовью, дорожить имъ, какъ опорой своего благополучія и счастія, ограждать и защищать его, а не бродить съ мѣста на мѣсто, какъ теперь бродятъ ежегодно безземельные шляхтичи, перекочевыя изъ имѣнія въ имѣніе, изъ губерніи въ губернію, и бросаться на приключенія, иногда очень опасныя, потому только, что нѣкуда дѣваться, что вся земля въ рукахъ у богатыхъ пановъ или у казны.

Одно уже это различіе двухъ шляхетскихъ группъ указываетъ, гдѣ наиболѣе нужно поддержать и укрѣпить все русское и гдѣ это русское имѣетъ достаточно силъ само оградить себя отъ враждебнаго полонизма. Днѣпровскій водоемъ съ Друтью нуждается наиболѣе въ возстановленіи русскаго, а сожскій и самъ достаточно русскій.

Занятія и промыслы шляхты.

Сельское хозяйство составляетъ главное занятіе шляхты, единственную промышленность ея. Другихъ занятій и промысловъ у шляхты нѣтъ. Шляхта не имѣетъ ни фабрикъ, ни заводовъ, ни мелкихъ ремесленныхъ заведеній, даже въ многолюднѣйшихъ околицахъ. Наконецъ самыхъ простыхъ домашнихъ рукодѣлій не существуетъ у шляхты съ промышленною цѣлію, для продажи на базарахъ. Всѣ рукодѣлія ограничиваются пряденьемъ и шитьемъ только для своихъ домашнихъ нуждъ, да еще развѣ вязаньемъ чулокъ для своего семейства. Самое земледѣліе, какъ мы сказали уже, не въ завидномъ состояніи, ведется обыкновеннымъ порядкомъ, по крестьянскому, съ трехпольнымъ раздѣломъ, съ бѣлорусской сошкой и проч. Улучшеній никакихъ и нигдѣ въ земледѣліи не введено.

Причины дурнаго состоянія земледѣлія и промысловой дѣятельности вообще у шляхтичей, а отсюда и общаго небогатаго состоянія шляхты, слѣдующія:

Во первыхъ при крѣпостномъ бытѣ шляхтѣ трудно было соперничать въ земледѣліи и въ ремеслахъ личнымъ ихъ трудомъ съ крѣпостнымъ трудомъ крестьянъ у пановъ при сосѣдствѣ плодородныхъ тоже поднѣпровскихъ губерній: Черниговской, Полтавской и Кіевской, изъ которыхъ хлѣба удобно доставляются въ Могилевскую губернію Днѣпромъ Сожемъ. Потому производство хлѣбовъ давало имъ одно насущное пропитаніе, но не обогащало ихъ, при относительной дешевизнѣ

сельскихъ произведеній на базарахъ, какъ отъ барщиннаго хлѣба такъ и отъ подвознаго.

На первый взглядъ можетъ показаться, что при экономическихъ естественныхъ условіяхъ страны, по бѣдности почвы мѣстной и по сосѣдству хлѣбородныхъ губерній, а также по дворянскимъ привиллегіямъ, сохранившимся у шляхты, вести торговлю и устраивать фабрики и заводы, не записываясь въ гильдіи и безъ торговыхъ свидѣтельствъ, было весьма легко образоваться у шляхетства торговой и заводской промышленности, какъ у крестьянъ и купечества въ нечерноземномъ поволжьѣ, въ которомъ промышленность и торговля сдѣлали большіе успѣхи, при всѣхъ поборахъ съ недворянскаго промысловаго населенія за права торговли. Однако же въ черноземномъ поднѣпровьѣ не развилось никакой промышленности и торговли, кромѣ земледѣлія, даже у свободнаго шляхетскаго населенія.

Фабрики и заводы у шляхты не могли устроиться, между прочимъ, отъ той же крѣпостной зависимости крестьянъ. Почти всѣ 600,000 крестьянскаго и двороваго населенія крѣпостнаго посажены были на барщину и слѣдовательно не было свободныхъ рукъ для производства по найму на фабрикахъ и заводахъ, такъ что оставалось бы только самимъ же шляхтичамъ производить на своихъ фабрикахъ и заводахъ, для чего численность ихъ была бы весьма недостаточна. Изъ 40000 всего служащаго и неслужащаго шляхетства, слѣдуетъ исключить до 400 чиновниковъ и вышедшихъ въ паны лицъ, а изъ остальныхъ 36000 оставалось бы только тысячъ 12 взрослыхъ и свободныхъ для фабричнаго и заводскаго производства, которые при томъ были бы разбросаны по цѣлой губерніи. Мы знаемъ, что лица съ большимъ капиталомъ не находили для заводскаго производства здѣсь рукъ и должны были выписать рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній, или изъ за границы, на учрежденные ими стеклянные заводы.

Ремесла по той же причинѣ не могли развиться между шляхетствомъ. Ремесленная дѣятельность ихъ встрѣчала соперничество не въ одномъ производствѣ разныхъ издѣлій дворовыми людьми пановъ, но еще болѣе въ соперничествѣ евреевъ, которые почти не занимаются земледѣліемъ, а единственно ремеслами и торговлей, между тѣмъ какъ численность евреевъ противу численности шляхты втрое больше. Въ настоящемъ 1866 году шляхты менѣе 40 т., а евреевъ болѣе 120 тыс., въ Могилевской губерніи.

Есть и еще болѣе существенныя причины, почему у шляхты не развелось ни земледѣлія хорошаго, ни ремеслъ, ни торговли, а отсюда ни богатства, ни фабрикъ и заводовъ.

Шляхта всегда смотрѣла на себя, какъ на нѣчто высшее предъ крестьянствомъ и евреями и потому всегда желала чѣмъ нибудь отличить себя отъ тѣхъ и другихъ, всегда

предъявляла права свои на дворянство, на сословіе, привеллигированное къ государственной службѣ, а не назначенное къ сельскимъ или городскимъ занятіямъ земледѣльца и горожанина. Шляхтичу казалось не свойственнымъ для его званія заниматься ремесломъ и торговлей, которымъ промышляютъ еврей или крестьянинъ, казалось унизительнымъ. Къ такому направленію шляты много способствовали и нѣкоторыя старыя и позднѣйшія узаконенія. Напримѣръ: на основаніи Литовскаго Статута: *шляхтичъ пока мѣряетъ аршиномъ, или занимается ремесломъ, или шинокъ держитъ, не есть шляхтичъ* *). Въ послѣдствіи доказательствомъ дворянства признавалось то, что отецъ и дѣдъ вели благородную жизнь или состояніе или службу, *сходственную съ дворянскимъ званіемъ*, Св. зак. Т. IX ст. 54 пункт. 13, т. е. не занимались ни торговлей, ни ремеслами, какъ понимаютъ это узаконеніе Могилевскіе шляхтичи, и состояли на службѣ или занимались сельскимъ хозяйствомъ. Наконецъ, согласно статьямъ 241 и 242 того же тома: дѣти дворянъ въ западныхъ губерніяхъ, какъ и однодворцевъ во всѣхъ прочихъ русскихъ губерніяхъ, обязаны были служить, чтобы сохранить свое дворянство. Вслѣдствіе означенныхъ узаконеній о подобнымъ имъ все здоровое и свѣжее молодое шляхетство западныхъ губерній бросилось въ службу или въ учебныя заведенія. Старожилы увѣряютъ, что лѣтъ только тридцать тому назадъ съ трудомъ находили необходимыхъ писцовъ для присутственныхъ мѣстъ, по недостатку грамотниковъ и охотниковъ. Послѣ же приведенныхъ узаконеній, большая часть молодежи шляхетской хлынула въ службу и наполнила собой всѣ канцеляріи. Кромѣ пановъ, все служащее отъ писца до совѣтника, все были шляхтичи. Слѣдовательно лучшія, здоровѣйшія силы въ шляхетствѣ отняты были у земледѣлія и у ремесленной промышленности; земледѣліе начало быстро ослабѣвать и тѣмъ быстрѣе ослабѣвало у шляхты, что многіе изъ шляхтичей дослуживались значительныхъ чиновъ и должностей, пріобрѣтая и достатокъ, даже богатство. Примѣры были такъ соблазнительны, что и другіе шляхтичи мечтали, отъ чего имъ не дослужиться до подобныхъ чиновъ и должностей, бросали хозяйство и поступали на службу. Да и самые тѣ шляхтичи домохозяева, менѣе охотно занимались хозяйствомъ, которые оставались дома и которые имѣли въ виду заслуженныхъ или родственниковъ, или односельцовъ своихъ. Противъ своей воли домосѣдъ шляхтичъ зазнавался, когда имѣлъ родственника въ офицерскомъ и еще больше зазнавался, если имѣлъ родственника въ генеральскомъ чинѣ; или чиновника при исправникѣ, губернаторѣ, министрѣ и начи-

*) Szlachcic póki łokciem mierzy, albo rzemiosłem się trudni, albo szynk trzyma, nie jest szlachcicem.

налъ важничать вмѣсто того, чтобы работать и трудомъ пріобрѣсть себѣ независимость, почетъ и уваженіе въ околицѣ, равно какъ и все семейство его. Хозяйство разстроивалось и упадало до того, что промышляющему службой шляхтичу приходилось содержать своихъ раззорившихся родственниковъ.

Наконецъ стремленіе шляхетства къ исключенію себя изъ остальнаго населенія причисленіемъ къ дворянству или къ поступленію на службу отнимало у многихъ шляхетскихъ семействъ не только остатки, но и средства къ безбѣдному существованію, чтобы или выхлопотать дворянство или поступить на службу въ какую нибудь канцелярію; не оставалось средствъ улучшать земледѣліе или открыть новую промышленность.

И такъ соперничество помѣщичьихъ хозяйствъ при барщинныхъ крестьянскихъ работахъ и сосѣдство хлѣбородныхъ губерній, недостатокъ свободныхъ рабочихъ рукъ, вслѣдствіе занятія крестьянъ барщиною, соперничество евреевъ, наконецъ желаніе сдѣлаться скорѣе паномъ и неправильное пониманіе промысловой и торговой дѣятельности, будто бы мало свойственной благородному званію, торопливое стремленіе поступать на службу,— всѣ эти причины вмѣстѣ воспрепятствовали не только привитію торговли, ремесленности и фабричнаго производства въ шляхетствѣ, но сильно остановили даже успѣхи сельскаго хозяйства, а за тѣмъ поставили шляхетство въ то небогатое положеніе, въ какомъ оно находится въ настоящее время.

Языкъ шляхтичей.

Вслѣдствіе того же отдѣленія себя отъ большинства населенія, отъ крестьянства и мѣщанства, шляхетство старалось избѣгать одной съ нимъ рѣчи, старалось говорить языкомъ высшаго сословія, языкомъ панскимъ. Этотъ языкъ пановъ есть языкъ польскій, между тѣмъ какъ коренной мѣстный языкъ есть языкъ русскій въ бѣлорусскомъ нарѣчіи; но бѣлорусское нарѣчіе называли здѣсь языкомъ хлопскимъ, какъ и православную вѣру. Потому шляхта, желая стать ближе къ панамъ, старалась говорить языкомъ панскимъ. Но бѣдность рѣдко допускала шляхту въ панское общество, а напротивъ заставляла ее быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ большинствомъ населенія, съ крестьянами, и она должна была сохранять свой родной языкъ—бѣлорусскій. Отъ того нарѣчіе нынѣшняго шляхетства Могилевской губерніи есть смѣсь бѣлорусскаго нарѣчія съ польскимъ языкомъ, въ которомъ однако же бѣлорусское нарѣчіе значительно преобладаетъ.

Панскій языкъ, т. е. польскій, остался у шляхты только въ ихъ молитвенникахъ, еще отъ временъ уніи; большая часть даже православной шляхты творитъ молитвы и молитвенники имѣетъ на языкѣ польскомъ. Даже многіе православные мо-

лятся по обычаямъ, оставшимся отъ уніи; крестятся по польски, налагая сперва руку на лѣвое плечо и также, какъ поляки распростираются крестообразно на церковномъ полу.

Тоже стремленіе бѣднаго шляхетства не сходиться съ крестьянствомъ, кичливость его, при своей бѣдности, надъ такимъ же бѣднякомъ мужичкомъ, ставила шляхту въ враждебное отношеніе къ крестьянамъ, которые, разумѣется, не имѣли за то охоты ни въ какомъ случаѣ помочь шляхтичу въ нуждѣ, хотя бы онъ жилъ съ ними о бокъ, у одного пана. Вотъ еще особенная причина бѣдности шляхты безземельной.

Чиновное шляхетство.

Государственная служба постоянно привлекала все молодое и взрослое шляхетство, отнимая лучшія рабочія силы у собственнаго шляхетскаго земледѣлія и всякой другой промышленности. Такое расположеніе къ государственной службѣ и отчужденіе отъ земледѣлія и промысловъ было естественнымъ слѣдствіемъ древняго литовскаго учрежденія, которое со временемъ вошло въ привычку у шляхетства. Отъ приведенныхъ выше старыхъ и новыхъ узаконеній, шляхетство смотрѣло на себя, какъ на служилое въ государствѣ сословіе. Отъ того и встарь и въ новые годы шляхетство оставляло соху, ремесла и торговлю и поступало въ государственную службу гражданскую или военную. Но многіе шляхтичи и на службѣ не оставляютъ земледѣлія. Они, служа въ казенной палатѣ, губернскомъ правленіи, земскомъ судѣ и т. п., въ то же время хозяйничаютъ на своей подгородной усадьбѣ, иногда на разстояніи верстъ 5 и 6, такъ что въ городѣ даже не нанимаютъ квартиръ для себя, а живутъ въ своей околицѣ, откуда ежедневно пріѣзжаютъ на службу. Другіе же, если не имѣютъ близко своей земли, то на городской землѣ устраиваютъ хуторокъ и тоже хозяйничаютъ. Такимъ способомъ и мелкіе чиновники при ограниченномъ на службѣ жалованьи, имѣютъ средства содержать себя и семейства свои не только безъ нужды, такъ общей многимъ, особенно мелкимъ чиновникамъ, но даже въ нѣкоторомъ довольствѣ живутъ. Другіе, не имѣя случая или охоты поступить на государственную службу, занимали мѣста управляющихъ или такъ называемыхъ здѣсь экономовъ въ имѣніяхъ пановъ. На служебномъ поприщѣ и въ экономіяхъ нѣкоторые изъ нихъ высоко поднимались и наживали большія состоянія: такимъ образомъ изъ низшаго служилаго сословія переходили въ аристократію, *въ паны*. Значительная часть нынѣшнихъ помѣщиковъ Могилевской губерніи изъ той же бѣдной шляхты.

Наконецъ изъ того же шляхетства образовалось почти все мѣстное православное и р. католическое духовенство, такъ какъ всякая государственная служба, военная, гражданская и духовная, особенно высшіе духовные саны, составляла по древ-

нымъ польскимъ учрежденіямъ привиллегію шляхетства. Исключенія рѣдки и въ такомъ случаѣ шляхетство какъ встарь, такъ и нынѣ съ меньшимъ почтеніемъ, если не сказать съ пренебреженіемъ, смотритъ на духовное лицо не изъ шляхетскаго роду. Еще въ 1607 году на варшавскомъ сеймѣ депутатъ, чашникъ земли Волынской, греко-россійскаго исповѣданія, Лаврентій Древинскій, жалуясь на преслѣдованія уніятовъ противъ православныхъ, объяснялъ между прочимъ это преслѣдованіе назначеніемъ въ высшія должности уніятскаго духовенства не изъ шляхетства: „Ваше королевское величество, говорилъ Древинскій, *противу справедливости, противу правъ и вольностей нашихъ шляхетскихъ и высокіе саны властей духовныхъ, яко невѣдущъ породы ихъ, производить изволите* *). При семъ указалъ на нѣкоторыхъ уніатскихъ епископовъ не изъ шляхты.

Православное шляхетство въ Могилевской губерніи, значительно превышающее численностію шляхту р. католическую, было однако же до послѣднихъ годовъ менѣе численно въ мѣстной государственной службѣ противу чиновниковъ р. католиковъ, а равно менѣе численно и въ частной службѣ по управленію панскими экономіями. Къ 1863 году, напримѣръ, изъ 1715 чиновниковъ по всей Могилевской губерніи, р. католиковъ считалось болѣе 1,000, православныхъ же около 500, кромѣ лютеранъ и евреевъ, то есть чиновниковъ р. католиковъ было вдвое болѣе противу чиновниковъ православныхъ, между тѣмъ какъ всей р. католической шляхты въ губерніи считается, какъ мы видѣли, только до 17 тысячъ, а православной выше 21 тысячи. А если присоединить 4,000 лицъ православнаго бѣлаго духовенства, которое происходитъ тоже большею частію изъ шляхетства, то православныхъ составится 25 т., изъ которыхъ могли бы многіе лица поступать и въ государственную службу и въ службу по экономіямъ. Прилагая же къ р. католической шляхтѣ еще до 3,000 р. католиковъ панськаго рода, все р. католическое служилое сословіе будетъ составлять 20 т., а православное 25 т. Православные шляхтичи, желавшіе быть на государственной службѣ, чаще поступали, кромѣ столицъ, въ великорусскія и малороссійскія губерніи, оставляя на своей родинѣ болѣе простора для шляхтичей р. католиковъ.

Нынѣ эта численность служащаго шляхетства сильно измѣнилась въ отношеніяхъ: въ 1865 году считалось по губерніи 935 православныхъ чиновниковъ, 627 р. католиковъ, 33 лют. и 77 евреевъ. Въ настоящемъ 1866 году еще болѣе убыло чиновниковъ р. католиковъ и прибыло православныхъ, такъ что православныхъ въ настоящее время болѣе 1000, р. католиковъ менѣе 500.

*) Историч. извѣстіе объ уніи. Бантышъ-Каменскимъ 1795 г. собранное Вильно. 1864 г. стр. 69.

Но въ управленіи имѣніями по прежнему преобладаютъ р.-католики, какъ можно приблизительно видѣть изъ слѣдующей, хотя очень неполной вѣдомости, доставленной по всѣмъ уѣздамъ губерніи.

Управляющіе и экономы по Могилевской губерніи.

	Прав.	Катол.	Лютер.
По Сѣнненскому уѣзду	4	65	—
— Оршанскому	4	26	—
— Горѣцкому	4	23	1
— Могилевскому	2	18	1
— Быховскому	5	25	1
— Чаусскому	12	13	—
— Мстиславльскому	1	23	—
— Климовичскому	9	24	—
— Чериковскому	10	24	—
— Рогачевскому	8	33	2
— Гомельскому	2	7	—
Итого по губерніи	61	282	5

а всего 348 управляющихъ и экономовъ въ губерніи Могилевской.

Слѣдовательно экономы и управляющіе изъ р.-католиковъ составляютъ болѣе $^4/_5$ всего числа управляющихъ и экономовъ по губерніи, а православные съ лютеранами вмѣстѣ менѣе $^1/_5$. На самомъ дѣлѣ всѣхъ управляющихъ и экономовъ по губерніи, включая сюда и шляхтичей арендующихъ фольварки и небольшія усадьбы панскія, простирается до 400, изъ которыхъ до 333 или $^5/_6$ р. католиковъ и не болѣе 67 или $^1/_6$ православныхъ съ лютеранами.

Если для управленія экономіями не находилось изъ мѣстнаго р. католическаго шляхетства, то принимались р. католики изъ другихъ западныхъ губерній: Минской, Витебской, Волынской, Гродненской и Виленской; изъ 330 р. католиковъ экономовъ считается пришлыхъ изъ поименованныхъ губерній около 60 человѣкъ, а мѣстныхъ 270.

Существующая несоразмѣрность управителей р. католиковъ предъ православными, кажется тѣмъ страннѣе, что въ населеніи Могилевской губерніи считается православныхъ до 775 т., а р. католиковъ только до 44 т., какъ 18: I. Казалось бы, слѣдовало имѣть управителей въ той же мѣрѣ, какъ состоитъ православное и р. католическое населеніе. Нынѣ впрочемъ съ устройствомъ волостей и самоуправленія крестьянскаго, все крестьянство поставлено независимо отъ управителей и экономовъ, которые уже входятъ съ ними въ добровольныя соглашенія.

(Мог. Губ. Вѣд).

По поводу новаго движенія украйнофильской партіи, въ передовой статьѣ 98 № „Московск. Вѣдомостей,“ говорится:

„Украйнофилы снова выступили на Божій свѣтъ. Началъ *Современникъ* ожесточенною ругнею противъ насъ за наше противодѣйствіе украйнофиламъ. Затѣмъ ежедневная петербургская печать вдругъ наполнилась статьями украйнофильскаго содержанія. Три передовыя статьи въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 88, 93 и 112), одинъ фельетонъ (№ 93) и одна корреспонденція (№ 113) той же газеты посвящены украйнофильскому дѣлу. *Голосъ*, кромѣ уже извѣстныхъ нашимъ читателямъ статей г. Мордовцева, выпустилъ длинную статью о значеніи украйнофильской партіи (№ 110). И въ языкѣ, и въ пріемахъ всѣхъ этихъ статей чрезвычайно много общаго. Авторы ихъ точно сговорились между собой.

Прежде всего они спѣшатъ заявить въ одинъ голосъ, что они не хотятъ украйнофиловъ, которые жаждутъ политическаго обособленія Малороссіи, что они не хотятъ ни гетманщины, ни союза съ Польшей, что они не принадлежатъ къ числу такихъ исключительныхъ субъектовъ, каковы выставленные въ одномъ изъ современнихъ романовъ (*Марево*, г. Клюшникова) „нравственно и умствинно развинченные“ гимназистъ Коля Горобецъ и его родственница Ида, что, наконецъ, они не поддаются приманкѣ сепаратизма, придуманнаго поляками для „безмозглыхъ хохловъ.“ Но въ статьяхъ, принявшихъ личину такого благоразумія, сквозь мягкія и пріятныя рѣчи, очевидно разчитанныя на слабоуміе какихъ-либо извѣстныхъ вышеупомянутымъ газетамъ читателей, ярко выступаютъ наружу завѣтныя и вмѣстѣ злостныя стремленія апостоловъ этой язвы. Ихъ статьи — не просто только защита отъ какихъ-либо обвиненій, возведенныхъ будто бы напрасно на украйнофиловъ ихъ врагами, не одна попытка сложить съ себя отвѣтственность за тѣ послѣдствія, которыя должны неизбѣжно вытекать изъ ихъ стремленій; но и худо скрытая агитація, чтобы начать понемножку и полегоньку тоже самое дѣло, на которомъ застигли украйнофиловъ съ небольшимъ два года тому назадъ. Украдкою хотятъ они завладѣть сельскими школами, и интригою въ земствѣ добиться того чего не удалось имъ получить черезъ законодательство.

Какой-то „Учитель“ и какой-то „Членъ черниговскаго земства“ аппеллируютъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* къ общественному имѣнію во имя привычекъ и недосуга меньшихъ братій нашихъ сельчанъ, требуя для нихъ обученія въ сельскихъ школахъ на *малороссійскомъ*, а не на *великорусскомъ* (?!) нарѣчіи. И такъ, русскій языкъ, органъ нашей цивилизаціи, залогъ нашего національнаго единства, русскій государственный и литературный языкъ, въ составъ котораго главнымъ образомъ вошла церковно-славянская стихія, равно близкая и сѣвернымъ и южнымъ, и восточнымъ и западнымъ русскимъ населеніямъ, языкъ созданный вѣками и трудомъ людей какъ съ юга, такъ

и съ сѣвера, языкъ котораго первый памятникъ есть Несторова Лѣтопись, писанная въ Кіевѣ,— по мнѣнію этихъ господъ, есть только *великорусское* нарѣчіе! Что же касается до малороссійскаго *языка*, какъ они говорятъ, то мы просимъ гг. защитниковъ мѣстной педагогіи указать намъ этотъ малороссійскій языкъ, который былъ бы общій и населенію по восточную сторону Днѣпра, и населенію губерній нѣкогда находившихся подъ польскимъ владычествомъ, и населенію восточной Галиціи, и венгерскимъ карпатороссамъ, и такъ-называемымъ гуцуламъ и лемкамъ; а равнымъ образомъ просимъ указать великорусское народное нарѣчіе, общее всей сѣверо-восточной Россіи. Если же такихъ общихъ нарѣчій нѣтъ, то придется въ каждой губерніи обучать сельскій людъ на мѣстномъ говорѣ, какъ пыталось напримѣръ дѣлать это, въ видахъ германизаціи, австрійское правительство съ небольшимъ чешскимъ племенемъ ганаковъ въ Моравіи. Тогда придется и въ каждой великороссійской губерніи употреблять въ школахъ мѣстный говоръ. Не говоримъ уже о томъ, что мысль учить народъ на языкѣ его избы и хаты есть нелѣпость, и обыкновенно встрѣчаетъ на самой практикѣ множество неодолимыхъ препятствій, большею частію сознаваемыхъ самими же сельчанами. Развѣ мы не знаемъ, какъ недовѣрчиво слушаютъ крестьяне образованнаго человѣка, который хочетъ поддѣлаться подъ ихъ говоръ?

Изъ сельскихъ школъ, основанныхъ на примѣненіи мѣстнаго нарѣчія къ преподаванію, можетъ выйдти только дробленіе народа на мелькіе, безсильные для жизни элементы. Сколько тому примѣровъ представляетъ намъ школьная практика австрійскихъ славянъ! Но и тамъ народныя желанія противятся такой системѣ обученія: ее поддерживаетъ только партія нѣмецкихъ централистовъ, которые въ дробленіи и разъединеніи славянскихъ племенъ ищутъ объединенія государства въ германскомъ смыслѣ. Напрасно г. членъ черниговскаго земства думаетъ скрыть отъ своихъ читателей тѣ послѣдствія, которыя сами собой вытекутъ изъ устройства семинарій для приготовленія учителей въ мѣстныя народныя школы по украинофильской системѣ. Результаты не подтвердятъ его легкомысленныхъ или не добросовѣстныхъ увѣреній.

Г. членъ черниговскаго земства, въ своей корреспонденціи, и *С. Петербургскія Вѣдомости*, въ одной изъ вышеупомянутыхъ передовыхъ статей, говорятъ:

„Земство въ Малороссіи горячо сочувствуетъ дѣлу народнаго образованія. При недостаточности и неопредѣленности средствъ своихъ, оно однакожъ на первыхъ же порахъ высказало готовность ассигновать денежныя суммы на это дѣло. Представители отъ казаковъ и крестьянъ настаивали на необходимости немедленно учредить школы, и въ двухъ собраніяхъ, гдѣ мнѣ случилось быть, защищали мысль о введеніи *обязательнаго* обученія повсемѣстно. Слѣдовательно, нѣтъ

сомнѣнія, что земство въ Малороссіи не откажетъ народнымъ школамъ въ денежной поддержкѣ, а теперь ему остается серіозно *подумать о томъ, какія методы преподаванія* можно будетъ употреблять въ нихъ съ наибольшимъ успѣхомъ.... Тутъ-то вопросъ о малорусскомъ языкѣ выдвигается на первый планъ."

Итакъ, пользуясь добрымъ настроеніемъ представителей сельскаго населенія, безыменный членъ черниговскаго земства хватается за возможность *обязать* малороссійскія населенія къ обученію по украйнофильской методѣ. Онъ беретъ на себя роль законодателя по этому вопросу, и говоритъ: „Постепенное преподаваніе на малорусскомъ, великорусскомъ и церковнославянскомъ языкахъ (sic) мнѣ кажется пріемомъ самымъ раціональнымъ и наиболѣе пригоднымъ для тѣхъ школъ, которыя земство учредитъ въ Малороссіи". Но нашъ законъ, слава Богу, не допускаетъ въ общественныхъ школахъ преподаванія на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Языкомъ русскихъ школъ и учебниковъ можетъ быть только общепринятый государственный и литературный языкъ. Вопросъ объ этомъ рѣшенъ правительствомъ еще въ 1863 году. По какому же праву, земскія учрежденія, или лучше сказать любой изъ членовъ ихъ могутъ изъ своей прихоти навязывать сельчанамъ отвергнутую закономъ систему обученія?

Притязанія земскихъ учрежденій, подобныя тѣмъ какія заявляетъ безыменный членъ черниговскаго собранія, могутъ повести лишь къ самымъ плачевнымъ результатамъ. Прочтите только передовую статью *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* № 93, и вы увидите, до какихъ крайностей могутъ доходить притязанія провинціализма: „черниговскій бытъ, черниговская промышленность, черниговская исторія"— вотъ что должно быть цѣлію народнаго образованія въ Черниговской губерніи, по мнѣнію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей,* желающихъ образовать изъ тамошняго населенія какихъ-то спеціалистовъ по части Чернигова. Далѣе помянутая газета говоритъ еще рѣшительнѣе. „Въ примѣненіи къ вопросу о народномъ образованіи въ южной Руси, названный принципъ („главнѣйшій принципъ новой педагогіи, или педагогическое начало о необходимости приноровленія передачи научныхъ свѣденій къ условіямъ мѣстной жизни"— какъ выражаются высоко-ученныя *С.-Петербургскія Вѣдомости*) ведетъ къ *узаконенію* участія въ этомъ образованіи южно-русскаго народнаго языка и народной словѣстности." Кажется этого признанія двстаточно для того чтобы понять, куда мѣтятъ петербургскіе украйнофилы, надѣвая на себя черниговскія или полтавскія маски. Напрасно они говорятъ, что рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы вытѣснить общепринятый литературный русскій языкъ, а только о томъ чтобы подлѣ него ввести мѣстное нарѣчіе. Это только уловка для начала.... Чего же хотятъ эти непрошеные друзья и

благодѣтели малорусскихъ населеній? „Мы слышали, говорятъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, что въ Бѣлоруссіи (прибавимъ: и въ Малороссіи) были случаи, когда крестьяне не хотѣли, чтобъ ихъ дѣтей учили по-бѣлорусски, желали чтобъ ихъ учили *царскому языку*: иначе, говорили они, мы будемъ всегда въ черномъ тѣлѣ.“ Итакъ, держать сельчанъ въ черномъ тѣлѣ и сдѣлать для нихъ чуждымъ языкъ верховной власти, этого ли желаютъ петербургскіе украйнофилы? Черниговское земское собраніе можетъ ассигновать какую ему угодно сумму для учительской семинаріи, можетъ назначить изъ земскихъ средствъ какое угодно содержаніе для народныхъ школъ; но вопросъ о системѣ обученія, о характерѣ преподаванія въ этихъ школахъ, не можетъ быть рѣшаемъ членами мѣстныхъ земскихъ управъ или собраній. Это вопросъ государственной важности. Въ заявленіи г. черниговскаго гласнаго видно неумѣстное подражаніе тѣмъ требованіямъ, которыя дѣлались русскими депутами на галицкомъ сеймѣ нынѣшняго года. Но тамъ борьба шла не за преподаваніе на какомъ-либо мѣстномъ нарѣчіи, а за уравненіе русскаго языка съ польскимъ и нѣмецкимъ. Что же касается до украйнофильскихъ теорій въ Галиціи, то онѣ въ настоящее время далеко не обрѣтаются въ такомъ авантажѣ, какимъ еще пользуются въ Петербургѣ.

Поощряя галичанъ къ литературному обособленію, наши украйнофилы твердятъ, что осуществленіе ихъ теоріи будто создало бы на югѣ Россіи еще большія силы для борьбы съ польскимъ элементомъ. Но въ Черниговской губерніи нѣтъ опасности отъ поляковъ: зачѣмъ же тамъ большія силы для борьбы съ польскимъ элементомъ?

Нѣтъ, не *Черная рада* г. Кулиша, не *Наймичка* Шевченка дали силу русскому народу въ юго-западныхъ губерніяхъ бороться противъ польскихъ вымогательствъ. Церковь и церковный языкъ, кіевская академія и ея ученики, дѣятельность просвѣщенныхъ и проникнутыхъ патріотическимъ духомъ правителей, вотъ опоры русскаго народа въ борьбѣ съ полонизмомъ. Украйнофильство, напротивъ, служило и здѣсь польскому дѣлу, какъ оно служитъ ему въ Галиціи. Развѣ украйнофилы не ополячивали всячески малороссійскій говоръ? Употребленіе куриллицы вмѣсто латинскаго письма не можетъ скрыть источника откуда почерпнуты реченія и формы, долженствующія превратить мѣстный говоръ въ особый языкъ. Развѣ украйнофилы не измѣняли своихъ отношеній къ общерусскимъ интерессамъ, смотря потому выгоденъ или не выгоденъ былъ для нихъ союзъ съ полонофилами и, въ особенности, смотря по тому къ какой мѣрѣ полонофилы хотѣли пользоваться этимъ союзомъ? А недавніе извѣты г. Мордовцева на *Страхопудъ*, какую помощь должны были оказать они русскимъ галичанамъ въ ихъ борьбѣ съ поляками?

Кстати, г. Мордовцевъ, печатая въ № 122 газеты *Голосъ* свои поясненія по случаю уличеннаго нами недобросовѣстнаго извѣта его на газету *Стрихопудъ*, называетъ нашу статью доносомъ. Но чего же другаго могъ ожидать польскій сыщикъ? Неужели онъ думалъ, что мы станемъ молчать о его извѣтѣ австрійскому правительству? Или быть-можетъ онъ ждалъ, что мы воздадимъ хвалу его благородству? Этого онъ могъ надѣяться только отъ польскихъ газетъ *Przegląd* или *Gazeta Narodowa.* Уже одна вѣсть о томъ впечатлѣніи, которое произвели его статьи на славянскихъ читателей въ Вѣнѣ, обязывала насъ указать русской публикѣ на его подвигъ. Невѣдѣніе г. Мордовцева о пріемѣ, оказанномъ въ Вѣнѣ его статьямъ, по истинѣ умилительно. Онъ утверждаетъ, что мы сослались на Вѣну наобумъ, что въ Австріи никто и пальцемъ не шевельнулъ по прочтеніи его донесеній. Мы поможемъ г. Мордовцеву въ этомъ случаѣ: очевидно ему измѣняетъ его собственная память, отягченная бременемъ благихъ совѣтовъ, которые онъ такъ усердно продолжаетъ расточать въ поученіе галичанамъ.

Предъ нами лежитъ письмо изъ Вѣны только что полученное однимъ изъ здѣшнихъ ученыхъ. „Статьи „г. Мордовцева," сказано въ этомъ письмѣ, „напечатанныя въ *Голосѣ*, „подѣйствовали на нашихъ русскихъ очень дурно, а читатели, при„ходящіе въ Славянскую Бесѣду, ужасно соблазнились. Лив„чакъ приготовилъ было цѣлыи рядъ статеекъ въ свой *Стри„хопудъ* противъ вашихъ украйнофиловъ; но вдругъ онъ полу„чилъ два письма: отъ редакціи *Голоса* и г. Мордовцева,— „и также два письма отъ г. Кулиша.... Вслѣдствіе тѣхъ пи„семъ, Ливчакъ рѣшился подождать и пріостановилъ печатаніе „подготовленнаго *Стрихопуда*, потому-то изданіе его омедлилось."

Голосъ въ своемъ длинномъ панегирикѣ въ честь украйнофиловъ говоритъ, что г. Ливчакъ отличается „дѣвственною откровенностью": мы хотѣли бы знать, какимъ качествомъ отличаются петербургскіе украйнофилы? Они говорятъ: мы не хотимъ гетманщины, мы не хотимъ политической самостоятельности для Малороссіи, мы желаемъ только права гражданства для малороссійскаго нарѣчія (слова *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* и члена черниговскаго земства). Но къ чему можетъ повести развитіе двуязычія? Оно еще хуже случайнаго политическаго распаденія. Нѣмецкій народъ раздробленъ болѣе чѣмъ на тридцать политическихъ организмовъ; но единство языка и культуры обезпечиваетъ его національность, и разрозненныя части его тяготѣютъ воедино. Нѣмцы не развивали въ Шлезвигѣ особаго нарѣчія, чтобы противодѣйствовать тамъ датскому вліянію.

Украйнофилы клянутся именемъ Шевченка и чествуютъ въ немъ свой принципъ. Шевченко глава украйнофильства. Украйнофилы выставляютъ его какъ противника полонизма и у-

тверждают что поляки чувствуют себя не совсѣмъ ловко, когда при нихъ произносится имя Шевченка. Не угодно ли послушать, что говорятъ поляки (въ № 21 газеты *Dziennik Poznański* за нынѣшній годъ). „Съ того времени, какъ Польша перестала быть государствомъ, и московское владычество распространилось равно надъ ляхами и русскими (малороссіянами), общее стремленіе къ вольности должно было подсказать имъ роль естестенныхъ друзей и единомышленниковъ; и мы знаемъ изъ послѣдняго времени одну личность, которая послѣ долгихъ и прискорбныхъ блужданій по окольнымъ путямъ, воплотила въ себѣ украинскую правду, вмѣстѣ съ завѣтомъ о примиреніи съ поляками. Такою личностью былъ живописецъ и поэтъ Шевченко, жертва царскаго деспотизма, горячій украинскій патріотъ, и не менѣе горячій, подъ конецъ своей преждевременно угасшей жизни, защитникъ и апостолъ (zwolennik i apostoł) соглашенія Украйны съ ляхами.“

Что скажутъ истые добрые украинцы, узнавъ, что названные друзья ихъ украйнофилы, вступали за нихъ въ „соглашеніе“ съ ляхами? Что скажетъ черниговское земство? (1)

Львовскій сеймъ 1866 года.

По странному противорѣчію, галицкіе русскіе очутились теперь *неисторическимъ* народомъ: преданія Казиміровъ и Сигизмундовъ заслонили собой величавый образъ галицкихъ Ростиславичей, которые—„сидя на златокованномъ столѣ, своими желѣзными палками подпирали горы Угорскія, заступая путь королю, суды рядя до Дуная“—въ то время, когда въ Польшѣ шли безконечныя усобицы Кривоустовичей. Но потомъ—погромъ татарскій, смуты боярскія, притязательнось сосѣдей привели къ тому, что княжество Романа и *королевство* Даніила досталось въ руки Казиміра Великаго (1320 г.). Земли князей и бояръ были передѣланы въ староства и отданы польскимъ „насельникамъ“: но долго еще Галичь не переставалъ быть „*Червоною*“ Русью: какъ медвѣдь въ зимнюю пору, жилъ онъ избыткомъ прежнихъ народныхъ силъ въ ожиданіи лучшихъ временъ.

Не сейчасъ, однако, „насельники“ стали бичами галицкой земли; она помнитъ магнатовъ, сочувствовавшихъ новой своей родинѣ: Язловецкіе, Бучацкіе, Сѣнявскіе. Живетъ еще въ памяти народа каневскій староста Николай Потоцкій, Галицкій-Острожскій, котораго огромныя помѣстья тянулись отъ гра-

---

(1) Мы сочли долгомъ воспроизвесть эту прекрасную статью на страницахъ нашего изданія потому, что она вполнѣ солидарна съ нашимъ воззрѣніемъ на предметъ и что она есть какъ бы продолженіе высказанныхъ нами объ нимъ убѣжденній и новое пораженіе весьма живучей и опасной партіи самымъ авторитетнымъ и патріотическимъ изданіемъ русскимъ. *(Ред.)*

ницъ Польши далеко въ горы, до земель венгерскихъ. Онъ любилъ русскій народъ, заводилъ школы, и даже подъ конецъ жизни постригся въ православные монахи. Мощи его и теперь еще показываются въ Почаевѣ. Но потомъ, на развалинахъ магнатствъ размножилась мелкая шляхта: прежніе дворовые стали панами—гордые и задорные. Потеряна политическая независимость страны, утрачена даже народная свобода, но оставалась вѣра и языкъ отцовъ; и пять вѣковъ усиленной пропаганды не могли здѣсь искоренить „Фотіевой схизмы" и хлопскаго языка. До послѣднихъ временъ народъ не подозрѣвалъ, что они—уніаты, а попираемый языкъ русскихъ хлоповъ выступилъ теперь на гордую борбу съ языкомъ пана Мицкевича и графа Борковскаго.

Что касается политическихъ отношеній княжества Ростиславичей къ королевству Пястовичей и Янгеллоновъ, то до люблинской уніи 1569 г. они были чисто-федеративныя: отдѣльныя территоріальныя границы, особая администрація, и долго еще послѣ уніи, во многихъ мѣстахъ держались „сеймы". Только высшія инстанціи были общія. Договоръ въ Гадячѣ, 6-го сентября 1658 г., опять гарантировалъ русинамъ всѣ народны права.

По договору 18-го сентября 1772 года, Станиславъ Августъ принужденъ былъ уступить Австріи „Галицко-Владимірское королевство". Оно распадалось на двѣ части, обнимавшія: 1) часть воеводствъ Люблинскаго, и Бельзкаго, часть земли Холмской, Червонную Русь и Галичь, часть Волыни и Подоліи: всѣ эти земли населены малорусскимъ племенемъ; 2) польская часть воеводствъ Краковскаго, Сандомирскаго и герцогствъ Освѣцимъ и Заторъ: тутъ живутъ мазуры—вѣтвь польскаго племени. Патентомъ 14-го іюня 1775 г., въ *видахъ административнаго однообразія*, Австрія соедидинила эти двѣ части, не смотря на коренное различіе происхожденія, языка письменности, вѣроисповѣданія, нравовъ и обычаевъ, и непримиримыя противорѣчія стремленій и интересовъ,

Что касается народнаго образованія, то до присоединенія Галиціи къ Австріи имъ завѣдывали ордена базиліанъ, потомъ іезуитовъ и піаровъ. Въ 1783 г. Іосифъ II учредилъ во Львовѣ первую русскую народную семинарію, съ преподаваніемъ на народномъ языкѣ. Въ слѣдующемъ году основанъ львовскій университетъ, въ которомъ всѣ предметы на богословскомъ и философскомъ факультѣтѣ преподавались *по-русски*. Но потомъ, нѣмецкій языкъ сталъ вытѣснять русскій: онъ замолкъ въ университетѣ въ 1807 г. на 40 лѣтъ, пока „какъ фениксъ изъ праха" не воскресъ въ 48 г., съ новой силой для новой жизни, съ лучшею будущностію. Школы среднія и низшія поручены ординаріатамъ—при церквахъ, въ какомъ положеніи онѣ оставались до послѣдняго времени.

Возрожденіе Галиціи въ 48 году поляки называютъ политической композиціей Стадіона: они не хотятъ приписать русскому народу такой упругости, чтобы онъ могъ своими силами

подняться изъ забитаго, рабскаго состоянія. Тогда образовалась галицко-русская матица, составилась „рада русская“ съ цѣлію соединить въ одномъ фокусѣ умственныя силы Галиціи; рѣшенъ вопросъ о литературномъ языкѣ: для народнаго образованія мѣстное нарѣчіе, для ученыхъ же сочиненій—общерусскій литературный языкъ. Но только 14-ть лѣтъ спустя, постановленія эти были утверждены вѣнскимъ рейхсратомъ, въ августѣ 1861 года. Какъ бы то нибыло, галичане рѣшили тогда, что лучше Австрія, чѣмъ польская аристократія. На первый разъ австрійцы не забыли услуги и вѣрности: въ 49 году Галиція получила новое политическое устройство. Она раздѣлена на три округа или куріи: одинъ польскій-краковскій, между Карпатами, Вислой и порѣчьемъ Сака; а два русскіе—львовскій и станиславовскій. Въ каждомъ округѣ—свой куріальный сеймъ; общій—во Львовѣ—изъ 36 членовъ. (Буковина составила отдѣльный округъ). Бѣдные поселяне имѣли тогда болѣе представителей, чѣмъ богатыя и образованныя сословія, которымъ правительство не довѣряло. Даже бюрократическій абсолютизмъ Баха былъ для галичанъ менѣе чувствителенъ, можетъ быть потому, что они подъ польскимъ господствомъ прошли хорошую школу терпѣнія и смиренномудрія. Они были совершенно довольны, когда въ 60—61 г. получили право засѣдать въ низшей палатѣ Рейхсрата, ибо они имѣли злорадное удовольствіе видѣть здѣсь униженіе своихъ гордыхъ пановъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое трагическое положеніе! Они—та самая шляхта, что еще недавно, какъ куклой играла королемъ,—они вмѣстѣ съ хлопами сидятъ на скамьяхъ сеймовъ, въ чужомъ городѣ—безъ силы и поддержки! Ужели есть только Polska przeszłosci, a не przyszłosci? Еще одно отчаянное покушеніе—и опять напрасно: воля есть, да силы нѣтъ! „Голубушка осмолила себѣ крылышко, и куда дѣвалась прежняя оппозиція!—теперь полякъ русина перещеголяетъ лояльностію“. И Австрія съ распростертыми объятьями приняла блуднаго сына.

13-го октября 1864. г. прибыла въ Вѣну депутація русиновъ съ просьбою—„раздѣлить Галицкое королевство въ территоріальномъ и политическомъ отношеніяхъ, на двѣ отдѣльныя провинціи: восточная часть съ тремя милліонами сплошная русскаго населенія (за исключеніемъ немногихъ *колонистовъ*—нѣмцевъ; евреевъ, армянъ и *поляковъ*), должна была составить отдѣльное королевство съ древнимъ *историческимъ* названіемъ Галиціи и Лодомеріи (Владимірской области). Западная польская часть можетъ образовать особую область—Великое Герцогство Краковское съ Великими Герцогствами Освѣцимскимъ и Заторскимъ. А теперешнее соединеніе разнородныхъ частей не основано ни на историческихъ воспоминаніяхъ ни на желаніе нуждахъ населяющихъ эту область различныхъ народностей“. Просьба не была уважена и, статутомъ 26-го февраля 1865 года, двѣ народности были соединены на одномъ Сеймѣ, въ

подтвержденіи, что „комплектъ этихъ земель составляетъ однородное цѣлое".

Галичане убѣдились, что измѣнились отношенія къ нимъ правительства. Гдѣ причина? дѣло объясняется очень просто: прежде русины были страхопудомъ противъ буйной Польши. Теперь поляки съумѣли убѣдить Австрію, что „Venedig nach Florenz Galizien nach Osten hin gravitirt"—Галиція тяготѣетъ къ востоку! Еще на Рейхсратѣ, 1863 г. 18-го іюня, галицкій депутатъ графъ Голуховскій указалъ на опасность, которою угрожаетъ Германіи и особенно Австріи „русскій панславизмъ". Онъ далъ замѣтить, что противодѣйствовать ему можно только возстановленіемъ независимой Польши. Это, конечно, тогда было отвергнуто, но теперь почему-то производитъ нѣкоторый эффектъ.

Въ мартѣ, польскія и чешскія газеты („Gazeta Narodowa", „Czas", „Nar. d. Listy") *поймали* въ Галиціи московскаго эмиссара съ фотографіями графа М. Н. Муравьева и московскими требниками. Заведено формальное слѣдствіе и оказалось, что это—монахъ березнянскаго базиліанскаго монастыря, что въ Венгріи, собиравшій пожертвованія на свою церковь. Такъ вотъ они—русскіе агенты! А для поляковъ, такіе слухи или утки очень желательны. Австрія явно теперь на сторонѣ поляковъ, притомъ великаго *историческаго* народа, въ которомъ часто простой шляхтичъ ведетъ свой родъ, если не отъ Августа, то ужъ, конечно, отъ Пяста и—короля Гороха. Напротивъ, закутанные въ чужое имя *русины* опасны: ихъ народныя стремленія грозятъ теперешней „Staats-Verfassung", но главная опасность—здѣсь гнѣздо „московской пропаганды и закордонскихъ агитацій". А все-таки и теперь поляки называютъ Австрію мачихой, а русины—матерью, не смотря на несовсѣмъ нѣжныя отношенія. Если бюрократія душа централизаціи, а аристократія—федераціи, то русинамъ предпочтительнѣе первая. Да оно и понятно: австрійская федерація въ томъ и состоитъ, что одинъ элементъ усиливается на счетъ другаго: мадьяры въ Венгріи, итальянцы въ Истріи и Далмаціи, румыны въ Банатѣ и Седмиградіи, чехи въ Богеміи, поляки въ Галиціи—наслаждаются федераціей на счетъ подчиненія словаковъ, сербовъ, харватовъ, словинцевъ, русскихъ. Даже нѣмцы причисляютъ себя къ страдающимъ народностямъ, и это справедливо, по сравненію съ временами Шмерлинга: теперь нѣмцы въ оппозиціи, и не перестаютъ плакаться на Белькреди и распускать тревожные слухи о смѣнѣ министерства и возстановленіи вѣнскаго рейхсрата.

О чемъ же мечтаютъ и къ чему стремятся теперь поляки? Въ упоеніи своего кратковременнаго торжества, въ измѣнчивомъ круговоротѣ австрійскихъ порядковъ они уже забыли, какъ нещадно разбила исторія ихъ недавнія мечты. Они все еще вѣрятъ въ свой идеалъ: „Nad Wisłą a Dnieprem katolickie wolne Lacko-Ruskie Królewstwo". Это для нихъ Polska przeszłości и przyszłości. Obiit Polonia, natus est populus Polonus.

На львовскомъ сеймѣ мы увидимъ блистательное подтвержденіе не состоятельности польскихъ теорій несвоевременности развиваемыхъ ими политическихъ началъ. Они гордятся своимъ геройскимъ, неумирающимъ патріотизмомъ; но они не могутъ понять, что самопожертвованіе состоитъ не только въ геройскихъ военныхъ подвигахъ, но еще больше въ безкорыстномъ исполненіи гражданскихъ обязанностей. Имъ все попрежнему недостаетъ способности подняться выше единичныхъ интересовъ—личныхъ и сословныхъ. Они окаменѣли на statu quo средневѣковаго феодализма и фанатизма—политическаго и религіознаго: для нихъ нѣтъ историческаго прогресса—слѣдовательно нѣтъ будущности.

Уже до открытія сейма русины могли предвидѣть, что имъ придется играть страдательную роль безсильнаго меньшинства. Выборы были устроены такимъ образомъ, что только $^1/_3$ депутатовъ пришлась на долю русскихъ. Въ главѣ польской партіи стояли графы Гогуховскій, Борковскій, Потоцкій, Кабатъ, кн. Сапѣга съ многочисленнымъ штатомъ шляхты, мелкаго ополяченнаго мѣщанства и услужливыхъ жидовъ. Вожатаи народной партіи—Петрушевичъ, Куземскій, Павлюковъ, Наумовичъ, Кириловичъ, Добрянскій, Трещаковскій, Качала, Ковбасюкъ и другіе ученые, поселяне; но большинство—священики, которые, собственно, и составляютъ интеллигенцію страны. Галицкое духовенство отличается тѣмъ, что оно—представитель народнаго движенія и историческаго прогресса. Поляки видѣли, что никакія ихъ завоеванія не будутъ прочны, пока они не сроютъ этого охранительнаго вала русской народности въ Галиціи; они знали, что если имъ удастся „поразить пастырей, то разбѣгутся овцы". И вотъ на этомъ пунктѣ сосредоточиваютъ они свои наступательныя орудія, начинаются набѣги. Передовымъ бойцемъ выступилъ графъ Борковскій, „витія съ природы, сатирикъ даровитый, а настроеніемъ своимъ противъ Руси дуже ѣдкій" („Слово"), тотъ самый Борковскій, которому общественное мнѣніе приписало книгу „Parafiańszczyzna" (1843 г.)—ѣдкую сатиру на высшіе классы львовскаго общества, къ которому онъ и самъ принадлежитъ. Dla Rusi wszystko, dla partyi Klerykalnej — nic! Обрядъ Фотія угрожаетъ русинамъ „змосковщеніемъ". И какая отсталость—политическое значеніе духовенства! Да вѣдь это левиты, брамины! Самъ папа на тридентскомъ соборѣ изрекъ „анаѳема" Руси, непринявшей его постановленій. Москали, святоюрцы!.. Долой терно: не консисторія будетъ назначать священниковъ: я—коляторъ церкви и фундаторъ пробоства—самъ выберу себѣ священника: я имѣю на это право и хочу имъ пользоваться". Спокойно и умѣренно отвѣчали русскіе депутаты на выходки большинства: Не Русь, а Польша была и есть жреческое государство; у васъ-то слово мира и любви стало революціонной пропагандой, а религіозный гимнъ—политической демон-

страцій. Самъ папа въ 1863 г. сравнялъ церковныя права русиновъ и поляковъ въ Галиціи. Самъ тридентскій соборъ, постановленія котораго вы исковеркали, обезпечилъ независимость церкви отъ лишнихъ притязаній ея фундаторовъ. Ксендзъ Ручка полагалъ, что помѣщики надѣляли церкви *своими* „грунтами", и потому имѣютъ на нихъ права собственниковъ; но князь Сангушко невзначай сознался, что—не своими, а *рустикальными* грунтами. Развѣ мало колятору, что ему предоставляется выборъ изъ *трехъ*, предложенныхъ консисторіею, кандидатовъ (это и есть *терно*)? Папамъ хочется имѣть въ священникахъ безгласныя и послушныя орудія. Такъ нѣтъ же: въ Буковинѣ есть „москали старовѣрцы"—и имъ правительство дало всѣ политическія права; а мы, столь же вѣрны Риму и Австріи, какъ самые вѣрные изъ поляковъ. Русь пережила монголовъ, Польшу, унію, іезуитовъ, переживаетъ и галицкій сеймъ съ его Борковскими и Голуховскими. Еслибъ даже Австрія, какъ Пилатъ, выдала насъ на пропятіе, и тогда побѣдоносно воскреслибъ мы изъ гроба. Полякамъ мы не дивимся: такой ужъ у нихъ нравъ „miscere sacra profanis". Но мы всѣ еще вѣримъ въ политическое благоразуміе, если не въ безпристрастіе Австріи. У поляковъ минутное настоящее, но будущность—наша". 24-го февраля, большинствомъ голосовъ, положено было уничтожить *терно.* Такимъ образомъ первая формальная побѣда досталась полякамъ, но и они чувствовали, что перевѣсъ убѣжденія остался за русинами.

На очереди стоялъ вопросъ о *реорганизаціи школъ*, но тутъ пришлось бы бороться съ нѣмцами, потому-что въ университетахъ х техникѣ, въ реальныхъ школахъ и гимназіяхъ по сю пору господствуетъ нѣмецкій языкъ. Нѣмцы благоразумно *стравили* русскихъ съ поляками, вполнѣ увѣренные, что только народное безсиліе можетъ поддержать здѣсь значеніе нѣмецкаго языка. Такъ и на этотъ разъ поляки благоразумно уклонились отъ борьбы съ нѣмецкимъ языкомъ. Тѣмъ съ большимъ энтузіазмомъ накинулись они на народныя школы, вполнѣ увѣренные, что только забравши въ свои руки воспитаніе возрастающихъ поколѣній, они могутъ надѣяться на успѣхъ полонизаціи края. Народныя школы въ Галиціи существуютъ только „спорадически"; едва 10% изъ обязанныхъ посѣщать школы—учится въ нихъ. Содержаніе—бѣднѣйшее: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ учитель получаетъ годоваго жалованья 10 гульденовъ (8 р. сер.). Эти школы съ 1805 г, существуютъ большею частію нераздѣльно съ церквами; „органисты" занимаются обученіемъ. Теперешніе „новаторы" захотѣли вырвать школы изъ-подъ вѣдомства ординаріатовъ, чтобы затѣмъ ввести туда польскій языкъ и польскій духъ. Русскіе предвидѣли это и отстаивали право каждаго учиться на любомъ языкѣ. Вопросъ скоро перешелъ въ общую сферу: дѣло шло уже о *равноправности двухъ земскихъ языковъ.* Но прежде, чѣмъ приступить къ преніямъ о равноправности русска-

го и польскаго языковъ, *нужно было* рѣшить еще одинъ *важный* вопросъ: дѣйствительно ли въ Галиціи *существуетъ Русь*, и даже—*существуетъ* ли вообще съ высшей, абсолютной точки зрѣнія, какой бы то нибыло *русскій языкъ*?—Въ самомъ дѣлѣ, предстояли вопросы громадной важности, и мы съ благовѣніемъ должны преклониться предъ несравненнымъ геніемъ Борковскаго, который на этотъ разъ превзошелъ самаго себя. „Да гдѣ же Русь“, разсуждалъ Борковскій: „вѣдь это польскіе хлопы, а не Русь. Русскій языкъ!... да вѣдь это исковерканное нарѣчіе польщизны. И кто знаетъ, можетъ быть Несторъ писалъ на польскомъ языкѣ: это очень вѣроятно, даже положительно можно сказать, что Несторъ былъ полякъ. А они—хлопы, укравшіе у насъ лохмотья нашего языка, ужъ размечтались о равноправности! Такъ знайте же, что это *сеймъ польскій*, и что *здѣсь нѣтъ русскихъ*“... Русины однако ухитрились: „Какъ же это *польскій* сеймъ, если въ немъ засѣдаютъ *хлопы*?—изъ исторіи извѣстно, что даже русскихъ *епископовъ* не допускали на *польскій* сеймъ“... Но Борковскій все стоялъ съ лопатою, готовый заживо погребать русскихъ, не смотря на ихъ убѣжденія, что они еще живы. У него оставался еще одинъ несокрушимый резонъ противъ равноправности двухъ языковъ, такой резонъ, который можетъ сравняться развѣ съ извѣстнымъ силлогизмомъ пражскихъ нѣмцевъ: „парижскій университетъ—нѣмецкій *потому что* онъ мать всѣмъ нѣмецкимъ университетамъ“. Съ краснорѣчіемъ, достойнымъ оратора и предмета, Борковскій говорилъ: „Польскій языкъ развился подъ вліяніемъ русскаго (sic.); если же русскому языку дать равноправность, то польскій, — *лишенный почвы, изъ которой онъ тянетъ питательные соки*, станетъ подлиннымъ экземпляромъ того гербарія, въ которомъ зеленью цвѣты задержаны неподвижно, какъ бы въ дагерротипномъ оттискѣ, и не возсіяютъ больше лучами свѣта и теплоты“. Это великая истина, только не въ ту сторону, какъ разсчиталъ ораторъ: это „дагерротипный оттискъ“ всей исторіи польскаго народа или вѣрнѣе—польской шляхты: какъ *чужеядное растеніе*, она можетъ жить только переработанными соками другихъ растеній, чужимъ потомъ и трудомъ. Польская wolność и niepodległość немыслима безъ рабства и зависимости другихъ, „чернорабочихъ“ народовъ. Поэтому-то поляки не могутъ предложить себѣ скромнаго существованія въ тѣсныхъ границахъ *этнографической* Польши: нѣтъ, давай имъ *историческую* Польшу Сигизмунда и Владислава—отъ моря до моря, и отъ Карпатовъ по Днѣпръ.

Когда Борковскому возразили,—„что за невидаль такая этотъ польскій языкъ, который засохнетъ безъ искусственной поддержки, и кто же станетъ теперь покланяться каменѣющему идолу?“ Онъ, спохватившись, что зашелъ въ дебри, сталъ распространяться о незрѣлости народа, о демократическомъ движеніи, московскихъ агитаціяхъ и левитскихъ притязаніяхъ — все совершенно

тоже, что мы слышали въ Прагѣ отъ нѣмцевъ, только съ большимъ нахальствомъ и безцеремонностію. „Нужно полонизировать русиновъ, опять заключилъ онъ, иначе они обмосковятся“. Но и теперь русины не теряли самообладанія и отвѣчали: „Всѣ ваши возраженія опровергнуты уже на пражскомъ съѣздѣ. Куда дѣнемъ мы вашъ польскій языкъ, который вы такъ великодушно и такъ безкорыстно навязываете намъ, когда мы его не понимаемъ? Въ округахъ, напр., Коломыйскомъ, Станиславовскомъ, Стрыйскомъ, Самборскомъ, по цѣлымъ годамъ не слышно польской рѣчи. Напрасно величаетесь своимъ и презираете наше: при первыхъ Ягеллонахъ русскій и польскій языки были совершенно равноправны въ судахъ и школѣ: только Сигизмундъ II-й и Янъ Казиміръ нарушили доброе согласіе и—закипѣлъ домашній раздоръ. Въ 18 в. русскій языкъ былъ университетскимъ, да и теперь существуютъ двѣ русскія каѳедры по правовѣдѣнію. Наша терминологія не установилась, но и польская скована на нѣмецкій ладъ. Что вы *перевернулись* въ ляховъ, такъ вы и намъ навязываете тѣ же ренегатскія наклонности... Такъ знайте же, что насильная полонизація 12 мил. уніатовъ загнала въ схизму: продолжайте свои подвиги—*вы только усилите Москву.*“ Но все это показалось слабымъ, вялымъ и нисколько не убѣдительнымъ въ сравненіи съ мощнымъ краснорѣчіемъ Борковскаго и его фаланги. Большинство признало польскій языкъ *„единственно оффиціальнымъ:* рѣшенія земскаго сейма должны печататься въ оффиціальной „Gazecie Lwowskiéj“ только на одномъ *земскомъ, т. е. польскомъ* языкѣ.“ Затѣмъ пошли реформы въ данномъ направленіи: преобразованіемъ избирательной системы обезпечено польское большинство во всѣхъ „краевыхъ выдѣлахъ“—помимо податнаго ценза и бывшихъ правъ представительства; отдѣленіемъ мѣстечекъ отъ селъ прибавилось 14 „маломѣщанскихъ“ депутатовъ, которые, конечно, будутъ соревновать полякамъ въ презрѣніи къ хлопству. А когда русины потребовали обезпеченія себѣ извѣстнаго числа мѣстъ въ администраціи, то имъ съ ироніей отвѣчали, что не хотятъ класть межи тамъ, гдѣ все зависитъ отъ способности кандидатовъ, такъ что даже всѣ чиновники могутъ быть русскими.

Но всего казалось мало: нужно было заявить себя чѣмъ-нибудь покрупнѣй, и вотъ—14 марта поступило въ сеймъ предложеніе „просить императора о назначеніи въ Галиціи гофканцлера“ — конечно поляка, и вѣроятно — Голуховскаго, того самаго графа Агенора Голуховскаго, который въ 50-мъ году сидѣлъ на намѣстничьемъ столѣ во Львовѣ, въ 60-мъ году былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и скоро затѣмъ государственнымъ министромъ. Но онъ не умѣлъ примирить муниципальной, провинціальной и національной автономіи съ государственнымъ единствомъ. Отсталый отъ требованій современности, онъ, всецѣло сочувствовалъ феодальнымъ учрежденіямъ средних вѣковъ: уже въ слѣдующемъ году онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто

Шмерлингу. Русины видѣли, что они лишаются послѣдней надежды на поддержку правительства: между нихъ станетъ канцлеръ. Это будетъ вѣнцемъ польскаго терроризма и шляхетской автократіи. Когда замѣчательная рѣчь посла Куземскаго (предсѣдателя галицкой матицы) не подѣйствовала, то имъ оставалось одно средство: чтобы не быть свидѣтелями своего позора, они всѣ до одного оставили залу сеймовыхъ собраній. Поляки сначала было растерялись, но скоро оправившись, составили адресъ императору, въ которомъ просятъ: „о назначеніи въ представители *народа* (!) сына земли, знающаго потребности страны, соединеннаго съ нею однимъ чувствомъ, одними интересами, которые онъ будетъ представлять предъ правительствомъ.“ Русины понимали, чего они хотятъ: мягко стелютъ—жестко спать. Какъ бы то ни было, въ Вѣну отправлена депутація, въ которой приняли участіе: маршалокъ кн. Сапѣга, гр. Голуховскій, епископъ Монастерскій, ректоръ Майеръ и нѣкоторые другіе. Императоръ принялъ адресъ милостиво, и обѣщалъ „принять его во вниманіе и соединить съ органическими началами государства.“ Ни намека на то, что депутація незаконна, потому что въ ней не было представителей больше двухмилліоннаго русскаго населенія Галиціи. Теперь русины ясно увидѣли, что плохая надежда и на правительство. Имъ оставалось позаботиться, чтобъ, въ оставшееся еще для сеймовыхъ собраній время, не постановлено было ничего важнаго. Два дня проволочили на вопросѣ о желѣзныхъ дорогахъ; три дня спорили о назначеніи пособій церквамъ. Долго шли безполезныя пренія по вопросу о *пособіи русскому театру*. Поляки отговаривались финансовыми затрудненіями, однако нашли средства дать краковскому театру—хотя заимообразно—5000 гульд. На этомъ бы и конецъ, но русскіе послы рады были ухватиться за этотъ предметъ, чтобы протянуть время. Борковскій съ обыкновенною своею рѣзкостію высказался, что русскій театръ такое же частное заведеніе, какъ кофейня, и что удовлетворять капризамъ русиновъ—въ воду деньги бросать. „Можете ходить и въ польскій театръ, а у васъ нѣтъ литературнаго языка,—только простонародный„. Русскіе говорили, что это не частное заведеніе, а ихъ лучшее народное достояніе, пріютъ русскаго языка и народности. За 100 верстъ съѣзжаются русины посмотрѣть свой театръ. „Отказами вы только возбуждаете народныя страсти. Если ужъ на то пошло, такъ раздѣлите поземельный фондъ, на который мы имѣемъ права не меньше вашего; если мы взаимно тяготимся своими отношеніями, такъ чтоже вы боитесь—*раздѣленія Галиціи?* Не *übereinander*, а *nebeneinander*—основаніе федеративныхъ отношеній, которыхъ и вы держитесь. Словинцевъ—съ малымъ милліонъ, а у нихъ отдѣльные сеймы въ Крайнѣ, Каринтіи. Городъ Тріестъ и микроскопическій въ сравненіи съ нами Герцкій округъ имѣютъ свои ландтаги: а насъ — *за два милліона!...*“ Понятно съ какой грозой отнеслись поляки къ такому дерзкому требова-

нію. Правительственный коммисаръ, съ своей стороны, сказалъ, что правительство не намѣрено—въ видахъ экономическихъ (!) назначать двухъ отдѣльныхъ сеймовъ—для Кракова и Львова. Русины съ восторгомъ приняли извѣстіе о предложеніи на пештскомъ сеймѣ посла венгерской Руси, Ад. Добрянскаго: присоединить галицкую Русь къ Венгерскому королевству. Еще разъ улыбался имъ разрывъ съ Краковомъ; но понятно, какъ сомнительны такія надежды русиновъ въ настоящемъ, хотя онѣ очень возможны и можетъ быть неизбѣжны въ будущемъ.

Что не московская агитація была причиной такой розни поляковъ съ русинами, видно изъ того, что даже *евреи*, все время бывшіе заодно съ поляками, теперь должны были разочароваться: при концѣ сейма отправилась въ Вѣну еврейская депутація съ жалобой на обидное рѣшеніе сейма по еврейскимъ дѣламъ.

Но приближался конецъ сейма: жалко имъ было разставаться съ нимъ, все откладывали конецъ: съ 16-го марта на 9-е апрѣля, потомъ еще на недѣльку, такъ что только 16-го апрѣля наконецъ закрытъ былъ сеймъ. На двухъ послѣднихъ, 79 и 80-мъ засѣданіяхъ обсуждалось предложеніе Петрушевича о признаніи правъ русскаго языка на сеймѣ и въ судопроизводствѣ, и на этотъ разъ, къ общему удивленію, поляки сдѣлали уступки, конечно, ничтожныя: „русскій языкъ признается официальнымъ, хотя не *автентичнымъ* (подлиннымъ), и на сеймѣ—на русскія рѣчи маршалокъ отвѣчаетъ по-русски." Все это даже „*Gazeta Narodowa*" считаетъ пустой формальностію, неимѣющею никакихъ практическихъ послѣдствій; но для насъ интересенъ фактъ съ психологической точки зрѣнія: на *послѣднихъ* засѣданіяхъ въ *первый* разъ польскіе послы (за исключеніемъ однако 29) перешли на сторону русскихъ. Пять мѣсяцевъ дразнили, въ два дня хотѣли успокоить: пусть оставятъ сеймъ въ хорошемъ расположеніи духа. Все разсчитано на русское добродушіе и незлопамятство; но и русины не такъ ужъ наивны, чтобы еще вѣрить въ польское безпристрастіе. Они такъ и поняли, что это стратегическая уловка.

Итакъ, кончился наконецъ галицкій сеймъ: ни за что пропали для страны около 200,000 р., и то въ такую пору, когда народъ питается румфортскимъ супомъ, или даже помираетъ съ голоду. Но онъ поучителенъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) онъ представилъ намъ въ настоящемъ видѣ *поляки на волѣ*: нѣтъ полемическаго сочиненія, болѣе убѣдительнаго въ несостоятельности польскихъ культурныхъ началъ и отсталомъ анахронизмѣ ихъ средневѣковыхъ стремленій. 2) Польская услужливость для Австріи совершенно медвѣжьяго свойства: булыжникомъ мухъ обгоняютъ. Дознанный историческій фактъ, что чѣмъ либеральнѣе бывало нѣмецкое правительство, тѣмъ легче поддавались славяне германизаціи. Насиліе пробуждаетъ народное чувство

и вызываетъ реакціонное движеніе. Въ началѣ сейма *русины* говорили: „Руццизна въ Галиціи не есть схизма, ибо она—католицизмъ; не есть Москва, ибо здѣсь не русскіе, а русины.“ А подъ конецъ сейма, земскому управленію Бобрецкаго округа представленъ адресъ народныхъ учителей, въ которомъ сказано, что *„настанетъ время, когда единоплеменные братья съ сѣвера придутъ освободить насъ отъ ига.“* Авторъ не открытъ, но полагаютъ, что главнымъ агитаторомъ святоюрской клерикальной партіи—одинъ членъ львовскаго сейма. Х.

(*С. Петерб. Вѣдом.*)

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ ИЗЪ ЛЮБЛИНА ВЪ «МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ».

Ни одна часть Польши не можетъ возбуждать къ себѣ такого участія и интереса со стороны русскихъ людей и русскаго государства, какъ юго-восточный уголъ Царства, заключающій въ себѣ древнюю „землю Холмскую“, населенную народомъ русскимъ, сохранившимъ русскій языкъ, и исповѣдующимъ греко-уніятскую вѣру. Рѣка Бугъ, отдѣляющая теперь эту страну „князей галицкихъ“ отъ Волыни, очевидно составляетъ не болѣе какъ границу политическаго трактата; ибо трудно найдти населеніе болѣе во всѣхъ отношеніяхъ однообразное, чѣмъ жители по обѣимъ сторонамъ Буга.

Съ небольшимъ два года только тому назадъ, городокъ Холмъ, былъ во власти повстанцевъ. Русскіе владѣли тогда Холмскою землей, такъ же какъ и всѣмъ Царствомъ Польскимъ, по праву, купленному цѣной освобожденія Европы, но въ дѣйствительности намъ ровно ничего не принадлежало въ этой, купленной за такую цѣну, русской же землѣ. Здѣсь, въ самомъ Холмѣ, въ центрѣ русскаго греко-уніятскаго населенія, распоряжались банды, и полными хозяевами были шляхта и ксендзы. При безмолвіи народа, греко-уніятское духовенство, съ своимъ епископомъ въ главѣ, оставалось, во все время мятежа, самымъ покорнымъ орудіемъ волѣ своихъ латинскихъ проповѣдывало съ церковныхъ каѳедръ войну ненавистному „московскому жонду“ и русскому народу, такъ же благословляло на крамолы и злодѣйства какъ самые усердные изъ польскихъ ксендзовъ. Мы, побѣдители, не только были здѣсь чужими между своимъ народомъ, но очутились, наконецъ, въ положеніи пришельцевъ, которыхъ горсть польской шляхты рѣшила выгнать. Если бы можно было отрѣзать отъ нашей исторіи все наше прошедшее, то смотря на положеніе, которое мы вынуждены были занимать здѣсь, два года тому назадъ, можно было бы безошибочно причислить насъ къ выродившимся остаткамъ какой-то отжившей цивилизаціи, къ остаткамъ,

которые, безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія, удаляютъ какъ лишнее бремя и рухлядь, чтобы очистить мѣсто для силъ болѣе юныхъ и здоровыхъ.

Пошевельнулись, наконецъ, внутреннія силы русской земли и мы, не ограничиваясь, какъ прежде, расквартированіемъ здѣсь нашихъ войскъ, освободили русскій народъ отъ польской шляхты, устраиваемъ теперь греко-уніятскія церкви и русскія училища, и готовы приняться за учрежденіе русской администраціи и за болѣе рѣшительныя мѣры къ огражденію народной вѣры отъ насильственныхъ въ нее вторженій латинской пропаганды.

Греко-уніятскія церкви находятся здѣсь, какъ извѣстно, въ самомъ жалкомъ состояніи; но и то, что есть, пріобрѣтено народомъ цѣной отступленія отъ обрядовъ и обычаевъ своей вѣры; потому что ктиторами церквей были по большей части помѣщики-католики, которые если и удѣляли изъ своихъ средствъ кой-какія крохи на поддержаніе уніятскихъ церквей, то устраивали за это церкви не иначе какъ по образцу латинскаго костела, безъ иконостасовъ и безъ малѣйшаго вниманія къ требованіямъ греческой обрядности. Прежде чѣмъ устраивать церкви, были приняты поэтому всѣ необходимыя мѣры для того, чтобы прихожане уніятскихъ церквей избирали изъ своей же среды церковныхъ старостъ, и уніятскіе приходы были поставлены въ положеніе независимое отъ услугъ латинскихъ ктиторовъ. Чтобы судить о размѣрахъ такого предпріятія, какъ устройство для здѣшняго народа церквей, достаточно сказать, что на этотъ предметъ разрѣшенъ уже главному директору коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ кредитъ въ 250,000 рублей, независимо отъ суммы, ежегодно отпускаемой въ количествѣ 21,550 рублей, на возстановленіе обветшавшихъ греко-уніятскихъ церквей. Сверхъ того, для той же цѣли обращаются капиталы упраздненныхъ базиліанскихъ монастырей, равно какъ капиталы, принадлежащіе приходамъ и образовавшіеся изъ различныхъ источниковъ. При предварительномъ осмотрѣ церквей, многія крестьянскія общества, какъ слышно, выразили готовность принять на свой счетъ нѣкоторую часть расходовъ по устройству ихъ церквей. Наиболѣшій срокъ для окончательной постройки новыхъ и исправленія ветхихъ церквей положенъ въ пять лѣтъ, и рука, которая ведетъ это дѣло, уже доказала, чего мы можемъ ожидать отъ нея, когда она коснется вопроса, тѣсно связаннаго съ интересами русскаго народнаго дѣла.

При первыхъ слухахъ о возстановленіи греко-уніятской іерархіи въ Польшѣ, въ ея самостоятельномъ, а не въ подчиненномъ католицизму значеніи,—здѣшнее уніятское духовенство сначала, повидимому, сочувствовало этой мысли правительства, тѣмъ болѣе, или, быть-можетъ, единственно потому, что вмѣстѣ съ тѣмъ для него открывались положительные ви-

ды къ улучшенію его быта какъ матеріяльнаго, такъ и нравственнаго. Въ уніятской церкви, въ Варшавѣ, закрылись царскія двери иконостаса, согласно греческому обряду; священники вступали въ горячія разсужденія на русскомъ языкѣ о красотахъ греческаго обряда, о всѣхъ гоненіяхъ, которымъ подвергались со стороны латинскаго духовенства, въ послѣднее время, тѣ изъ нихъ, которые рѣшались охранять чистоту греческаго обряда отъ искаженій латинскихъ; студенты, кончившіе курсъ въ холмской семинаріи и предназначавшіеся къ посвященію львовскимъ митрополитомъ Литвиновичемъ въ священники, склонялись па нѣкоторые компромиссы въ отношеніи къ соблюденію постановленій брестскаго, а не замойскаго собора. . . . Но такое расположеніе, которое завязывалось, повидимому, въ средѣ уніятскаго духовенства, вскорѣ за тѣмъ значительно охладѣло, и въ настояще время, громадное большинство уніятскаго духовенства не только не представляетъ никакой опоры нашему привительству въ дѣлѣ народнаго и религіознаго образованія страны, но не думаетъ даже и скрывать свои антипатіи къ правительственнымъ распоряженіямъ, имѣющимъ цѣлію поднять и возбудитъ къ самостоятельной жизни какъ народъ, такъ и его духовныхъ пастырей, пребывавшихъ такъ долго въ рабскомъ подчиненіи польщизнѣ. Отвращеніе и какой-то страхъ въ отношеніи къ русскому языку и его распространенію выразались очень рѣзко въ уніятскомъ духовенствѣ, по поводу открытія русской гимназіи въ Холмѣ. Нѣкоторые изъ священниковъ обращались къ начальству съ просьбами о дозволеніи не присутствовать при торжествѣ открытія гимназіи, такъ какъ участіе въ такомъ торжествѣ могло бы навсегда скомпрометтировать ихъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ; другіе усердно просили объ освобожденіи дѣтей ихъ отъ обязательнаго обученія въ гимназіи, причемъ находились и такіе, которые высказывали свое желаніе скорѣй вовсе и нигдѣ не обучать дѣтей своихъ, нежели отдавать ихъ въ русскую гимназію; третьи очень простодушно выражали свои недоумѣнія, какимъ образомъ могутъ быть преподаваемы нѣкоторые весьма важные научные предметы на такомъ грубомъ языкѣ, какъ русскій; наконецъ гимназическое начальство, не смотря на всѣ свои хлопоты, не могло найдти ни одного изъ греко-уніятскихъ священниковъ, который рѣшился бы на подвигъ произнести на русскомъ языкѣ проповѣдь въ день открытія русской гимназіи. Двое изъ нихъ послѣ долгихъ колебаній отказывались потомъ наотрѣзъ; третій, приглашенный законоучителемъ въ педагогическіе курсы гимназіи, далъ слово приготовить проповѣдь; но въ назначенный для открытія гимназіи день не явился, и праздникъ лишился такимъ образомъ одного изъ своихъ необходимыхъ украшеній,—русской рѣчи, обращенной въ церкви къ ученикамъ и ко всѣмъ присутствовавшимъ при богослуженіи въ сборѣ.

Всѣ подобныя выходки относятся къ той весьма малочисленной части уніятскаго духовенства, которая состоитъ изъ людей болѣе образованныхъ и окончившихъ курсъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ; остальная масса отличается глубочайшимъ невѣжествомъ вообще, и въ особенности ко всѣмъ, что касается до предметовъ ихъ собственной вѣры; они слушаютъ съ наивнымъ удивленіемъ даже о такихъ событіяхъ, какъ переходъ изъ православія въ унію. Вслѣдствіе уничиженія и постоянной подчиненности, въ какихъ держало р. католическое духовенство греко-уніятскую церковь, служители послѣдней насквозь проникнуты повидимому убѣжденіемъ, что ихъ исповѣданіе, въ которомъ пребываютъ одни лишь хлопы, составляетъ по существу не болѣе какъ ступень къ исповѣданію болѣе чистому и истинному, каково есть латинство.

Число священниковъ далеко не соотвѣтствуетъ числу убогихъ греко уніятскихъ церквей и приходовъ. Каждый почти священникъ имѣетъ по нѣскольку приходовъ, отъ чего богослуженіе въ церквахъ бываетъ однажды недѣли въ три, а иногда и въ пять. Не смотря на такой недостатокъ въ священникахъ, нерѣдко случается встрѣчать уніятскаго священника, говорящаго, въ праздникъ, проповѣдь въ латинскомъ костелѣ, въ то самое время, когда церковь его собственнаго прихода заперта, и его прихожане лишены въ этотъ день богослуженія въ своей церкви. Тамъ, гдѣ богослуженіе отправляется очень рѣдко, по недостотку въ священникахъ, или гдѣ оно совершенно прекращается по случаю окончательнаго разрушенія обветшавшей церкви, а между тѣмъ вблизи находится костелъ, крестьяне посѣщаютъ послѣдній; въ уніятскихъ церквахъ отправляютъ тогда богослуженіе латинскіе ксендзы; къ нимъ же обращаются въ такихъ случаяхъ крестьяне и за церковными требами, не исключая, разумѣется, и исповѣди. Въ послѣдней „конкордіи, въ отношеніяхъ обоихъ обрядовъ въ Галиціи, греко-католическаго русиновъ и латинскаго поляковъ", послѣднимъ декретомъ, „священной конгрегаціи о распоространеніи вѣры", отъ 6-го октября 1863 года, постановлено, между прочимъ, что „вѣрни обоихъ обрядовъ могутъ важно и „дозволенно у священника латинскаго, або рускаго обряда, отъ „своего епископа потвержденнаго, своихъ греховъ сповѣдатися, и даръ таинственнаго разрѣшенія отрымовати." Такимъ образомъ значительная часть уніятовъ Красноставскаго и Замойскаго уѣздовъ перешла въ латинство, и когда правительство потребовало въ недавнее время отъ уніятскихъ священниковъ списковъ лицъ, исповѣдующихъ греко-уніятскую вѣру, но священники многихъ приходовъ были въ большомъ затрудненіи указать, кто именно изъ бывшихъ уніятовъ остались вѣрными своей церкви. Въ Булгораѣ, въ послѣдніе два-три года, болѣе двухъ третей уніятовъ перешла въ латинство. Не далѣе какъ 14-го ноября, отправлялось въ уніятскихъ цер-

квахъ богослуженіе въ память Іоасафата Кунцевича. Самое богослуженіе совершается, какъ извѣстно, съ большимъ разнообразіемъ. Въ однѣхъ церквахъ сохранилась еще херувимская пѣснь; въ другихъ, вмѣсто того, поются или читаются польскіе гимны и молитвы, которые замѣняютъ нерѣдко и причастный стихъ; въ однихъ приходахъ причащеніе даютъ подъ однимъ, въ другихъ подъ двумя видами. Всѣ вообще вторженія латинства не только въ обрядность греко-уніятскую, но въ самый духъ этого исповѣданія, остаются до сихъ поръ безъ всякаго отпора со стороны уніятскаго духовенства. Русскіе люди, имѣющіе здѣсь безпрерывныя отношенія къ уніятскому духовенству положительно удостовѣряютъ, что его нравственныя силы находятся въ такомъ глубокомъ упадкѣ, что нѣтъ и не можетъ быть никакой надежды къ возбужденію въ настоящемъ поколѣніи этого сословія какого-либо стремленія къ жизни болѣе самостоятельной, незав исимой отъ р. католицизма, такъ что при видѣ настоящаго положенія этой церкви и ея служителей, мысль невольно склоняется къ заключенію, что уніятское исповѣданіе не содержитъ въ себѣ никакихъ прочныхъ основъ и задатковъ къ дальнѣйшему существованію, но рано ли, поздно ли, должно примкнутъ къ одной изъ двухъ главныхъ вѣтвей христіанскаго міра.

Не трудно предусмотрѣть, какъ могло бы воспользоваться наше правительство такимъ положеніемъ греко-уніятскаго духовенства, для сліянія населенія Холмской земли съ населеніемъ Россіи. Неспособное къ жизни самостоятельной, греко-уніятское духовенство тѣмъ болѣе способно покориться силѣ, дѣйствительно, а не номинально господствующей въ странѣ, силѣ, которая поддерживается не одними лишь войсками, но вытекаетъ изъ сознанія нравственнаго превосходства надъ окружающею средой, и соотвѣтствуетъ потребностямъ элементовъ, успѣвшихъ сохраниться еще невредимо въ народѣ, отъ чуждыхъ и ненавистныхъ имъ вліяній и насилій. Врагъ нашъ былъ здѣсь силенъ потому только, что мы сами были слабы, потому только, что сими топтали въ грязь наши собственныя, силы, и возвышали этимъ нашихъ враговъ несравненно болѣе, нежели на сколько сами они могли возвыситься надъ нами. Успѣхъ русскаго дѣла, и здѣсь будетъ зависѣть, поэтому, далеко не столько отъ среды, въ которой приходится намъ дѣйствовать, сколько отъ положенія, какое мы сами займемъ въ ней. Греко-уніятское духовенство не можетъ не примкнутъ къ тому, что обнаружитъ въ себѣ болѣе признаковъ дѣйствительнаго могущества въ странѣ; рѣшительныя мѣры къ обезпеченію быта духовенства, и къ отстраненію всякихъ посягательствъ латинства на русскую народность въ этомъ краѣ будутъ, конечно, мѣрами способными болѣе другихъ уяснить здѣшнему духовенству, какое значеніе готово предоставить ему правительство въ народѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что если мы

сами не будемъ создавать для себя препятствій, въ народѣ какихъ-то „интересовъ" Польскаго *Царства*, то уніятское духовенство сознаетъ скоро, гдѣ его собственныя выгоды, и не замедлитъ присоединиться къ дѣлу, котораго основанія закладываются здѣсь русскими людьми. Вышеупомянутыя мѣры, сколько намъ извѣстно, не заставятъ долго ожидать себя. Тогда, и только тогда, при положительномъ разъясненіи вопроса о положеніи здѣсь мѣстнаго духовенства, и о его отношеніяхъ къ народу и къ Риму,—вопросъ о сельскихъ училищахъ, думаемъ мы, могъ бы быть двигнутъ не на бумагѣ только, но получить значеніе весьма серіозное и жизненное для народа.

Основная мысль въ послѣдней организаціи народныхъ школъ въ Царствѣ Польскомъ заключалась „въ полномъ безпристрастіи ко всѣмъ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія", съ тѣмъ чтобы каждое изъ населеній, составляющихъ особое племя съ особымъ вѣроисповѣданіемъ, было „ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства" и въ этихъ видахъ „имѣло бы отдѣльныя для своей народности училища."

Трудно скрыть отъ себя, что задача, нами такимъ образомъ предпринятая, въ отношеніи къ охраненію различныхъ національностей, населяющихъ завоеванную нами издавна страну представляетъ для населенія ея немаловажныя затрудненія.

Какимъ образомъ, напримѣръ, языкъ правительственный, а слѣдовательно господствующій, поставилъ бы себя наравнѣ съ другими языками, на которыхъ говорятъ различныя племена, населяющія страну? Какимъ же образомъ ожидать, чтобы русское правительство, правительство одной изъ пяти великихъ европейскихъ державъ, сохраняя безразличное равновѣсіе между требованіями различныхъ національностей, относилось безпристрастно къ языку и къ требованіямъ народности русской? И можно ли назвать пристрастіемъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то, что лежитъ въ натурѣ вещей, что также свойственно правительству, и даже въ высшей степени, какъ свойственъ каждому индивидууму его собсовенный нравъ и обычай? Вотъ почему, думаемъ мы, правительству, какого бы то ни было народа, очень трудно удержаться на степени отвлеченнаго и космополитическаго безпристрастія ко всѣмъ національностямъ, не исключая даже своей собственной, безъ того, чтобы оно не отреклось отъ того, что составляетъ нѣкоторымъ образомъ причину его собственнаго бытія, что дѣлаетъ его наконецъ „правительствомъ", то есть господствующею, а не подчиненною силой въ странѣ.

Цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ по предмету народнаго образованія въ Польшѣ, и особенно въ русской части Польши, дѣйствительно доказываетъ, что сохраненіе полнаго безпристрастія, по всѣмъ народностямъ, не исключая своей собственной, оказывается не выполнимымъ всякій разъ, когда мы рѣшаемся сдѣлать шагъ на пути политики національной

единственно правильной и возможной, въ интересахъ народныхъ и государственныхъ своей собственной страны.

Указомъ 30-го августа 1864 г., всѣ начальныя училища предоставлены вѣдѣнію сельской общины и гмины (волости), въ которыхъ управленіе: по свойству настоящей организаціи этихъ учрежденій, принадлежитъ исключительно крестьянству. Такимъ образомъ въ вопросѣ по устройству народныхъ школъ, правительство стало лицомъ къ лицу съ крестьянствомъ, безъ всякаго посредства и участія въ этомъ дѣлѣ остальныхъ классовъ населенія, не исключая и духовенства, и которые завѣдомо намъ враждебны, и всякое участіе свое въ образованіи народа обратили бы исключительно на пропаганду и всякаго рода козни противъ Россіи.

Уступка въ этомъ отношеніи сдѣлана была въ пользу одной только національности, а именно нѣмецкой. Статья 30 указа о народныхъ училищахъ предоставляетъ „училища для дѣтей евангелическо-аугсбургскаго и реформатскаго исповѣданій *исключительно въ вѣдѣніе консисторій*, подъ общимъ лишь надзоромъ учебныхъ дирекцій, при чемъ означеннымъ консисторіямъ продоставляется учреждать также и новыя училища сего же рода.“ Если нѣмецкіе крестьяне-колонисты и успѣли сохранить въ Польшѣ свой языкъ и вѣру, то не менѣе того множество лицъ евангелическеаго и реформатскаго исповѣданій, не исключая и членовъ консисторій, не принадлежатъ къ классу крестьянъ, и вовсе не причисляютъ себя къ нѣмецкой національности, а напротивъ всѣмъ существомъ своимъ преданы польскому элементу. Доказательствомъ тому можетъ служить тотъ фактъ, что когда была устроена, въ видахъ огражденія нѣмецкаго элемента отъ всякихъ на него посягательствъ, нѣмецкая гимназія въ Варшавѣ, на весьма щедрыя казенныя средства, то нѣмцы отнеслись къ этому учрежденію не только равнодушно, но заявили по этому поводу, что они хотятъ воспитывать дѣтей своихъ въ общихъ гимназіяхъ польскихъ, а отдѣльной гимназіи, въ которой законъ Божій и всѣ предметы преподавались бы на языкѣ нѣмецкомъ, вовсе имѣть не желаютъ. И заявленіе это выражено было такъ положительно, что псевдо-нѣмцамъ дано было понять, что въ случаѣ, если число учениковъ въ нѣмецкой гимназіи не достигнетъ до удовлетворительной цифры, то образованіе ихъ дѣтей въ гимназіи національной будетъ для нихъ обязательно... Къ такимъ-то неожиданнымъ результатамъ можетъ приводить иногда система охраненія въ русскомъ государствѣ, на казенныя деньги, всѣхъ національностей, отъ всякихъ покушеній на ихъ свободное развитіе.

Но если евангелическимъ и реформатскимъ *консисторіямъ* предоставлены въ исключительное вѣдѣніе нѣмецкія начальныя училища, то, как выше было сказано, первоначальныя школы для всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій, не исключая

греко-уніятскихъ, были предоставлены исключительному вѣдѣнію сельскихъ и гминныхъ *сходовъ*, подъ общимъ надзоромъ учебныхъ дирекцій. Нельзя не сознаться, что школы русскія и всѣхъ національностей, кромѣ нѣмецкой, были поставлены такимъ образомъ въ условія, не совсѣмъ благопріятныя для возможности ихъ развитія. На сельскіе сходы, возложена обязанность не только пріискивать и назначать средства для содержанія школъ, по даннымъ однакоже нормамъ, но даже пріискивать учителей. Распорядительныя же дѣйствія, по завѣдыванію училищами, и между прочимъ „наблюденія за поведеніемъ учителя и за исправнымъ исполненіемъ его обязанностей“, отнесены къ непосредственнымъ обязанностямъ гминныхъ войтовъ, лавниковъ и солтысовъ, людей, какъ извѣстно, въ грамотности безгрѣшныхъ. Сходы имѣютъ право открывать школы, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, вопервыхъ, они приговорами своими положительно обезпечивали содержаніе сихъ школъ, вмѣстѣ съ жалованьемъ учителю, въ предписанныхъ для сего нормахъ, отъ 150 до 210 рублей и во вторыхъ, чтобы избранный сходомъ учитель выдержалъ экзаменъ въ дирекціи училищъ.

При этомъ нерѣдко, разумѣется, обнаруживалось, что мнѣнія сходовъ о такихъ важныхъ матеріяхъ, какъ учитель и училище, не совсѣмъ согласовались съ мнѣніями о тѣхъ же предметахъ дирекцій. Но этимъ не ограничивается училищная автономія сельскихъ сходовъ. Войтъ и солтысы рѣшаютъ также, при заключеніи условій съ учителями, кто будетъ преподавать законъ Божій: тотъ же ли учитель, который обучаетъ прочимъ предметамъ, и который можетъ быть, надо замѣтить, лицо всякаго вѣроисповѣданія и иностранецъ, или—мѣстный священникъ. Въ послѣднемъ случаѣ, требуется особое на то разрѣшеніе директора училищъ, и сходъ долженъ платить законоучителю особое жалованье.

Всѣ вышеисчисленныя мѣры предполагалось примѣнить и къ русскимъ греко-уніятскимъ школамъ, съ единственнымъ различіемъ, что учителями въ нихъ положено допускать только русскихъ, и преимущественно греко-уніятскаго исповѣданія. Въ общей системѣ безпристрастія ко всѣмъ національностямъ, послѣдняя мѣра, очевидно, нарушала стройность этой системы, и выразила особенную заботливость о поддержаніи народности русской. Но дальнѣйшія мѣры къ устройству школъ греко-уніятскихъ дозволяютъ надѣяться, что русское правительство будетъ охранять народность русскую, если не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно предъ прочими.

Преимущества предоставленныя русскимъ греко-уніятскимъ училищамъ (постан. учред. ком. 14-го августа 1865 г.), заключаются въ первыхъ и матеріяльныхъ пособіяхъ правительства. Въ то время, какъ школы другихъ народностей, имѣ-

етъ право на пособіе казны, въ случаѣ бѣдности сельскаго населенія, въ размѣрахъ половиной суммы, назначенной на содержаніе училища и учителя, и притомъ въ теченіе только 10 лѣтъ, школы уніятскія получають пособіе безъ ограниченія предыдущою нормой, а въ случаѣ нужды, въ размѣрахъ даже всей суммы, требующейся на содержаніе училища и учителя. Вмѣсто права получать заимообразно изъ казны суммы, необходимыя для возведенія училищныхъ домовъ, уніятскимъ школамъ дана привиллегія получать такія суммы не въ видѣ ссудъ, но безвозвратно. Точно также постановлено отпускать лѣсъ изъ казенныхъ дачъ безплатно, тогда какъ для другихъ училищъ такой отпускъ производится за плату, по половинной таксѣ. Пособіе казны для одноклассныхъ училищъ уніятскихъ распространяется и на двуклассныя, въ размѣрахъ приблизительно до 400 рублей. Но важнѣйшимъ измѣненіемъ, для уніятскихъ школъ, въ правилахъ общаго устава, должно считать то, что учителей для этихъ школъ положено избирать не на сходахъ, а назначать начальнику учебной дирекціи, по соображенію лишь съ указаніями мѣстныхъ жителей, и за тѣмъ, преподаваніе закона Божія возлагать непремѣнно на священниковъ; съ особымъ для нихъ вознагражденіемъ изъ казны. Участіе, предоставленное греко-уніятскому духовенству выразилось еще тѣмъ, что „слѣдуетъ не только допускать, но даже привлекать греко-уніятскихъ священниковъ къ завѣдыванію греко-уніятскими училищами, въ качествѣ блюстителей, подъ надзоромъ и контролемъ начальниковъ учебныхъ дирекцій“, и съ особымъ за то отъ казны вознагражденіемъ. При этомъ требуется однакожъ, чтобы священники, назначаемые въ блюстители, принадлежали къ лицамъ, заслуживающимъ полное довѣріе, „какъ люди вполнѣ преданные интерессамъ правительств, чистотѣ своего исповѣданія и пользамъ народности“.

Совокупность предыдущихъ мѣръ, въ связи съ распоряженіемъ объ устройствѣ церквей и съ ожидаемыми постановленіями о назначеніи духовенству содержанія, равно какъ о неприкосновенности греческаго обряда со стороны латинства, становитъ вопросъ о народныхъ русскихъ училищахъ на почву болѣе практическую, и завершается устройствомъ русской пяти-классной прогимназіи въ Бялѣ и русской гимназіи въ Холмѣ.

Открытіе гимназіи въ Холмѣ, слухи о предполагаемой также къ открытію особой губерніи холмской, произвели между польскимъ населеніемъ этого края, впечатлѣніе весьма сильное. Стали отзываться что такія учрежденія дѣйствительно соотвѣтствовали бы вполнѣ положенію большинства населенія *„русскаго“*, что русскій языкъ очевидно пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ болѣе господства въ странѣ, и такъ какъ молодые люди безъ русскаго языка не имѣли бы доступа къ

государственной службѣ, то образованіе ихъ въ русской гимназіи ничего не можетъ принести имъ, кромѣ положительной пользы. Какъ ни огорчались поляки за упраздненіе училища въ Красноставѣ, по поводу основанія гимназіи въ Холмѣ, къ кому ни обращались они съ прошеніями объ оставленіи красноставскаго училища, но такъ какъ всѣ эти прошенія остались на этотъ разъ безъ послѣдствій, то въ день открытія холмской гимназіи, изъ числа всѣхъ принятыхъ въ нее учениковъ, оказалась половина поляковъ и р. католиковъ. Не мало толковали и о томъ, что гимназія будетъ не русская, а русинская; потому что языкъ русинскій подходитъ гораздо ближе къ польскому, нежели къ русскому. Вызовъ учителей, и выписка книгъ изъ Галиціи, равно какъ и отношенія, которыя завязались по необходимости между варшавскимъ правительствомъ и львовскимъ митрополитомъ, давали поводъ къ предположеніямъ объ основаніи чуть ли не Русинскаго Царства. Гимназія провозглашена была однакоже русскою; а слухи объ учрежденіи холмской губерніи замолкли. Въ предстоящемъ административномъ преобразованіи, Холмъ будетъ возведенъ пока на степень только уѣзднаго города особаго Холмскаго уѣзда.

Открытіе гимназіи, взятое какъ отдѣльный случай изъ обычной и вседневной жизни страны, не заключаетъ, разумѣется, въ себѣ ничего особенно важнаго въ общей суммѣ интерессовъ русскаго народа и Русскаго Государства. Но въ настоящее время, и въ связи съ событіями, которыя такъ еще недавно всколебали всю русскую землю и всю почти Европу,—открытіе русской гимназіи въ Холмѣ есть фактъ очень крупный и имѣетъ для насъ значеніе, которое отнюдь не ниже значенія многихъ побѣдъ, которыя одерживали мы, въ пресловутомъ возстаніи, надъ бандами, бывшими подъ начальствомъ шутовскихъ генераловъ и бѣглыхъ ксендзовъ. Русскія народныя празднества по поводу открытія мостовъ черезъ Вислу, съ французскими и нѣмецкими спичами, должны быть, разумѣется очень пріятны туземнымъ жителямъ страны, но едва ли значеніе подобныхъ празднествъ можно ставить на ряду съ тѣми которыя должны имѣть смыслъ торжества русской народности въ странѣ, принадлежащей намъ и по праву историческому и по праву завоеванія. Каждый изъ русскихъ не можетъ не признать, что основаніе русскихъ училищъ въ холмской землѣ, есть серіозный шагъ къ упроченію нашей народности въ Холмской землѣ, что такое „*событіе*“ служитъ признакомъ, что мы перестаемъ довольствоваться въ нашихъ собственныхъ интересахъ только тѣмъ, что располагаемъ въ занятой нами странѣ свои войска, какъ будто кромѣ штыка и пушки русская народность и въ самомъ дѣлѣ не обладаетъ никакими другими силами высшаго порядка, чтобы возбудить къ себѣ уваженіе и быть силою

господствующей въ странѣ. Силой нѣкоторыхъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя сопутствовали до этихъ поръ Россіи въ государственномъ развитіи, эти люди пришли къ весьма грустному убѣжденію, что Россія потому только и считается въ Европѣ сильною державой, что до этихъ поръ намъ удавалось обманывать Европу, скрывая предъ нею свое ничтожество и безсиліе за декораціями военныхъ силъ, и что не будь этого ловкаго обмана и всѣхъ необходимыхъ къ нему фокусовъ-покусовъ, Россія давно бы изгинула предъ лицомъ просвѣщенныхъ націй Европы, и была бы низведена ими на степень какой-нибудь киргизъ-кайсацкой орды. Но какъ бы то нибыло, какъ ни убога была внѣшняя обстановка праздненства, имѣвшало столь важное для насъ значеніе внутреннее, какъ ни затруднительны всѣ извилистыя и темныя тропы, которыми вынуждено пробираться русское дѣло, чтобы выдти къ свѣту народнаго сознанія,—русскіе почувствовали уже себя здѣсь дома; первые камни устанавливаются прочно, и при взгладѣ на скорбный путь, которымъ такъ еще недавно были приведены сюда русскіе къ зрѣлищу ихъ собственнаго позора, настоящій порядокъ вещей представляется здѣсь дѣйствительно дѣломъ громаднаго труда и замѣчательнаго успѣха.

Но весь вопросъ въ томъ, обезпечена ли здѣсь для русскаго дѣла возможность его дальнѣйшаго успѣха на столько, чтобы для насъ потеряло наконецъ значеніе праздника открытіе всякой руской деревенской школы и всякой вывѣски на русскомъ языкѣ? Мы знаемъ, что тридцать лѣтъ изученіе русскаго языка было обязательнымъ во всѣхъ училищахъ Польши, и что это обязательство не имѣло для насъ ровно никакихъ послѣдствій. Очевидно, что всякая изъ подобныхъ мѣръ, принимаемая отдѣльно, безъ связи съ общими предначертаніями внутренней политики, всегда будетъ имѣть характеръ внѣшняго насилія или полицейскій, а не истекающій изъ прямыхъ и непосредственныхъ видовъ политики національной. Крестьянскія коммиссіи и военно-полицейское управленіе ли здѣсь офиціальную переписку исключительно на русскомъ языкѣ, но до тѣхъ поръ, пока вообще языкомъ правительственнымъ не будетъ языкъ русскій, наши оффиціальныя школы едва ли могутъ привести къ замѣтнымъ успѣхамъ. Нужно ли говорить о послѣдствіяхъ, какія могли бы ожидать насъ въ случаѣ открытія, напримѣръ, польскаго университета въ Варшавѣ? И безъ содѣйствія университета, въ послѣднее время появилось въ Варшавѣ множество новыхъ періодическихъ изданій, въ которыхъ очень невидно подновляются въ памяти и въ воображеніи поляковъ историческія воспоминанія о Рѣчи Посполитой, тогда какъ съ нашей стороны, всѣ интересы русской народности имѣютъ представителемъ своимъ *Варшавскій Дневникъ*. Осадное положеніе относится въ на-

стоящее время не къ одной Польшѣ, но и къ тѣмъ русскимъ силамъ, которыя работаютъ въ Царствѣ. Мы по прежнему сѣтуемъ только о томъ, что „нѣтъ у насъ людей“, а между тѣмъ не довѣряемъ и питаемъ опасенія къ тому, что есть у насъ, и замѣщаемъ народныя силы элементами свойства болѣе чужеяднаго, нежели истинно-народнаго. Призракъ царства съ его палацами, министерствами и кодексами, продолжаетъ витать надъ нами, становится поперекъ всякой реформы какой бы то ни было отрасли управленія и производитъ польско-русскій дуализмъ, пожирающій безъ остатковъ матеріальныя силы страны, которыя могли бы быть употреблены на цѣли болѣе соотвѣтствующія нашимъ интересамъ. Въ настоящую минуту, въ Галиціи поднялись опять всѣ шляхетскія притязанія на владычество надъ русскимъ народомъ. Время не терпитъ и дальнѣйшая съ нашей стороны медленность могла бы быть для насъ весьма небезопасна. (1).

---

(1) Если эта корреспонденція непогрѣшима во всѣхъ своихъ подробностяхъ, то *благонадежность* малоросовъ-уніатовъ, живущихъ въ Царствѣ, не такъ безусловна, какъ доселѣ думали и писали. Ред.

...ержаніе 10-й книжки „Вѣстника Западной Россіи“ за $18\frac{65}{66}$ годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.